

Парк Белинского

Общественно-политический,
историко-публицистический,
литературно-художественный
журнал

№ 2 (4), июнь 2013

Содержание

Вызовы времени

Михаил Полубояров.

Петр Столыпин и интересы России..... 4

Просветительство

Дина Мануйлова.

Инерционность мышления и процесс стабилизации религии 14

Антон Инюшев.

Патернализм в разрезе:

как это было 10 лет назад.....34

Возвращение к истокам

Юрий Фадеев.

Четыре мобилизации Петра Егидеса.....46

Детали

Петр Абовин-Егидес.

Философ в колхозе 62

Культурный слой

Сергей Долженков.

Никольское биеннале..... 102

Текст

Исаак Мостов.

День из жизни штурмовика..... 112

Евгений Брейдо.

Жатто 138

Виктор Матизен.

След гвоздя 152

Леонид Трус.

Мятежный крик 168

Открытие

Дмитрий Горихвостов.

«Записки россиянина, путешествовавшего по Европе с 1824 по 1827 год» 180

Обратная связь

Переписка с авторами и читателями 192

12+

«Парк Белинского» • Общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. № 2, июль 2013 года. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № 58-0153 от 7 марта 2012 года. Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пензенской области • Учредитель: Мануйлов Валентин Игоревич • Главный редактор: Мануйлов Валентин Игоревич • Издающая организация (редакция): Автономная некоммерческая организация «Издательский Дом «Валентин Мануйлов». Адрес: 440600, г. Пенза, ул. Московская, д. 74, офис 234 • Телефон: 8 (841-2) 56-24-00 • Электронная почта: ym-penza@sura.ru • Дизайн: Оксана Маслова • Препресс: Валерий Страшнов • Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Типографии № 1». Адрес: г. Пенза, ул. Саранская, д. 78 • Сдано в набор: 22 апреля 2013 г. • Подписано в печать: 17 июня 2013 г. • Бумага офсетная. Печать офсетная • Тираж 1000 экз. Заказ № 1630 • Цена: свободная.

Михаил Полубояров

Пётр Столыпин и интересы России

Искусство руководителя любого ранга заключается в точной оценке ситуации, выявлении положительных тенденций и умении обеспечить развитие этих тенденций. Любой иной стиль управления представляет собой разновидность волевого метода, способного обеспечить в лучшем случае кратковременный успех.

Это азы управления, или, как сегодня модно выражаться, менеджмента, основы которого заложены классиками науки управления.

Если смотреть с этой точки зрения на деятельность П. А. Столыпина как премьер-министра Российской империи, то, как организатор, управленец, он проявил себя далеко не с лучшей стороны.

Называть его великим реформатором можно либо по недоразумению, либо выполняя политический заказ, либо повторяя общеизвестную истину.

Михаил Полубояров, 65 лет. Историк, филолог, журналист. Автор книг о топонимах Пензенской области, по истории села Малая Сердоба, городов Сердобск, Петровск, Аткарск, 534 статей в «Пензенской энциклопедии». Опубликовал в интернете историко-статистический справочник по всем селениям, когда-либо существовавшим в пределах Пензенской области.

Как археограф выявил в центральных архивах и опубликовал в интернете целый ряд крупных описаний территорий и крепостей от Казани до Астрахани, отказные книги Пензенского края.

К наиболее значительным заслугам этого государственного деятеля относят проведение аграрной реформы, которая в случае полной реализации якобы способна была вывести Россию на путь процветания.

Но укажите скептику на такую страну, которая бы в XX веке стала великой державой на аграрной основе! Англия? США? Германия? Франция? Япония?

Нет. Они превратились в высокоразвитые благодаря опоре на промышленные и финансовые ресурсы. Аграрные страны великими державами в XX веке не становились.

Современное государство, претендующее на роль мировой державы, обречено действовать в рамках преимущественно индустриального развития.

Сравнивая деятельность Столыпина с Петром Первым, нельзя не видеть того, что Пётр действовал более прозорливо, развивая промышленность, открывая новые пути для экспорта сырья и металлов. И не его вина в том, что усилия по переводу России на путь индустриального развития не были поддержаны.

Столыпин – прежде всего ретроград, его политический идеал – абсолютная монархия с опорой на дворянство и «крепкого мужика». И тащил он страну назад в средневековье с его сюзеренами и вассалами.

Вторая черта, не делающая чести Столыпину как государственному деятелю, – политическая и экономическая близорукость.

Напомню тривиальный факт. В конце XIX века в России наблюдался аграрный кризис, связанный с перепроизводством зерна.

Поэтому России не было никакой нужды расширять посевы. Имевшая слабо развитую транспортную сеть страна решительно не могла стать достойным конкурентом своих западных соседей на зерновом рынке.

Держаться на высоком уровне конкуренции она могла лишь за счет разорения производителей зерна, прежде всего дворянского хозяйства, являвшегося крупнейшим экспортером. Углубляя свою реформу, близорукий Столыпин рубил сук, на котором сидел, разоряя не только крестьян, но и дворянство – опору самодержавия.

Нет сомнения, Россия крайне нуждалась в реформах, в том числе аграрной. Но в каких формах?

Откроем карту Пензенской области и отметим промышленные центры, какие функционировали в начале XX века. Это Пенза и уездные города Городище, Кузнецк, Сердобск, Керенск, Спасск, Наровчат, Нижний Ломов, Мокшан, Чембар. Всего десять.

Из десяти в семи, то есть у 70% (Городище, Керенск, Спасск, Наровчат, Нижний Ломов, Мокшан, Чембар), не имелось железных дорог.

Сурская, мокшанская и хоперская водные магистрали утратили свое значение как транспортные артерии, перевозки по ним были ничтожно малы.

Возьмем сетку схемы расположения листов карты Пензенской области, опубликованную в издании «Топографическая карта. Пензенская область» (М., 1997).

Понаблюдаем, какие условия имел крестьянин, желавший продать выращенную продукцию. Всего на схеме в границах области 37 квадратов. Из них на 19-ти железных дорог при Столыпине не было. Это более 50% территории области.

Таким образом, рынок сбыта практически полностью отсутствовал у половины общин, хуторян и дворянских имений. Возить на лошадях за десятки километров сельскохозяйственную продукцию к железнодорожным станциям и элеваторам – крайне неэффективное занятие, а мясо-молочные изделия в летнее время – просто невозможно.

Между тем, в каждом уезде насчитывалось несколько сел с численностью населения от 3 до 10 тысяч человек. При внимании к их промышленному развитию из этих сел могли получиться города.

Вот куда следовало направить средства, используя внутренние финансовые ресурсы и иностранные займы! А не на переселение крестьян в районы Зауралья и Западной Сибири, откуда половина переселенцев вернулась на родину.

В подтверждение правоты столыпинского курса обычно приводят цифры, что в результате аграрной реформы в 1913 году объем производства зерна в России превышал на треть аналогичный показатель в США, Канаде и Аргентине вместе взятых, что российский экспорт зерна достиг 15 млн. тонн.

Однако цифры эти некорректные. Хорошо известно, что 1913 год – самый высокоурожайный за предвоенный период (высокий урожай был получен и в 1909 году).

Посевная площадь выросла с 88,3 млн. десятин в 1901-1905 годах до 97,6 млн. десятин в 1911-1913 годах. Так что положительный результат достигнут благодаря погоде и экстенсивному земледелию.

Далее, это было время механизации сельскохозяйственных работ как всемирного явления: стали применяться усовершенствованные плуги, рядковые сеялки, конные жатки, паровые молотилки, веялки и другая техника (местами – даже трактора). Техника позволяла проводить полевые работы в сжатые сроки и тем самым увеличивать урожайность.

Поэтому необходимо более корректное сравнение.

И тут оказывается, что средний урожай по России на единицу посевной площади был значительно меньше, чем в странах Запада. В 1909-1913 годах в России

собиралось по 45 пудов хлеба на десятину посева. В 2 раза меньше, чем во Франции, и в 3 раза, чем в Германии.

Столыпин мало интересовался развитием промышленности. Это видно по многим ключевым показателям. С 1900 по 1913 годы число рабочих, занятых на крупных фабрично-заводских, горных, горно-заводских предприятиях и транспорте выросло с 2,64 млн. чел. до 3,94 млн. человек, или на 33%.

Население России выросло за этот период (без Финляндии) со 131,9 млн. до 165,7 млн. человек, на 20%. Причем при Столыпине-премьере и через 2 года после него, с 1908 по 1913 гг., рост числа рабочих в ведущих отраслях составил 15%. Мизерная их прибавка – свидетельство невнимания правительства к индустриальному росту.

Вместо того, чтобы направить средства на строительство промышленных предприятий в Европейской части, превращая крупные сёла в города, создавая рабочие места для огромного количества сельских пролетариев, соединяя новые города железными и шоссейными дорогами, оборудуя пристани на крупных реках, по настоянию Столыпина средства шли на оказание финансовой помощи крестьянам-отрубщикам и переселенцам в Сибирь и на Урал.

Вместо европейского пути развития с их густой сетью городов Столыпин выбрал путь азиатский.

С 1906 по 1914 годы за Урал переселились 2,2 млн. человек, возвратились на места прежнего проживания – 1 млн. Половина бюджетных средств, выданная переселенцам, выброшена на ветер.

Не менее замечательная картина бездарности Столыпина как руководителя предстает при рассмотрении динамики строительства железных дорог. Известно,

какой мощный толчок промышленному развитию дала стратегия С. Ю. Витте, видевшего опору в развитии транспортной сети.

При Столыпине дело затормозилось и пошло вспять. Лишь при В. Н. Коковцове в 1913 году наметился новый подъем дорожного строительства, к сожалению, прерванный мировой войной.

При этом надо иметь в виду, что Столыпин основное внимание уделял строительству Амурской железной дороги, польза от которой для экономики России была минимальной. Просто царю хотелось срочно взять реванш за поражение в войне с Японией, а Столыпин рад стараться царю угодить.

Несмотря на сопротивление тех, кто убеждал его сначала «поднять центр», потому что, «когда центр будет силен, будут сильны и окраины», Столыпин, захлебываясь неуместными в устах премьера метафорами и псевдопатриотической риторикой, отвечал: «Лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватает жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесенных ей ран, то наиболее отдаленные, наиболее истерзанные части ее раньше, чем окрепнет центр, могут, как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться».

И так далее про «веру в русский народ», его «жизненные силы»...

Будто не ведая, что на сильное государство соседи никогда не нападут. Нападают на слабых. Если Столыпин имел в виду Польшу и Финляндию, то эти государства отнюдь не представлялись «истерзанными» и фактически уже «отвалились».

Имеющиеся статистические данные позволяют представить динамику строительства дорог.

Железнодорожное строительство в России
(Среднегодовое, в верстах)

	1891- 1900	1901- 1909	1910	1911	1912	1913
Казенные	775	838	1177	193	164	733
Частные	1127	408	468	1386	586	248
Всего	1902	1246	1645	1579	750	981

* Сведения за 1911 год даны с учетом протяженности дорог местного значения.

А в это время в Европе и США началось бурное дорожное строительство, там восторжествовала истина: дорога – это жизнь, она является основой экономического развития государства и благосостояния граждан, даже если на его территории не было полезных ископаемых.

Поведем итоги. Что оставил после себя Столыпин как председатель Совета министров Российской империи?

Ложный экономический курс.

Ошибочные решения в области внешней политики. Именно при Столыпине Россия переориентировалась от поддержки Тройственного союза (Австро-Венгрия, Германия, Италия) на Англию, заключив с нею соглашение в 1907 году.

Англия была врагом Австро-Венгрии и Германии, поэтому Россия в случае войны оказывалась крайне уязвимой, в то время как Англии ничто не угрожало.

Это в конце концов и произошло.

Этим соглашением Столыпин нанес вред дружеским внешнеэкономическим связям с ближайшими соседями

ми, предпочел им заморскую страну, получив взамен затруднения в импорте промышленной продукции, в которой Россия так нуждалась, и ограничив экспорт сырья и продукции сельского хозяйства.

С точки зрения геополитики Столыпин превратил Россию в поставщика пушечного мяса для молодых хищников.

Он оставил после себя страну, в которой обострились противоречия а) между крестьянством и дворянством, б) между крестьянством и государственной властью, в) между дворянством и буржуазией, г) между буржуазией и государственной властью.

Клубок противоречий был замураван, как взрывчатое вещество в гранате. Не случайно крестьяне испытывали к Столыпину ненависть даже спустя многие десятилетия. Яркий тому пример – воспоминания простого пензенского крестьянина Андрея Васильевича Шайкина, прожившего почти 100 лет и написавшего в начале 1990-х годов воспоминания о своей жизни.

То же отмечали хуторяне – современники Столыпина: «Раньше были просто крестьяне и всё... А теперь пошли собственники, хуторяне, общественники, и все друг на друга зубы скалят. Вот какая началась ссора... Нечего сказать, заварили кашу».

Таким образом, реформа не достигла ни экономических, ни политических целей, которые перед нею ставились.

Возведение Столыпина на уровень национального гения, может быть, свидетельствует о желании властей утвердить волевой стиль управления, прикрываясь высокими словами о «величии России», «благе народном» и прочей словесной шелухой.

Но для демократического общества, рыночной экономики волевой стиль неприемлем.

Другая причина – ориентация внешней политики России конца 80-х – начала 90-х годов XX века на Соединенные Штаты Америки, которым Россия нужна лишь в качестве колонии. Первый камень фундамента под этот курс заложил Столыпин.

Третья причина преклонения перед Столыпиным – психологическая. У части людей, безотносительно к уровню образования и социального положения, есть потребность «припадать к стопам» более сильного, властного, увенчанного внешними знаками великолетия, пользующегося «общественным признанием».

Столыпин был сильной личностью. Шел вперед, не считаясь с опасностями ни для себя лично, ни для семьи, ни для государства.

Такая черта называется упрямством (или «признаком тупости», по определению Глеба Жеглова). В государственной политике она приводит обычно к печальным последствиям.

Выпуски: подражание М. Л. Гаспарову

«В последнее десятилетие с невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия. Возникали, как из воздуха, миллионные состояния. Из хрусталя и цемента строились банки, мюзик-холлы, скетинги, великолепные кабаки, где люди оглушались музыкой, отражением зеркал, полуобнаженными женщинами, светом, шампанским. Спешно открывались игорные клубы, дома свиданий, театры, кинематографы, лунные парки».

Алексей Толстой. Хождение по мукам. М.: Издательство «Советская Россия». 1977, стр. 8

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Горько читать исторические труды, где самые позорные события объявляются нашей *славой*, той самой *славой*, от которой нам надо очищаться, где упиваются нашими былыми пороками, где делается попытка оправдать наши очевидные злодеяния злодеяниями кого-то другого. Покуда история не превратится в исповедь, в честный разговор со своей совестью, она не поможет нам сбросить с себя обличье народа старого и не станет для нас источником спасения».

Мигель де Унамуну. Об исконности. «Иностранная литература», 2001, № 3, стр. 247.

* * *

«Ведь чем дольше сохраняется неприкосновенность мифа, тем сильнее его воздействие, и остановить это воздействие может только осквернение мифа».

Славомир Мржеж. Страж китайской вазы. «Иностранная литература», 1996, № 6, стр. 11.

* * *

«...нация здорова тогда, когда она не боится чужеродных влияний, когда она может принять что-то извне и переплавить в недрах собственной культуры. Это признак хорошего здоровья».

Хуан Гойтисоло. «...Я никогда не заигрывал ни с какой властью». «Иностранная литература», 1996, № 12, стр. 218.

Дина Мануйлова

Инерционность мышления и процесс стабилизации религии

Очевидное оживление религиозности, наблюдаемое сейчас в нашем обществе, имеет под собой не только интерес к истории человечества вообще, отечества в частности. За этим стоят не только дань моде или временное увлечение, но и причины более серьезного порядка.

Процесс относительной стабилизации религиозности в социалистическом обществе, сопровождаемый периодическим повышением религиозной активности, требует достаточно детального исследования всего многообразия причин и обстоятельств, способствующих консервации этого типа отражения действительности.

Относительная стабилизация религиозности, о чем свидетельствуют данные проводившихся в течение более чем 20 лет социологических исследований, должна быть осмыслена таким образом, чтобы она не объясня-

---

Дина Мануйлова (1936-2012) окончила философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова в 1959 г. и, начиная с 1964 г., 48 лет преподавала философию в Пензенском политехническом институте – Пензенском государственном университете.

Настоящая статья написана примерно в 1987-1988 гг., поэтому в ней идет речь о гносеологических корнях религиозности тогдашнего социалистического общества. Публикуется впервые.

лась лишь наличием различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом и т. д.

Вероятно, недопустимо говорить о сохранении или стабилизации религиозности, имея в виду только ее конфессиональные варианты и игнорируя другие многочисленные виды превратного отражения, бытующие в повседневном сознании достаточно больших масс населения.

Вопрос о корнях возникновения, существования и сохранения религии всегда был одним из центральных для теории атеизма. Главной задачей атеизма во все времена была задача «материалистически объяснить источник веры и религии у масс».

Решая эту задачу, марксистский атеизм, продолжающий традиции свободомыслия и атеизма прошлых эпох, впервые выделяет социальные корни как основу и базовую причину формирования и функционирования превратного религиозного отражения мира. Ни в коей мере не умаляя значения гносеологических корней религии, а следовательно, и значения роли просвещения в преодолении религии, марксизм подчеркивает, что в современных капиталистических странах это корни главным образом социальные.

При объяснении причин, способствующих стабилизации религии в социалистическом обществе, видимо, правомерно искать ее корни в земных реальных отношениях, в недостроенности социалистического типа отношений и общения, в реальных противоречиях и трудностях роста конкретного социалистического общества.

Но при этом нельзя игнорировать гносеологические основы или корни сохранения религии. Традиционно гносеологические корни религии рассматриваются близко к гносеологическим корням идеализма, что в целом

правомерно, хотя при этом остается в тени различие их интеллектуальной, мыслительной основы.

Действительно, «прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота» образуют гносеологические корни и идеализма и религии. И вместе с тем в той мере, в какой не тождественны идеализм и религия, не равны и их гносеологические основы.

Идеализм – теоретическое сознание, он обусловлен особенностями логической деятельности, словесно-логического типа мышления. Рассматривая идеализм как теоретическое сознание, нельзя не учитывать и того, что при недоразвитости материалистических позиций у определенной части достаточно образованных людей (имеющих не только среднее, но и высшее образование) вырабатывается мировоззрение, которое можно было бы назвать специфическим вульгаризованным бытовым идеализмом.

Суть их позиции обычно выражена формулой «Бога нет, но нечто сверхъестественное есть». Последнее нередко именуется чем-то вроде мировой силы или даже мировой воли (причем все это без какого-либо знакомства с историческими вариантами идеализма).

Религия как способ духовно-практического освоения мира гносеологически опирается на архаичные структуры сознания, на механизм веры и обыденный стиль мышления. Вера – сложная социальная эмоция, своеобразно сопряженная со знанием или с кажимостью знания.

Человеческое существование и взаимодействие принципиально невозможно без веры, которая является эмоционально-психологическим фундаментом нормального общения и обеспечивает морально-психологический комфорт в духовной атмосфере общественной жизни.

Своеобразие знания или понимания, даваемого верой, состоит в том, что оно не опирается на какие-либо теоретические или экспериментальные доказательства, да оно и не испытывает в них потребности.

«Вера отражает, – по образному выражению Гегеля, – проникновение достоверной убежденности, наиболее глубочайшую, самую что ни есть концентрированную уверенность в противоположность любому иному мнению».

Существенно здесь то, что Гегель, в отличие от всей предыдущей традиции, очень тонко противопоставляет веру не знанию, а мнению. Это дает методологический ключ к поиску различий не столько между знанием и верой, сколько между областями, в которых мыслящий человек опирается на логически выверенное знание или же полагается на свое чувство, т. е. верит.

В вере человек ориентирован на свое чувственное восприятие и впечатление при некотором эмоциональном состоянии и настроении (речь идет и о том, что к вере располагают или, наоборот, не располагают ситуация, обстановка, предшествующий житейский опыт и т. д.).

Когда человек во что-то верит, ему кажется, что он имеет об этом вполне достаточное, ясное и достоверное знание. Можно допустить, что вера, как способ отношения к другому, имеет некоторую общебиологическую основу. Не случайно доверчивы все дети, не имеющие житейского опыта столкновения со злом.

Исторически сложилось так, что вера оказалась объектом религиозного осмысления и богословской интерпретации, включающей ряд существенных моментов.

По традиции, ведущей свое начало от античной критики христианства, вера противопоставлена знанию.

Причем в этом противостоянии акцент сделан на то, что вера имеет значение и силу там, где явно проступает несоответствие тех или иных принципов очевидности здравому смыслу и т. д.

Вера не требует ни интеллектуальных усилий, ни разумного понимания: «верую, ибо абсурдно» – таков тезис. Неявно в этом тезисе содержится другой: там, где не абсурдно, т. е. логически доказуемо, вера излишня, она там просто не нужна.

Современное богословие по сути, следуя этой раннехристианской схеме, разграничивает веру и знание в несколько ином ракурсе, не столько противопоставляя, сколько сопоставляя таким образом, что вера оказывается над знанием, выше знания, ибо она всеильна и там, где знания бессильны. Между тем вряд ли правильно сопоставлять или противопоставлять веру и знание в рамках жесткой дихотомии.

Вера как способ сознания и основа поведения выступает на первый план там, где велика ситуация неопределенности или же там, где нет подлинного знания, но есть обязательность (внутренняя или внешняя) некоторого варианта поведения.

Например, когда очень надо или по крайней мере очень хочется получить желаемый результат, а достижение его достаточно проблематично, так как человек не уверен в своих силах или даже и не может реально что-либо предпринять. Вот здесь-то и вступает в свои права вера, сопровождаемая массой культовых действий, долженствующих обеспечить покровительство сверхъестественной силы.

Поскольку же не всегда вера религиозна, то неизбежно возникает вопрос, каковы ее место, ее удельный вес в повседневном сознании, ее воздействие на взаимопонимание людей.

Вера в бытовом взаимодействии людей так или иначе присутствует на всех уровнях общения, обеспечивая его эмоциональный фон. Общение дружеское, деловое, житейское, общение партнеров, единомышленников, недругов, соперников и т. д. окрашено взаимным доверием или недоверием, открытостью или подозрительностью. Вне этой эмоции жить нельзя в том смысле, что безверие абсолютное – скорее социальная патология, чем социальная норма.

Если есть разные варианты и типы мышления, свойственные разным людям, то есть и разные варианты индивидуально-эмоциональной окрашенности поведения в том смысле, что есть люди доверчивые в той или иной степени, есть недоверчивые и т. д. Не исключено, что есть вполне определенная зависимость между уровнем доверчивости и типом мышления, хотя это и не обязательно так.

И столь же допустимо, что уровень доверчивости зависит от воспитания, нравственного сознания индивида и т. д. В данном случае речь идет о том, что вера, являющаяся фундаментом религиозного сознания, представляет собой такой тип отношения к миру и принятия социальной позиции и образа мыслей, который не предполагает предварительных доказательств, аргументов, рационального обоснования и т. д.

В самой крайней форме эта мысль выражена Тертуллианом (II в.): «Верую, ибо абсурдно». В более мягкой форме эта идея присутствует у Ансельма (XI в.): «Верить, чтобы знать».

Отчетливо жесткую постановку соотношения веры и знания по принципу «вера или знание» эта проблема приобретает с зарождением и формированием христианства, на которое обрушивается рационалистическая критика, основанная на античной логической культу-

ре. Резко противопоставляя веру и знание, требующее ясности, логичности и соответствия реалиям, отец церкви Тертуллиан выдвигает тезис: «Верую, ибо абсурдно».

Противопоставление веры и знания приводит к ряду неизбежных следствий. Прежде всего на этой основе разграничиваются сферы действия познавательного процесса, ведущего к пониманию, и веры, лежащей в основе религиозного образа мыслей. Попытки свести их воедино, стремление сделать так, чтобы при усвоении религиозных тезисов были приведены человеческие и философские доводы, дающие основу для понимания, не увенчались успехом.

Идея П. Абеляра, согласно которой «нельзя уверовать в то, чего ты предварительно не понял», была воспринята не только церковью как кощунство.

Нарастающая самостоятельность науки, ее выход из-под влияния церкви, практические успехи результатов научного знания, как ни странно это выглядит, привели с других позиций к почти религиозному размежеванию знания и веры, которая была выведена за пределы науки. Это «выведение» не в том, что нельзя научную истину принимать за веру (тут все достаточно банально), а в том, что сам феномен веры, сама категория не стали объектом строгого научного исследования. Более того, получили хождения вульгарные представления, согласно которым любая вера религиозна.

«Изгнанная» из поля активного интереса науки вера стала объектом исследования богословия и идеалистической философии и психологии. Современное богословие, хотя и не столь грубо, как Карфагенский епископ Тертуллиан, разделяет знание и веру, рассматривая последнюю как образ мыслей, стоящий незримо выше знания. «Вера выше знаний, потому что она всесильна

и там, где знания бессильны» – тезис современного богословия.

Основываясь на том, что вера так или иначе сопровождает и пронизывает все сферы человеческого взаимодействия, представители идеалистической психологии пытаются показать, что нет неверующих людей, что «религиозно неверующий верует в другом смысле». Атеизм в их истолковании оценивается в этом случае как религия, отрицающая понятие о традиционном боге.

В средневековом сознании утверждается стереотип, согласно которому наиболее правильно и угодно всевышнему верит простая душа, не обремененная каким-либо знанием.

Знание, представляющее ценность более низкого порядка, чем вера, требовало обязательного подкрепления словами авторитета, а таковым являлось в конечном свете священное писание. Подобное отношение к знанию в принципе может удовлетворить лишь тех, кто реально от знания отлучен, кого приучили довольствоваться тем, что высказано. Знание таким образом было превращено в своеобразный подвид веры, поскольку требуется исходить не из разума, а из авторитета.

Многовековое господство религиозного образа мыслей, религиозных стереотипов, усвояемых за веру, создало привычку принимать по этому принципу и знание. Усвоение знания, точнее овладение знанием на веру, имеет свои основы как в привычном для масс способе интериоризации социальных идей и принципов, так и в авторитарном стиле обучения.

Взросший авторитет научного знания, обусловленный поразительными и очевидными результатами использования науки, практическое ее воплощение, вошедшее в каждый дом, в быт, в повседневность, каждодневное обыденное потребление результатов науки не

могли не способствовать безоговорочному доверию к ее рекомендациям и выводам.

Как следствие этого – привычное принятие научных идей и выводов без доказательств и выведения, как бы исчезновение промежуточного (не менее существенного, чем результат) действия, где показана логика движения мысли. Способствует этому накладывающийся на привычные стереотипы усвоения традиционный стиль обучения, не включающий в себя элементы диалога и изгоняющий скептицизм как принцип отношения к информации и ее достоверности.

Сложившаяся в нашей общеобразовательной школе модель обучения дает человеку конечные выводы, не пробуждая потребности в самостоятельном мышлении, не формируя вкуса к интеллектуальному поиску.

Архаичному способу интериоризации знания и принципов способствует и то, что не изучается история науки. А это, в свою очередь, приводит к тому, что любая значимая научная идея принимает в массовом сознании форму вечной истины, своеобразного догмата.

Инерционность привычки принимать те или иные идеи на веру усугубляется тем, что до последнего времени у нас действовал сложившийся стереотип оценки человека, где первыми добродетелями почитались послушание и покорность, а самостоятельность мышления вменялась в вину.

Инерционность массового мышления, не способного стихийно перейти к новым формам принятия и освоения суммы знаний, во многом покоится на обыденном стиле мышления, на основе которого сложились и функционируют и религия, и всевозможные другие формы превратного отражения реальности.

В самом общем виде стиль мышления можно охарактеризовать как свойственную данной эпохе совокуп-

ность норм и принципов организации и осуществления мыслительных процессов.

Более того, успехи современной нейрофизиологии, где проблема стиля мышления рассматривается в связи с деятельностью левого и правого полушарий и вопросами функциональной асимметрии мозга, позволяют говорить даже «об определенном индивидуально-закрепленном стиле мышления».

Религиозное отражение действительности, формировавшееся на заре человеческой истории, было продуктом не только незрелых социально-экономических отношений, но и плодом примитивного, неразвитого мышления, которое еще не умело различать причину и следствие, необходимость и случайность, общее и единичное и т. д.

«Религия возникла, – пишет Ф. Энгельс, – в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и окружающей их внешней природе». Возникнув на базе примитивных мыслительных процессов, религиозное отражение реальности органично базируется в дальнейшем на обыденном стиле мышления.

Обыденный стиль мышления, исторически первый, складывается стихийно и изменяется крайне незначительно по ходу всей истории. Будучи непосредственным отражением образа жизни, способа жизнедеятельности индивидов и их повседневности, обыденный стиль мышления наиболее представлен в формах духовно-практического освоения действительности, и прежде всего в религии.

Непосредственное бытие масс людей, опыт их повседневной жизни, различаясь по странам, эпохам, народам, сохраняет на протяжении многих веков значимые общие черты и особенности, что в конечном сче-

те было обусловлено уровнем развития материальной культуры, особенно в сфере ее бытийного приложения.

Этот устойчивый «стиль жизни», имеющий в основе своей заскорузлые, консервативные формы традиционной повседневности, преломляется через адекватный себе стиль мышления, в рамках которого складываются религиозное, мифологическое, фетишистское сознание.

Устойчивость бытовых форм деятельности, консерватизм бытийных отношений, остававшихся неизменными на протяжении веков и, казалось бы, неподвластных историческим изменениям, делает обыденный стиль мышления в известном смысле «неуязвимым». На протяжении многих веков теоретический и обыденный стили мышления сосуществовали параллельно как сферы достаточно не зависимые.

Бури, происходившие в сфере теоретического мышления, смены философско-методологических систем и научных принципов никак не затрагивали или затрагивали по касательной, на самом поверхностном уровне обыденный образ мыслей, логику и особенности повседневного стиля мышления.

Теоретическое сознание, теоретические стили мышления, развиваясь автономно по отношению к массовому сознанию, достаточно долго не оказывали на последнее какого-либо существенного воздействия.

Массовое сознание в той мере, в какой оно продолжает оставаться обыденным, традиционным по стилю мышления, включает в себя неизбежно религиозные и фетишистские компоненты, даже будучи сформированным неконфессионально.

Можно предположить, что в этом общеинтеллектуальном базисе присутствуют истоки и основы, подпитывающие периодические «приливы» религиозности в

разных ее проявлениях, в том числе и активизацию конфессиональности.

Сохранению элементов религиозного стиля мышления в современном массовом обыденном сознании способствует пока еще бытующий авторитарный стиль обучения по схеме: выучи – запомни – действуй. При подобном типе обучения нередко складывается стиль мышления, для которого характерны неумение и нежелание рассуждать, оценивать, анализировать, готовность принимать все преподносимые знания как абсолютную истину.

В той мере, в какой обыденное мышление несет на себе печать стихийности, оно не освободилось от религиозных и фетишистских представлений. Подтверждается это и бытующими суевериями и многообразными вариантами фетишизма, которые складываются на основе научно-технического прогресса, и феноменом легковерия.

Обыденный стиль мышления, отражающий, как бы фиксирующий непосредственно ситуации и обстоятельства повседневной жизни, не критичен к себе по своей сущности. По своим особенностям он близок к архаичному сознанию, в котором рациональное знание и иррациональные представления составляют целостность, а реальные причины не противопоставлены воображаемому.

И дело здесь не только и не столько в формальной логике и в формальной детерминации мышления, сколько в том, что религиозное отражение реальности как своеобразный вариант практического мышления не поднимается и не может подняться до уровня осмысления противоречивой сущности бытия.

При этом обыденный, архаичный по истокам стиль мышления достаточно быстро адаптируется к любым

достижениям культуры, которые даны на уровне потребления. Достижения современной материальной культуры, такие как электричество, радио, телефон, телевизор и т. д., поначалу воспринимаемые как нечто несовместимое с религиозной позицией, постепенно становятся привычными.

При сохранении обыденного стиля мышления все эти технические новшества, будучи внешними признаками современной культуры, оказываются «принятыми» на уровне показного согласия и житейского здравого смысла.

Подобный тип усвоения культуры не является стимулом для пересмотра мировоззренческих позиций, для включения тех интеллектуальных механизмов, работа которых по необходимости приводит к овладению диалектическим методом мышления.

Сейчас можно говорить о том, что сохранение обыденного стиля мышления при достаточно высоком уровне образования приводит к тому, что зачастую и научные высказывания принимаются на уровне примитивной веры.

Основоположников марксизма не могла не беспокоить проблема взаимодействия и соотношения веры и знания, имеющая значение не столько академическое, сколько практическое. Ведь если идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами, то вопрос не только в том, какие это идеи, но и в том, каков механизм усвоения этих мыслей, на каком уровне осознания они приняты людьми.

Ф. Энгельс предельно четко сформулировал принцип марксистского подхода к тому, как будут освоены людьми идеи научного социализма. «С тех пор как социализм стал наукой, с ним надо обращаться как с наукой, т. е. его надо изучать».

После Великой Октябрьской социалистической революции на основе отделении школы от церкви и церкви от государства начинается процесс последовательного формирования научно-материалистического мировоззрения. Процесс этот не мог быть ни легким, ни сиюминутно эффективным, так как сознание масс в лучшем случае было подготовлено антиклерикально, и готовность эта была детерминирована деятельностью религиозных объединений, особенно их отношением к революции и идеям социализма.

Для массы населения, даже если некоторая ее часть отошла от своих религиозных объединений, перестала участвовать в обрядах и т. д., сохранился привычный стиль мышления и соответствующий способ принятия любых идей, в том числе и социальных.

Об том еще в начале 30-х годов предупреждал А. Деборин. Он обратил внимание на то, что «в нашем обществе, где сохранились остатки различных жизненных укладов, мы имеем еще пережитки соответствующих им типов мышления – мифического, магического, религиозно-мистического, идеалистического, метафизического и связанных с ними форм поведения. На всей нашей современной науке... так же лежит печать устаревших форм мышления».

Перед обществом стояла сложная, трудная и грандиозная по объему задача – заменить все эти привычные стереотипы не просто суммой знаний или сведений, но изменить образ мыслей, научить думать не по устоявшимся схемам.

Ключ к решению этой задачи в диалектике. Объясняя суть превращения социализма из утопии в науку, Ф. Энгельс пишет, что «материалистическое понимание истории стало возможно только при помощи диалектики». Он специально подчеркивает, что научный

социализм не мог возникнуть вне живой традиции сознательной диалектики.

А если так, то и распространение научного социализма, приобщение к нему больших масс людей не может быть достаточно адекватным без преодоления привычных мыслительных схем, без изменения сфера действия стереотипов обыденного сознания.

Неизжитая привычка верить, недостаточная подготовленность масс к принятию идей научного социализма и научно-материалистического мировоззрения на уровне понимания могли быть скомпенсированы мягкой, гибкой, ненавязчивой, убеждающей воспитательной работой.

Не случайно К. Маркс, оценивая тенденции преодоления религии в социалистическом обществе, отводит основную роль в том воспитанию. Реальная практика, наоборот, усугубила это, поскольку излишне централизованные экономические структуры, командно-административный стиль управления, деформации в строительстве социализма не могли не приводить к консервации архаичных стереотипов мышления.

А это, в свою очередь, создавало предпосылки к тому, чтобы в сознании масс проникали не идеи, понятия и принципы научного материализма и основанного на нем научного социализма, а всего лишь слова и лозунги, воспроизведение которых представлялось достаточным и выглядело как их усвоение.

Сознание, привычно принимавшее на веру основные традиции, стандарты и нормативы своей среды при определенных обстоятельствах, отказываясь от предшествующих идей и верований, воспринимает новое по тем же интеллектуальным схемам, что и старое.

Происходит своеобразное замещение традиционных верований и культов иными, где объектом привычного

поклонения становится то, что может и, более того, должно стать предметом понимания и осмысления.

В этом случае, если сохраняются привычные стереотипы сознания, неизбежно происходит процесс принятия принципиально новых идей по старой, привычной схеме, т. е. на веру.

Инерционность мышления оказалась достаточно мощной силой, которая была усилена и подкреплена ошибками и недостатками конкретного процесса построения социализма. Деформация социалистических отношений не могла не проявиться и в системе воспитания и образования, продуцировавших догматический стиль мышления, консерватизм, шаблоны, усвоение новых идей и понятий на вербальном уровне.

В конечном счете идея социализма были доведены до основной массы населения на веру. Это стало интеллектуальной основой того, что оказалось возможным подменить теорию социализма мифом о социализме.

Миф о социализме, вошедший, точнее внедренный, в обыденное сознание масс, принятый на веру, мог оказаться хорошим и бесспорным лишь до тех пор, пока сиюминутная ситуация вроде бы соответствовала.

Но как только это «соответствие» исчезает, начинаются разочарование, неверие, а затем и попытки искать утешение и пристанище в тех или иных традиционных и нетрадиционных религиях. Начинается поиск веры, тоска по вере, роль и место которой в духовной жизни человека неизбежно преувеличивается и абсолютизируется. Вере теоретически начинают приписывать свойства, которыми она как таковая не обладает.

Например, писатель О. Чиладзе так оценивает веру: «Человек без веры – не человек, вернее, уже не человек... Утрата веры дает самый коварный и опасный недуг. Я бы назвал его эрозией души...».

Однако при такой абстрактно-общей оценке с таким же успехом можно говорить и обратное. Судя по поведению, к сожалению, очень многих людей именно вера, владевшая ими, привела их к эрозии души, породила в них тупое послушание, жестокое равнодушие, фанатизм, лишила их элементарного милосердия и способности сострадать.

Тезис «ни за что не садят», воспринятый на веру, был эмоциональной и рассудочной основой для примирения с массовыми репрессиями и беззаконием.

Вера в гениальность, мудрость, прозорливость и прочие атрибуты вождя были той платформой, опираясь на которую можно было любые преступления изображать как деяния во благо народа.

Поиск веры, отождествленной с поиском идеала, поскольку произошло разочарование в мифе о социализме, не так уж редко приводит к религии. И здесь опять же получается обращение к очередному мифу не в том смысле, что религия содержит внутри себя миф, а в том, что она преобразована, модернизирована, этицирована и эстетизирована.

Условия, в которых религия и церковь оказались при социализме, будучи для истории беспрецедентными, подтолкнули религию к поиску наиболее эффективных вариантов приспособления. Не могли не сказаться благоприятно для церкви и деформации в развитии социалистических отношений, так как сложившееся расхождение декларативных тезисов и реальной жизни, разрыв политики и нравственности и т. д. стимулировали этизацию религии, помогали идеализировать ее духовно-нравственное содержание.

Из мифа о религии в ее оценке молчаливо исключается опыт многовекового существования, опыт, который неоспоримо свидетельствует о том, что в истории

ни одна религия никогда не могла ни изменить, ни улучшить социальные нравы.

Традиционность, неисторичность массового сознания, формирующиеся по инерции, не позволяют увидеть религию через ее прошлое, оценить ее не сиюминутно. Оценка религии вне ее истории сопровождается узко прагматическим подходом типа «а что плохого, ведь религия сейчас выступает за мир, одобряет политике и дает доход государству».

Мировоззренческая сущность религии при подобном отношении остается в тени, она молчаливо признается несущественной, лишенной значения. Истоки этого игнорирования мировоззренческих принципиальных различий надо искать как в недоформированности научно-материалистического мировоззрения, так и в индифферентном отношении к самой этой проблеме.

По данным социологических исследований мировоззренческих ориентаций студенчества, проводившихся в Пензенском политехническом институте в 1982 году, повторно в 1986 году, среди студентов IV курса, примерно 17% отвечающих затрудняются с определением своей мировоззренческой позиции и почти 20% тех, кто или признает существование сверхъестественного (2,6%) или же полагает это вполне вероятным.

Неконфессионально сформированное сознание считается нерелигиозным или внерелигиозным и молчаливо предполагается сознанием материалистическим, хотя это далеко не так. В такого рода неконфессионально сформированном сознании не так уж редко встречается вера во всякие модернизированные мифы и современные байки, а иногда и в банальные мистические идеи, имеющие многовековую историю и сохраненные до наших дней в рамках архаичного крестьянского уклада.

Еще в прошлом веке православный священник обращает внимание на то, что в крестьянском обиходе сохраняются не имеющие рационального объяснения поверья типа: «отдавать деньги к ночи – не хорошо, не будут водиться». Общепринято среди крестьян по заходе солнца не сводить счета, не ссужать в долг и не давать из дома никакой вещи и т. д.

Приходится констатировать, что эти суеверия, naive, примитивные и кажущиеся смешными, вполне благополучно уживаются сейчас в сознании наших современников со знаниями об устройстве мира, о человеке, социальных отношениях и т. д. Более того, вместе с бывшим крестьянством, эти суеверия переехали в город и стали атрибутом быта, в котором их носители спокойно и уверенно пользуются электричеством, телефоном, телевидением.

Подобные сочетания подобного уровня информации и архаичных верований, когда субъект не видит в своих воззрениях никаких противоречий и расогласований, не просто свидетельствует об инерционности мышления, но и выступает как своеобразный интеллектуальный фон, стимулирующий сохранение конфессиональности в ее традиционных формах. В дополнение к древним верованиям, сохранившим для определенной части людей свое практическое значение, в массовом сознании функционируют «новые», связанные с приметами дня сегодняшнего, например, вера в существование летающих тарелок, телепатии, экстрасенсов.

Школьное образование, построенное на авторитарном стиле обучения, носящее по смыслу не атеистический, а внерелигиозный характер приводит к тому, что научные знания в лучшем случае способствуют формированию стихийно-материалистического образа мыслей, исходящего из здравого смысла.

Атеизм, усвоенный по принципу: «Говорят, что бога нет, я в это верю», представляет собой своеобразную религию наоборот. Свидетельством этого является и пониманием атеизма, характерное для массового сознания.

Регулярный опрос студентов I и II курсов Пензенского политехнического института, проводившийся на протяжении нескольких лет, позволяет увидеть, что у них есть не столько понятие, сколько вульгаризованное представление об атеизме и его сущности.

В их ответах атеизм определяется, как разоблачение религии, как ее отрицание, как отрицание бога, непризнание религии. Достаточно распространены определения атеизма типа: «атеизм – позиция человека, считающего религию глупым предрассудком» или «атеизм – неверие в потусторонние силы».

О недостаточности и несостоятельности подобного атеизма предупреждал еще Ф. Энгельс: «Атеизм как голое отрицание религии, ссылающийся постоянно на религию, сам по себе без нее ничего не представляет и поэтому сам еще является религией».

Изучение основ науки в рамках логики «здорового смысла» при незнании диалектики служит гносеологическим источником метафизического материализма. Последнее же не просто способствует консервации инерционности мышления, но и не содержит в себе достаточных оснований для преодоления стереотипов превратного отражения реальности.

Нерелигиозный образ мысли, который сформирован на привычных схемах «здорового смысла», зачастую не исключает многочисленных бытовых суеверий. Вера в приметы и знамения уживается при этом не только с известной суммой естественно-научных знаний, но и с суммой «знаний» по философии.

Антон Инюшев

Патернализм в разрезе: как это было 10 лет назад

«...все это действительно не имеет смысла, если существует лишь на уровне ритуала, навязанного принуждения, если не выросло из силы каждого, из его внутреннего владения этим и потребности в этом».

Мераб Мамардашвили. Необходимость себя.

Существует мнение, что одной из важных черт политической культуры России является патернализм.

Для того чтобы проверить эту версию, или гипотезу, сотрудники кафедры социальной психологии МГУ им. М. В. Ломоносова Татьяна Стефаненко и Елена Белинская совместно с коллегами из Межрегионального института общественных наук при Томском государственном университете провели в 2003 г. региональное исследование.

Проект получил название «Политическая культура: представления о власти и патерналистские установки в ментальности россиян».

В данной статье кратко изложены характеристики и результаты этого исследования. Некоторые из данных могут быть актуальными и сегодня. Другие интересны именно тем, что информируют нас о ситуации десятилетней давности.

Публикация согласована с Татьяной Стефаненко и Еленой Белинской.

Антон Инюшев, 32 года, выпускник Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского (2003 г.). Сотрудник газеты «Улица Московская».

Статья написана специально для «Парка Белинского».

Основы исследования

Эмпирическое исследование проходило с ноября 2003 г. по февраль 2004 г. в Москве и Томске. Исследование носило междисциплинарный характер.

Всего было опрошено 548 человек. Выборка была сбалансирована по полу. Среди респондентов – 150 татар и 398 русских. Несбалансированность выборки по этнической принадлежности респондентов была связана с организационными сложностями исследования.

У русских уровень образования находится в соотношении 88,3% – высшее и 11,7% – среднее, у татар – 60,5% – высшее и 39,5% – среднее. Наибольший объем выборки составили возрастные группы от 20 до 50 лет.

Основные понятия, используемые в проекте, – это патернализм и политическая культура.

Политическая культура может рассматриваться как интернализированное знание тех или иных политических реалий, сопряженное с их аффективной оценкой.

Патернализм обозначает такие особенности социальных взаимоотношений, которые базируются на покровительстве (опеке) более сильного партнера по отношению к более слабому. И в этом смысле патернализм всегда подразумевает неравноправие и отношения власти/подчинения.

В социологии и политологии под понятием «патернализм» понимают персонификацию власти, представление о первом лице как о родительской фигуре. Сама власть в этом случае воспринимается в виде патриархальной формы, в которой Первое Лицо скорее выступает в роли «отца», чем официального главы государства.

Все официальное, формализованное, выходящее за пределы патриархальных структур встречается с подозрением, воспринимается как чуждое. Все исходящее

от Первого Лица кажется положительным, правильным, надежным, в отличие от того, что исходит от чиновников, бюрократического аппарата.

Вследствие этого в правосознании сохраняются элементы правового нигилизма и анархизма, иногда сочетающиеся с безграничной верой во всемогущество главы государства.

Воспринимая власть главы государства как патриархальную, «отеческую», массовое сознание (особенно в условиях всякого рода кризисов, социальных катаклизмов), как правило, видит выход во введении правления «сильной руки», которое только и может создать в стране твердый порядок и которое отнюдь не обязательно должно опираться на закон.

Иными словами, власть воспринимается как сила, стоящая выше закона, она может пренебречь официальным законом.

Цель проекта – выявление специфического и общего в политической культуре россиян, проживающих в разных регионах страны.

В ходе исследования применялся широкий набор методов, многие из которых были либо модифицированы и адаптированы для проекта, либо и вовсе созданы его авторами.

Гипотезы исследования:

1. Структура политической культуры россиян определяется патерналистскими установками по отношению к власти.

2. Патерналистские установки россиян проявляются в таких измерениях культуры, как коллективизм/индивидуализм, толерантность к неопределенности, феминность/маскулинность, дистанция между индивидом и властью и уровень контекстности.

3. Существующие особенности патерналистских установок определяют специфику восприятия власти.

4. Различные социальные группы обладают специфическими особенностями восприятия власти.

Структура российского патернализма

На основе теоретического анализа отношения к власти и патерналистских установок исследователи выделили следующие структурные компоненты патернализма:

1. персонификация и мистификация власти;
2. снятие ответственности с себя и делегирование ее власть имущим;
3. стремление к опеке и покровительству со стороны власти;
4. отношение к закону, проявляющееся в правовом нигилизме.

Под **персонификацией** и **мистификацией** власти подразумевались представление о первом лице как о родительской фигуре, а также наделение его «божественными» характеристиками, проявляющимися в отношении к нему как всемогущему, всеильному и непогрешимому. Его решения всегда верны, поскольку правитель всегда знает, «как лучше для народа».

Снятие ответственности подразумевает то, что люди готовы отказаться от части собственных свобод, а стало быть, и ответственности, и переложить ее на тех, кто наделен властью.

Стремление к опеке и покровительству проявляется в установке на то, что более сильные и ответственные фигуры обязаны заботиться, защищать и обеспечивать более слабых и незащищенных. Важно отметить, что защита и опека со стороны власти воспринимается как ее долг перед народом.

Патернализм как феномен правосознания (**отношение к закону**) проявляется в пренебрежительном отношении к закону, в представлении о власти как об институте, стоящем выше закона, в принципиальном неосуждении представителей власти, вне зависимости от положительной или отрицательной оценки их деятельности.

Чтобы подтвердить или опровергнуть предложенную структуру патерналистских установок, исследователи использовали методику «Патернализм», специально созданную в рамках проекта.

После проверки полученных данных выяснилось, что значение коэффициента надёжности находится на нижней границе достоверности. Впрочем, для личностного опросника это можно считать нормальным.

В результате обработки данных стало понятно, что шкала «отношение к закону» слабо коррелирует с тестом в целом. Это означало, что данная шкала не входит в структуру патернализма, поэтому было решено удалить ее из теста.

Получается, что отношение к закону в ментальности респондентов не связано с параметром «патернализм» в целом. Таким образом, можно говорить о том, что у россиян существуют патерналистские установки в отношении к власти, в структуру которых входят мистификация власти, желание опеки, снятие ответственности. Поскольку в эту структуру не вошел параметр и отношения к закону, и то его стали рассматривать в качестве внешнего критерия.

Патерналисты и непатерналисты: сходства и различия

Определившись со структурой патернализма, исследователи разделили респондентов на два кластера, при-

мерно одинаковых по количеству. Люди из обеих групп демонстрировали выраженное желание опеки, однако для членов «Кластера № 1» было характерно более реалистичное восприятие власти, меньшая склонность к перекладыванию ответственности на властные структуры и большая степень признания главенства закона и равенства всех перед ним.

В «Кластер № 2» вошли, соответственно, те, кто оказался более склонен к мифологизации власти, перекладыванию ответственности на государство и жизни «по совести», «по понятиям».

Далее исследователи занимались сравнениями между членами этих двух групп – непатерналистов и патерналистов. Половые различия в установке на патернализм выявлены не были, зато обнаружили возрастные различия.

Молодые люди попали в кластер № 1, кластер «низкого патернализма», респонденты более зрелого возраста – в кластер № 2. Это означало, что молодые люди менее склонны демонстрировать патерналистскую установку по отношению к политической власти.

Возможно, предполагают исследователи, это отчасти объясняется тем, что человек, который в течение жизни работал, разделял со страной ее трудности, был лоялен государству, считает, что и власть должна позаботиться о нем. Вероятно, что политические установки людей старше 40 были сформированы во время советской власти, когда во главе государства стоял авторитарный лидер.

Поэтому установки на патернализм по отношению к власти людей старшего поколения сохранилась, в то время как установки молодых людей формировались в новое время и обусловлены современными тенденциями развития общества: требованием самостоятельности

в принятии решений, инициативы, автономности, персональной ответственности.

Выяснилось также, что респонденты, состоящие в браке, в большей степени склонны перекладывать ответственность за события, происходящие в стране, на властные структуры. Наличие детей тоже приводит к повышению значений по шкале «снятие ответственности». Причем количество детей не имеет значения: важен лишь сам факт наличия или отсутствия детей.

Авторы исследования не берутся сделать однозначный вывод о том, какой из этих параметров – брак или наличие детей (или они оба) – влияет на увеличение патерналистских тенденций, так как они тесно сопряжены между собой. Вопрос о том, какой из факторов действительно детерминирует наблюдаемые изменения, остался открытым.

Респонденты, имеющие высшее образование, по сравнению с респондентами, имеющими среднее образование, в большей степени признают закон в качестве главного регулятора общественной жизни.

Русские в большей степени признают главенство закона, чем татары. Опять же не совсем понятно, что здесь является определяющим – национальность или уровень образования. Напомним, что процент лиц с высшим образованием у татар-респондентов был ниже, чем у русских.

Таким образом, как показало исследование, максимально выражена патерналистская установка у респондентов старше 40, состоящих в браке и имеющих детей, со средним уровнем образования.

Патернализм в различных измерениях культуры

Установив основные различия респондентов из обоих кластеров, исследователи стали изучать соотноше-

ние в их менталитете патернализма и других установок. В некоторых случаях взаимосвязь была найдена и описана, в остальных связь обнаружить не удалось.

Патернализм и индивидуализм/коллективизм

Параметр индивидуализма/коллективизма выбран для исследования потому, что данное измерение позволяет достаточно полно объяснить особенности отношения к власти у представителей российской культуры.

Коротко о том, что понимается под индивидуализмом и коллективизмом в культуре.

Основной смысл индивидуализма состоит в том, что человек принимает решения и действует в соответствии со своими личными целями, предпочитая их целям общественным.

Основной смысл коллективизма заключается в приоритете интересов группы над личными интересами: коллективисты заботятся о соответствии своих решений и действий значимому для них сообществу.

Кроме того, коллективизм и индивидуализм классифицируются Г. Триандисом (по методике которого они и исследовались) по критерию вертикальность/горизонтальность.

Горизонтальный коллективизм характеризуется высокой степенью значимости групп членства для индивида. При этом индивид не подчинен группе, отсутствует строгая иерархия.

В вертикальном коллективизме, напротив, присутствует четко выраженная иерархия, индивид готов пожертвовать собой ради группы.

Горизонтальные индивидуалисты действуют, исходя из собственных соображений, каждый сам по себе, без оглядки на других.

Вертикальные индивидуалисты сравнивают себя с другими, стремятся стать самыми лучшими.

По результатам проведенного исследования соотношение патернализма с коллективизмом и индивидуализмом вырисовалась достаточно противоречивая картина.

Патернализм одновременно коррелирует с горизонтальным индивидуализмом, горизонтальным коллективизмом, а также с вертикальным индивидуализмом.

По мнению исследователей, одновременное сочетание горизонтального коллективизма, горизонтального индивидуализма и вертикального индивидуализма может свидетельствовать о глобальных трансформациях в российской ментальности, которые связаны с ситуацией социальной нестабильности в стране.

Представляется, что это отражает общую тенденцию России в 2003 г.: постепенный переход от горизонтального коллективизма («общинного» сознания, которое поддерживает патерналистские установки) через горизонтальный индивидуализм к индивидуальному сознанию западного типа, где приветствуется конкурентоспособность и личные заслуги каждого (вертикальный индивидуализм).

Патернализм и толерантности к неопределенности

Люди, более остро эмоционально реагирующие на ситуации неопределенности, в большей степени склонны демонстрировать установку на патернализм по отношению к власти.

Исследователи предполагают, что данная установка служит своеобразным защитным механизмом, помогающим людям справляться со страхами и тревогами, то есть теми негативными эмоциями, которые возникают как реакция на ситуацию социально-экономической и политической нестабильности, противоречивости, непредсказуемости.

Патернализм и маскулинность/феминность

Для изучения таких соотношений была использована модифицированная методика полоролевых ориентаций С. Бем и соответствующий понятийный аппарат.

Суть различий маскулинной и феминной культур: в культурах с высоким показателем мужественности особое значение приобретают успех и профессиональные достижения, которые отражают общественный статус личности. В культуре с преобладанием женского начала качество жизни важнее статуса.

В результате исследования в кластерах «низкого» и «высокого» патернализма были выявлены различия лишь по одной шкале методики С. Бэм – «маскулинность». Респонденты, демонстрирующие меньшую выраженность патерналистской установки, более склонны описывать существующую власть в маскулинных терминах, то есть видеть в ней деятельное и активное начало.

Патернализм и дистанции индивида и власти

Полученные данные свидетельствуют о том, что чем меньше респонденты мифологизируют властные структуры, чем меньше перекалдывают ответственность за политические события и собственное благополучие на государство, тем больше они дистанцируются от власти, больше требуют от нее выполнения определенных функций и более негативно относятся к власти, не доверяют и не симпатизируют ей. У респондентов с более выраженными установками на патернализм дистанция с властью значительно меньше.

Содержательный анализ отношения к различным субъектам власти

Характер отношения к различным субъектам власти анализировался с помощью методики семантического дифференциала, в которой для оценки предлага-

лись следующие объекты: «Я», «президент», «мэр города», «правительство», «городские власти» и т. п.

В результате выяснилось, что татар отличает и более высокий уровень патернализма, и более выраженная персонификация власти, и более лояльное отношение, одобрение как местных руководителей, так и президента в качестве конкретных политических деятелей.

При этом отношение к правительствам Томска, Москвы, России у татар оказалось более критическим, чем у русских.

Учитывая, что процент людей с высшим образованием в выборке среди татар был ниже, чем среди русских, исследователи оставляют открытым вопрос о том, влияют на полученные показатели уровень образования или этническая принадлежность, либо и тот, и другой фактор одновременно.

Патернализм и личностные особенности

Отсутствует взаимосвязь между патерналистскими установками и изученными в исследовании личностными параметрами: не обнаружено существенных различий в структуре ценностных ориентаций и оснований идентификации между «патерналистами» и «непатерналистами».

Впечатления от исследования

В целом проект выглядит достаточно объективным. Исследователи не стали скатываться к пропагандистским упрощениям типа «Россияне хотят царя», а констатировали факты: патерналистские установки в менталитете жителей России имеются. У некоторых они выражены в большей степени, у других – в меньшей.

Что касается недостатков проекта: после окончания исследования осталось много открытых вопросов. Их определенно стоит закрыть.

В 2003 г. исследователи объясняли несбалансированность выборки по этническому признаку сложностями исследования. Возможно, в 2013 г. эти сложности ушли в прошлое, и исследование стоит повторить на новом уровне.

Предположения, которые выдвигались исследователями, подлежат проверке. Особенно интересно узнать, подтвердится ли догадка о трансформации в 2003 г. российской ментальности. Произошел ли за эти годы переход к индивидуалистическому сознанию, или этого не случилось?

Таким образом, данное исследование стоит принять к сведению и сравнить со своими современными ощущениями, но полностью полагаться на его выводы не стоит – прошло уже слишком много времени.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Страна обрела вождя! Однако я предусмотрительно задаюсь вопросом: а куда он поведет, этот вождь? Преодоленное отчаяние нередко направляет нас по безумному пути».

Кэтрин Кресмен Тейлор. Адресат выбыл. «Иностранная литература», 2001, № 4, стр.53.

* * *

«Наша жизнь во власти глупцов, которые могут нас уничтожить; но сами они не уверены в собственной судьбе».

Марек Хласко. Красивые, двадцатилетние. «Иностранная литература», 1993, № 12, стр. 223.

Юрий Фадеев

Четыре мобилизации Петра Егидеса

Трудно писать о человеке, сведения о котором отрывочны. Тем более, если они пропущены через идеологическую мясорубку.

Но по мере знакомства с делами этого человека, с его книгами, скептическое любопытство незаметно сменилось сочувствием и даже восхищением.

Однако жизнь и дела Петра Егидеса еще не отличались в каноническую форму, поэтому каждый пишущий о нем с датами и фактами обращается исключительно вольно. Что, конечно же, представляет определенную трудность, но оставляет простор для полета фантазии. Так что от идеологии никуда не деться. Она так и прет изо всех интервалов между словами.

* * *

Егидес Петр Маркович, диссидент, философ, писатель. Родился в Киеве 15 сентября 1917 года.

Отец был расстрелян Киевской ЧК, когда мальчику было 3 года, сообщает один сайт. Во времена Ленина, добавляет другой. Словно Ленин лично отдавал приказ о расстреле.

Юрий Фадеев, 64 года, прозаик, поэт, литературный критик, журналист, автор романа «Боже царя храни», фрагменты которого публиковались в журнале «Парк Белинского» (2012, № 2, 2013, № 1) и книги стихов «Беседы с ветром».

Статья написана специально для «Парка Белинского».

А это просто сбесившиеся от власти духовные наследники Богрова стреляли направо и налево. Реки, моря крови. Иногда стреляли и соратников, с которыми что-то не поделили.

Расстрелян в 1920 г., сообщает один сайт. Сын Петра Егидеса, Аркадий (1940-2012), уточняет: «Мой отец – внук киевского раввина по материнской линии и сын расстрелянного в 23-летнем возрасте мальчика, ушедшего в революцию и что-то не поделившего с киевскими чекистами в 1921 году».

Красавица-мама, дочь раввина, оставила мальчика бабушке, но та жила в нужде и отдала внука в детдом. Прилежного, любознательного мальчика учителя и воспитатели любили. Петр последовательно прошел все ступени: октябренок, пионер, комсомолец.

* * *

В 1932 г. в СССР ввели обязательное семилетнее образование. Это были трудные и голодные годы. Учителей не хватало. И Петр Егидес по призыву Киевского обкома комсомола едет на село в Житомирскую область.

Неплохо учили в детских домах.

Это был первая мобилизация Петра Егидеса.

По тем временам он уже взрослый человек – ему 16 лет. Преподавал историю в 5-7 классах. И сам учился экстерном: в райцентре в 10 км от села была десятилетка. Свидетельство о среднем образовании получил с отличием. Это давало право поступать в любой вуз страны без экзаменов.

* * *

К этому времени Петр жил в плену загадочных слов: априори, вейсманиз-морганизм, диалектика, трансцендентный. В общем, его потянуло к философии. Привлекала возможность разобраться в марксистском Талму-

де, а буде возможно – и трактовать его. Все-таки по материнской линии он был внуком раввина.

В 1936 г. Петр Егидес послал документы на философский факультет Института философии, литературы, истории (ИФЛИ). И был принят.

* * *

Осенью юноша 19 лет в Москве. Без связей, без денег, без жилья. Но полный планов и уверенности. Оцените социальную мобильность. Оцените предоставленные возможности – равные для всех.

К сожалению, философский факультет закрыли. И Петр Егидес поступил на истфак. В 1938 г. в ИФЛИ – все-таки институт философии, литературы и истории – философию восстановили. Петр Егидес сразу же перешел туда на стационар, а историю продолжал изучать экстерном.

Однако либеральные порядки были в институте: хочешь учиться – учись. И никакого обязательного посещения лекций с предоставлением конспектов.

* * *

Петр Егидес познакомился со своей будущей женой Галиной Титовой на историческом факультете. Жили они на 25 кв. метрах коммунальной квартиры: тесть – инженер-путеец, теща-домохозяйка, жена, сестра жены и Петр. В 1940 году в семье Петра Егидеса и Галины Титовой родился сын Аркадий.

* * *

21 июня 1941 года Петр Егидес окончил исторический факультет. Ему еще два года учиться на философском. Но утром следующего дня – война.

Петр идет в Сокольнический РК ВЛКСМ и требует послать его на фронт добровольцем. В райкоме не зна-

ли, что делать с таким идиотом, но идиотов оказалось много. И через неделю был сформирован 1-й Московский добровольческий отряд коммунистов и комсомольцев. Это была вторая мобилизация.

* * *

В составе 19 армии сражается под Смоленском. Отбивали мощный натиск немцев, несли огромные потери. Петра Егидеса делают командиром минометной батареи.

Окружение.

Петр Егидес с командиром батальона и несколькими бойцами прикрывает отход. Ранен. Очнулся в плену. Через месяц бежал. Перешел линию фронта.

Бои под Смоленском были в 1941 г. Но сын уточняет: «...в сорок втором году попал в плен в Смоленской области под Ярцевом».

И оказался в объятиях СМЕРШа. Далее – спецлагерь под Вологдой, 1-й лагпункт под Воркутой.

И 10 лет, определенных Особым совещанием, за измену Родине.

Добывал уголь в шахте, работал на лесоповале и лесосплаве.

И писал письма в разные инстанции, получая неизменное: «Дело пересмотру не подлежит».

* * *

Жену, Галину Титову, тоже помотало по стране: Горьковская область, Челябинская область. Но в 1942 году она возвращается в Москву, работает в отделе кадров райотдела милиции, затем оперуполномоченной ОК УНКВД Москвы и Московской области.

Оцените юмор, нет – иронию ситуации: муж – изменник Родины, а жена работает в отделе кадров милиции, через ее руки проходят секретные, возможно, и

совершенно секретные документы. И она ездит на свидания с мужем.

Затем Галина Титова преподает в Московской школе милиции. В 1946 году она – старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма МГУ, затем аспирантка. И тоже пишет письма.

* * *

А Петр Егидес работает в лагерной медсанчасти – напомнило о себе фронтовое ранение. Однажды вечером, когда он топил печь, явился местный пахан. Нужна была справка, чтобы не перевели в другой лагерь. Медбрат отказал. Уголовник вытащил нож.

Ну да!

Куда ему, урке, против философа и фронтовика.

Петр Егидес схватил топор, которым колот лучину на растопку и ахнул урку по голове. Очень убедительный философский аргумент.

* * *

Два месяца шло следствие. Политическому грозил новый длительный срок за убийство бытовика.

В это время очередное письмо Петра Егидеса легло на стол Поскребышева, и тот поставил печатку: «Дело пересмотреть. И. Сталин».

И в лагерь пришло сообщение о реабилитации. Наверное, начальство офигело. Но все-таки был суд.

За убийство Петру Егидесу дали 2 года условно, справку, что он весь срок – 7 лет – (шесть, уточняет сын) находился под следствием, и освободили.

Был конец 1948 г.

* * *

Из интервью Петра Егидеса журналу «Община»:

«Меня освободили, но после реабилитации никуда не принимали на работу, так как понятие реабилита-

ции не вошло еще в сознание и администрация всюду считала меня подозрительным. Я уехал во Львов к сестре».

Из неопубликованной статьи Аркадия Егидеса:

«В 48 году родители уехали со мной в освобожденный Львов. Мама сменила научного руководителя, тему диссертации и стала изучать, как католические священники, ксендзы, в Львовской области, помогали бандеровцам».

Из интервью Петра Егидеса журналу «Община»:

«А в это время в связи с убийством Ярослава Галана приехал во Львов Хрущёв, и на партактиве моя жена написала ему записку, что вот, мужа реабилитировали, а на работу не принимают. Через две недели вызвали в Львовский обком: есть указание устроить вас на работу в училище».

* * *

В 1950 году Галина Титова защитила диссертацию и была направлена в Черкасский пединститут. В августе 1953 года избрана по конкурсу преподавателем кафедры марксизма-ленинизма Пензенского индустриального института. Петр Егидес тут же – ассистент кафедры, аспирант.

Итак, квартира, перспективная работа. Но...

Из интервью Петра Егидеса журналу «Община»:

«После сентябрьского пленума мне очень понравилась речь Хрущева, и я говорю жене: надо ехать и строить социализм в отдельно взятом колхозе».

И ведь поехали. Это была третья мобилизация Петра Егидеса.

* * *

В сентябре 2012 года газета «Улица Московская» предприняла экспедицию по следам Петра Егидеса в Тамалинский район. Следы обнаружались. Существо-

ет пруд, обширный и величественный, хотя плотина находится в плачевном состоянии. Рыбаки приезжают сюда за уловом. А кто сделал этот пруд – им без разницы.

Нашли и людей, которые помнят и Петра Егидеса, и Галину Титову.

Из статьи Антона Инюшева «Диссидент из Варварино»:

Председателем колхоза им. Мичурина в 1953 г. стала Галина Титова. Местная жительница Елена Мартыновна Зябликова 1926 г.р. была знакома с ней лично и помнит ее. Зябликова в те годы работала заведующей клубом в Варварино. В то время это было большое село, под 1000 человек, и колхоз там был знаменитый.

Итак, Галина Титова возглавляла колхоз, а также участвовала в самодеятельности и руководила хором. Ее сын Аркадий играл для колхозников на скрипке, и те пели под его музыку.

Петр Маркович работал заведующим молочно-товарной фермой, помогал жене в хозяйственных делах и преподавал историю в школе вместо учительницы, ушедшей в декрет.

Приехав в колхоз, первым делом супруги купили пилораму и начали строительство школы, детского сада и интерната для учеников отдаленной бригады. До этого дети обучались в свободных жилых домах. На реке Тамалке поставили плотину, в пруд запустили мальков. Были планы строительства колхозной коптильни, но они не осуществились.

Из статьи Антона Инюшева «Диссидент из Варварино»:

Елена Зябликова вспоминает: «Село было не электрифицировано, не радиофицировано. И вот эта работа была за ними. Посылали машины к Кузнецку за стол-

бами. От Тамалы вели электричество до Варварино. Купили движок для маленькой подстанции, чтобы осветить центральную усадьбу.

При нем же было проведено радио во все дома. И было помещение, где поместили радиоприемник. Бригадирам по нему передавали наряды – кому и куда идти работать. А Петр Маркович был такой проницательный, следил за работой – и положительной, и отрицательной. Он был как главный диктор, а я у него помощник. И по радио мы передавали по селу все эти новости – кого хвалили, кого бичевали».

В Варварино Егидес с женой жили скромно, в простом колхозном деревенском домике. Этот дом стоит до сих пор, и он неплохо сохранился.

Елена Зябликова вспоминает случаи, когда Галина Титова выхлопотала в Москве школьную форму для сельских детей, а Петр Егидес во время перебоя с деньгами выдал дояркам зарплату из собственных сбережений. Не все благие намерения Титовой и Егидеса удавалось осуществить.

Елена Зябликова: «Была у них хорошая цель – газифицировать село. Галина Александровна ездила в Москву ходатайствовать. Приезжала комиссия. Но ничего не получилось, потому что очень много домов было под соломенной крышей. Газ проводить было нельзя. Его провели только в 2000-м году».

Анатолий Зябликов в середине 50-х работал водителем. Он так вспоминает о Егидесе: «Деловой мужик был, наш. Чего хотел – всего добивался».

Лидия Зябликова, заслуженная доярка, подтверждает: «Он мужик простой был, хороший. Хороший организатор. Мужик работающий, дотошливый, хлопотливый. Он ни с кем не ругался, все по-хорошему старался».

* * *

В 1956 г. супруги переехали в с. Мача. Там председателем колхоза стал уже Петр Егидес. Он продолжил вести дела, согласно своим представлениям о том, что колхозам нужно меньше зависеть от спускаемых сверху планов.

Такие взгляды серьезно портили его отношения с райкомом.

Из интервью Петра Егидеса журналу «Община»:

«Колхоз мне достался бедный. Когда я приехал туда и признался, что в сельском хозяйстве ничего не понимаю, колхозники ответили: «Это ничего! Главное, чтобы была честность». – «Честность я вам обещаю», – сказал я.

Надо было, однако, налаживать дела. Я понял, что мне придется обойти всех колхозников, а их – две тысячи дворов! Что делать?

Решил купить радиоузел. Надеялся на свое красноречие. На ближайшее собрание приехал уполномоченный из райкома, и когда я предложил купить радиоузел, то райкомовец сказал: «Ну что же это: задница голая, а цилиндр на голову».

Колхозники в смех и не утвердили мое предложение. Вот вам, кстати, пример «популизма». Райкомовец взял их как чистый популист, потрафил их непониманию.

Пришлось купить радиоузел в кредит за свой счет. Установил и выступил с речью: «Мужики и бабоньки, вы хотели, чтобы вилы в руки прохиндеев – есть, хотели честность – есть, никто ни из райцентра, ни из области ничего себе в колхозе не получает... Но кукуруза пропадает, работать надо... Если завтра на прополку не выйдут все колхозники, то послезавтра я уезжаю, так как пребывание мое здесь становится бессмысленным».

И вот, представьте, – эти слова повлияли. В 4 утра все были на прополке, к полудню работа была сделана – поле как умытое. Колхозники оказались очень довольны, сами удивлялись – вот что можно сделать...»

* * *

Ай-я-яй, Петр Маркович!

Нехорошо-с вы поступили, не демократично.

Колхозники ведь решили радиоузел не покупать, а вы пошли наперекор воле большинства.

Мало того! Вы позволили себе, используя достижения техники, не согласовывая кандидатуры обычным демократическим путем, хвалить и бичевать подчиненных колхозников.

Ай-я-яй! И не надо оправдываться, что это на пользу делу. Более того, вы выдвинули ультиматум – или прополка, или я уеду.

А если бы вам доверили район? А если страну?

* * *

Не буду пересказывать, что было дальше в колхозе, можете прочитать у самого Петра Егидеса. Написано просто и красочно. Без обиды и даже с юмором.

Особенно выразительно описан последний показательный бой, который Петр Егидес дал на активе первому секретарю Пензенского ОК КПСС Бутузову.

После этого выступления оставаться председателем колхоза уже не было возможности.

* * *

В 1959 году Петр Егидес вновь вернулся к преподавательской и научной работе. Но семья распалась.

После разрыва с отцом, по свидетельству сына Аркадия, мать сетовала на то, что вышла замуж за еврея.

* * *

Вторая жена – Тамара Васильевна Самсонова, уроженка Пензы. Родилась в 1927 году. В десятилетнем возрасте пережила арест родителей, обвиненных в троцкизме. Почти месяц провела с ними в тюрьме.

Через несколько лет обвинения были сняты, и семья переехала в Москву.

Самсонова закончила философский факультет МГУ, в 1954 г. защитила диссертацию на тему: «О соотношении свободы и необходимости». Преподавала в МГУ.

* * *

Петр Егидес серьезно занялся научной работой. Защищал кандидатскую диссертацию, причем без научного руководителя.

С 1966 года он преподает в университете Ростова-Дону. Вскоре он знакомится с академиком Сахаровым, начинает участвовать в правозащитном движении, пишет письма в ЦК КПСС, осуждает вторжение советских войск в Чехословакию.

Пишет книги «Единственный выход» и «К основным направлениям социализма».

Это была четвертая мобилизация.

Из интервью Петра Егидеса журналу «Община»:

«...за книгу «Единственный выход» я сидел как умалишенный. Не может же нормальный советский человек быть против вторжения в Чехословакию и за демократизацию. А самое главное обвинение было в том, что у меня... борода! Нормальный советский лояльный человек бороду не носит. Я возражал: «Ну хорошо, а Маркс, а Ленин, а Фидель Кастро?»

Но профессор-психиатр Лунц говорит: «О, значит, у вас мания величия. Вы приравниваете себя к великим людям».

Я ответил, что не считаю Ф. Кастро великим человеком, а сравнение не есть приравнение. «Ну, ладно, – сказал Лунц, – это словоблудие, и вас надо лечить».

Вот так Петр Егидес посчитал, что владеет философскими категориями, а их небрежно поименовали словоблудием.

Весь юмор в том, что этот Лунц владел словоблудием в еще больше степени.

* * *

В 1971 году Петр Егидес выходит на свободу. Преподавать философию ему больше не позволяли, и он учит людей теории дизайна.

В 1978 году со своими товарищами начал выпускать самиздатовский журнал «Поиски». Это была попытка вступить в открытый теоретический диалог с властями по поводу сущности советского строя.

Статьи Петр Егидес подписывал различными псевдонимами.

Так появилась фамилия Абовин. От латинского *Ab ovo* – от яйца. Полностью латинская поговорка звучала так: от яйца до яблока. В смысле – от начала до конца, поскольку обед у римлян начинался с яиц и заканчивался яблоками.

Насмешник был Петр Маркович, насмешник и неисправимый романтик. И вроде не наивный вьюнош был Петр Егидес: прошел лагеря, был председателем колхоза, лечился в психбольнице. Наверно, не вылечили.

* * *

Получив опыт реализации своих идей на практике, Петр Егидес укрепился в своей правоте. Он считал, что в СССР построен не социализм, а его имитация: симбиоз государственного рабовладения, государственного феодализма и элементов государственного капитализ-

ма. Необходима реальная демократия при отсутствии диктатуры компартии.

Тут у Петра Марковича, на мой взгляд, просматривается теоретическая несуразица. Строй, который существовал в СССР, следовало бы обозначить как симбиоз государственного, первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического, местами переходящего в сугубо коммунистический.

При определенном желании и теоретической изощренности можно найти и обосновать все признаки соответствующих социальных формаций.

* * *

На пятом номере журналу устроили погром. Ворвались в квартиру, забрали все материалы почти готового номера, заготовки к следующим, пишущую машинку, всю бумагу, вплоть до туалетной. Начались допросы, аресты.

В конце 1980 году журнал прекратил существование. Всего вышло 8 номеров тиражом 20-30 экземпляров.

Петру Егидесу сказали: либо мы вас посадим в третий раз, либо уезжайте на Запад.

* * *

Он уехал. Австрия, ФРГ, Франция. По ходатайству Социалистической партии Франции правительство устанавливает Петру Егидесу пенсию как политическому эмигранту.

Он продолжает выпускать журнал, отстаивая социализм.

К тому времени специалист в области теории чисел и алгебраической геометрии Игорь Шафаревич в своей книге «Социализм как явление мировой истории»

(YMCA-PRESS, 1977) поставил на теоретическом и практическом социализме большой крест. Или вбил в него осиновый кол. Это кому как нравится.

Живя во Франции, Петр Маркович не мог не знать этой книги.

Тем не менее, он остается защитником социализма и демократии. Причем демократии не вообще, а в рамках социализма. Без демократии, считает Петр Маркович, нет социализма, а без социализма нет демократии.

Он считал, что с наступлением настоящей демократии люди непременно выберут во власть социалистов.

* * *

Из статьи Антона Инюшева «Диссидент из Варварино»:

«Во время перестройки Петру Егидесу разрешили вернуться в Россию. В 1989 г. он навестил свой родной колхоз в Тамалинском районе. Александр Ромашкин хорошо помнит этот визит.

Бывшего диссидента в д. Санниковку сопровождал работник райкома Можаров, второй секретарь Еськин, а вдалеке крутилась машина чуть ли не с сотрудниками КГБ. «Приехал простой человек, у которого в общем-то и мыслей опасных не было, а ему – такое сопровождение» – удивляется Александр Ромашкин.

Петр Егидес, зная родные хляби, захватил с собой высокие сапоги, и сразу по приезду изъявил желание посмотреть, как колхозники убирают свеклу. Но за 30 лет в сельском хозяйстве многое переменялось – свеклу к тому времени уже давно убрали.

Тогда Егидес пожелал взглянуть, как живут простые колхозники, захотел пообщаться с ними.

Александр Ромашкин вспоминает: «Я собрал человек 50, и он побеседовал с ними. Что мне запомнилось,

он сказал: «Я жил и при социализме, и при капитализме во Франции. Не спешите туда – пожалеете». Вот его слова.

А потом в газете «Советская Россия» была статья его на всю страницу. Я так понял, что там он защищал социалистический строй. Хотя он был обиженный на верхушку партии за гонения, из-за которых он вынужден был эмигрировать во Францию».

* * *

В журнале «Огонек» была фотография и статья по этому поводу.

Статью не помню, а фотография была колоритная. Кондовый мужик времен лозунга «Земля – крестьянам», в картузе, до глаз заросший белой бородицей, нос картошкой, держит в заскорузлых ладонях землицу.

В мужике и с микроскопом не признать доктора философии.

* * *

Петр Егидес часто приезжал в Россию, выступал с лекциями. Яростно критиковал «гайдаровские» реформы. Предупреждал политиков: «Мы подошли к последнему рубежу развилки. Либо укрепится на несколько десятилетий «бешеный» капитализм с полярным расслоением народа, либо люди труда возьмут предприятия в свои руки».

Но нет пророка в своем отечестве.

* * *

Умер Петр Егидес 13 мая 1997 году в Москве, немного не дожив до 80 лет, которые он когда-то себе определил. Похоронен в Кретейе, во Франции.

Не простой был человек Петр Маркович Егидес.

Специалист по проблемам смысла жизни. И всю

жизнь не только в теории, но и на собственной шкуре искал этот смысл.

Биография Петра Егидеса достойно вошла бы, буде написана такая книга, в серию ЖЗЛ, в серию «Пламенные революционеры» или, например, в такую – «Святые и мученики».

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Граф только тогда чувствовал, что совесть его чиста, а честолюбие удовлетворено, когда для одного приобретал табачную лавку, для другого – лицензию, для третьего – должность, для четвертого – аудиенцию. Если же кому-либо из подопечных помочь не удавалось, душа у него болела. Но Морстин не отступал и обращался во все инстанции, пока не исполнялась его воля, а значит, и воля находившегося под его крылом подопечного. Поэтому крестьяне любили и уважали графа. Ведь народ и понятия не имеет о том, что толкает сильного помогать слабым и беззащитным. Он просто мечтает о «добром господине» – и часто в своей детской доверчивости оказывается благороднее того, кого водворяет на пьедестал. Глубочайшее желание народа – увериться в могуществе и справедливости властителя. Поэтому он так беспощадно мстит господам, когда те его разочаровывают, словно ребенок, который, к примеру, окончательно доламывает свой игрушечный паровоз, когда тот перестает двигаться. Поэтому-то народ, как и детей, надо одаривать прочными игрушками и справедливыми господами».

Йозеф Рот. Бюст императора. «Иностранная литература», 1998, № 3, стр. 87.

Петр Абовин-Егидес

Философ в колхозе

Фрагменты из книги

Опережая мемуары

Честное слово, я не собирався писать мемуары: во-первых, очевидно, рано; во-вторых, как-то неудобно, не с руки: их пишут ведь люди именитые... Правда, я лично знал многих именитых: начиная с таких членов Политбюро, как «железный» Шурик (Шелепин), или «мягкий» Кулаков, или ряда зятьев (зять Сталина – Юрий Жданов, зять Хрущева – Аджубей, зять Косыгина – Гвишиани) и кончая такими титанами оппозиционного духа, как Твардовский, и «диссидентского» духа, как Сахаров, Григоренко, Орлов, – то соприкасаясь с ними, то общаясь, то сотрудничая.

Но что из этого? Об одних говорить просто стыдно, а другие лучше сами о себе скажут...

Но вот об одном периоде в моей жизни, как уверяет меня мой друг Жан Кехаян, я обязан уже сейчас поведать – это период жизни в колхозе: ведь именно здесь, как в фокусе, высвечивается вся наша система, называемая очень емко... «реальным социализмом», – и по этому я не жалею о годах, проведенных в деревне.

Я оказался председателем колхоза, когда мне было около 40 лет, т. е. когда я прожил почти половину своей жизни: я уверен, что дотяну по крайней мере до 80-ти, ведь мне ещё многое надо сделать, чтобы выпол-

---

* Впервые опубликовано в журнале «Континент» (1983, № 42). Публикуется с небольшими сокращениями.

нить то, что я себе наметил на остаток жизни, а уйти из неё, не выполнив намеченного, неприлично; к тому же средняя продолжительность жизни сейчас всё же больше, чем была при Данте.

Думаю, что мне повезло тогда: я очутился в самом *типичном* колхозе самого *глубинного* района самой *центральной* области Российской «Федерации» – Пензенской (которую издавна называли лаптежной, а её жителей – толстопятыми пензяками) и провел тут ряд лет, причем не в жуткую пору сталинского террора (когда колхозники получали за работу только «палочки», т. е. когда за трудодень выдавали им 0,0 = ноль целых и ноль десятых), а в сравнительно благоприятные годы хрущевской оттепели (когда на столах у колхозников появился хлеб – и даже белый).

И поэтому мне не надо, как другим философам и социологам, высасывать из пальца картины образа жизни в нашем обществе или вымучивать из головы его дефиниции: достаточно лишь голого описания *того, что было*.

При этом я не стану описывать никаких ужасов (хотя я за свою жизнь видел их немало), дабы никто не мог сказать, что «это надо ещё доказать», о том, как был учинен физический геноцид крестьянства, как сбрасывали живых, опухших от голода, в овраги... я расскажу лишь об *обыденной* жизни, о *буднях* обыкновенной советской деревни лучших лет колхозной действительности – хрущевских.

Вот первый факт всплывает из глубин памяти: когда меня привезли в колхоз на выборы председателя и секретарь райкома представил меня, одна баба – её звали, как я потом узнал, Груня, после она стала «передовой» дояркой, – с места выкрикнула, обращаясь ко мне:

– А твой партбилет мочой не пахнет?

Раздался громкий гогот присутствующий, и я, по правде сказать, растерялся: ничего не понял...

Оказывается, бывший председатель колхоза по фамилии Бывшев (его так затем и звали: «бывший Бывшев») однажды, пьяный, гнался в поле на колхозном автомобиле за одним («отдельно взятым») зайцем прямо по бороздам – автомобиль сломался, и председателя нашли спящим возле убитого зайца в борозде; председатель валялся в луже собственной мочи, и в ней же рядом «купался» его партбилет.

Пострадали заяц, автомобиль, партбилет – не пострадал лишь его носитель, сам Бывшев; с него «всё как с гуся вода»; он ведь «свой», «нашенский», «проверенный», «преданный» – и потому ещё целый год продолжал пьянствовать, куролесить, куражиться над колхозниками, пока окончательно не доконал не только автомобиль, но и весь колхоз целиком и полностью.

Вот тогда на его место и привезли меня – очередного, как полагали колхозники, ката в мешке...

С чего же всё началось?

Я решил на своей шкуре испытать колхозную жизнь из самого нутра (что, как я потом узнал, у современных социологов называется методом вживания) в качестве бригадира. Можно сказать, что бригадир – центральная фигура в колхозе, ибо он, а не председатель, имеет прямую связь с колхозниками, непосредственно общается с ними. Я видел, что бригадиры работают старыми, не демократическими, а самоуправскими методами, и хотел на деле испробовать другие методы.

Но тут я столкнулся с огромным противоречием: в стране колхозники ни в чем экономически не были заинтересованы, а уговоры, доброе слово на многих не действует. Вот несколько семей категорически и систематически нарушали трудовую дисциплину: то вовсе

не выходят на работу, то приходят после всех, то уходят, когда вздумают... Что делать? Обычно бригадиры поступают так:

– Лошадь на базар не получишь.

– Ну и ... с тобой, поеду с соседом.

– А, вот так! Тогда завтра же, ... вашу мать, выгоню вашу корову из стада!

Что сие значит? А вот что: каждая колхозная семья не может сама пасти одну свою корову весь день, да и негде, а колхоз выделяет для коров всех колхозников данного села пастуха (которого, конечно, оплачивают сами колхозники) и пастбище.

Если же выгоняют корову из стада, то семья обречена на голод: корова – главный кормилец.

Я видел однажды, как бригадир Виктор Зябликов изгонял чью-то корову из стада. Это была потрясающая картина. Корова не уходила, как он её ни гнал батоном. Тогда он привязал её за рога к своей телеге и приволок к дому наказанной. Женщина выбежала в слезах, и проклятия сыпались на голову бригадира...

Корова снова прибежала в стадо. Тогда Виктор увел её на колхозный двор и привязал к столбу...

Мог ли я действовать такими методами – методами внеэкономического насилия? Мог ли позволить себе это я – сторонник самоуправления, желающий быть гуманистом? Что же было делать?

Чтобы заинтересовать колхозников высокой оплатой, надо, чтобы они хорошо работали (иначе откуда возьмутся деньги в колхозе?), а чтобы они хорошо работали, надо их заинтересовать оплатой.

Но оплата будет лишь в конце года, и то неизвестно какая, и колхозники уже никому не верят (у них опыт многих жутких лет), никаким посулам. Вот и получается заколдованный круг.

Выход? Только один: платить ежемесячные гарантированные авансы, а окончательный расчет проводить не за погектарную работу, а за конечную продукцию – амбарный урожай.

Но где взять средства для ежемесячного авансирования (ведь государство почти ничего колхозу не оставляет из его дохода)? И как ввести новую систему оплаты?

Это можно сделать только в пределах всего колхоза – и то явочным порядком, т. е. не спросясь райкома партии... А это слишком рискованно.

Поэтому для меня оставались только паллиативные средства: честность бригадира, справедливость, одинаковое отношение ко всем, прекращение взяток, вымогательства у вдов поллитровок и платы «натурой».

Кроме того, мы создали совет бригады (нечто вроде самоуправления): решал всё не бригадир единолично, а совет и собрание бригады. К тому же я поставил вопрос об избрании бригадира вместо назначения.

Но все это было не то, мало... Я чувствовал, знал, верил, был убежден, что можно с колхозниками горы свернуть, но при одном условии – е с л и радикально изменить весь экономический стиль жизни колхоза...

И я понял: только самому стать председателем, только самому! Я хорошо знал, что всего сделать все равно не дадут, но многое все же можно успеть я в о ч н ы м порядком, а потом пусть выгоняют, исключают, сажают – чёрт с ними.

Но надо пробовать, испытать, чего можно добиться с нашими людьми, можно ли с ними соорудить настоящий (а не фальшивый) социализм, – вот что я должен был сделать ясным для себя.

Но для этого – чтобы занять возможность экспериментировать в качестве председателя – надо было всту-

пить в партию, в ту самую партию, которая взялась родить социализм, а породила лишь сталинскую опричнину...

* * *

И вот «грязнул» XX съезд: трехлетние намеки о каком-то культе личности очертились в конкретные факты преступлений Тирана – король был, наконец, представлен голеньким на обозрение собственному народу и всему миру.

Объявлен всеобщий колоссальный Реабилитанс миллионов заключенных. И дана была команда сверху: реабилитированные могут быть восстановлены или приняты в партию.

Меня вызвал Симаков:

– Открою вам теперь тайну: поскольку мы вами заинтересовались, то через наш райотдел КГБ установили, что вы были в заключении, но реабилитированы... Так вот, есть указание ЦК в отношении реабилитированных... Мы можем вас теперь рекомендовать председателем колхоза, если вы станете членом партии...

В течение недели я был «оформлен» кандидатом в члены партии. А через месяц рекомендован председателем колхоза.

Вилы прохиндеям!

Мы с Симаковым подъехали к Мачинскому клубу, когда там уже было полно людей. Люди ждали пере-выборного собрания заинтересованно: во-первых, бывшей председатель Бывшев их зело допек; а во-вторых, я был для них не совсем кот в мешке: слух обо мне как бригадире–учителе, как «ученом-чудаке», защищающем женщин от притеснителей, дошел и до этого села – через родственников, через колхозный базар.

Вдовы уже ждали меня с надеждой, механизаторы

– с опаской, а коммунисты – с явной настороженностью, с почти неприкрытым неудовольствием; всё, что они обо мне пронюхали, не сулило им ничего хорошего – и что я почти не пью, и что не иду на коррупцию, и что «ученый», и что фамилия какая-то нерусская...

С выяснения последней и началась выборная процедура:

– Это что за иностранная фамилия у вас, разрешите полюбопытствовать? – спросил, после того как Симков представил меня, мужской голос, желая показать свою то ли грамотность, то ли деликатность (потом я узнал, что это председатель сельсовета Серебряков Василий, кажется, Федорович, если мне память не изменяет; в селе Телки, откуда он был, чуть ли не каждый пятый был Серебряков).

– Фамилия эта сам не знаю какая – то ли греческая, то ли литовская. Но сам я – еврей.

– А-а-а! – протянул он, не выдержав.

– Вот именно «а-а», – повторил я, покачав головой. Раздался смех в зале (если хибару, где проходило собрание, которая называлась клубом, можно наименовать залом).

– А про нас хоть татарин, лишь бы честный! – крикнула одна...

– А я думал, что евреи хуже татар, что хуже евреев вообще уж никого нет, – вставил я снова. И снова раздался смех.

– Да что тут калякать, – выкрикнула другая. – Для нас все люди одинаковые, коль они хорошие. Нам одно надобно: вилы в руки вот этим прохиндеям! – провела она указательным пальцем по ряду, где сидело колхозное начальство.

И бабы загоготали, зашумели, все сразу, перебивая друг друга:

- Верно, Дашка!
- Правильно!
- Замучали!
- Супостаты!
- Спасу от них нет!
- У-у-у-у!...
- А кто такие прохиндея? – поинтересовался я.
- Ну бригадиры наши, да завы ферм, да вот этот – секретарь партии, Жирный! Он же – председатель сельсовета...

Жирный – это, как оказалось, прозвище, а фамилия его была Серебряков (как уже упоминалось выше). Он, действительно, был жирный, толстый, мордастый, красный, мог выпить литр водки без всякой закуски и не быть пьяным (это было его, кажется, единственное преимущество, чем он очень гордился).

– Ну, а позвольте поинтересоваться всё-таки, вы сельское хозяйство знаете хорошо? – спросил снова мужской голос (то был комбайнер Гордеев. Гордеевы была распространенная фамилия в Маче, втором крупном селе колхоза «Рассвет»).

– Плохо. Очень плохо. Даже лошадь запрягать не умею...

– А у нас председатели ноне на машинах ездят, – раздался снова женский голос.

– Так ведь Бывшев машину-то доконал, – вставил новый голос.

– А нам надобно одно: чтобы прохиндеям вилы в руки и чтобы...

– И чтобы председатель честность блюл!

– А сельское хозяйство мы и сами знаем, – подхватили многие голоса.

Я понял, что здесь ещё больше, чем в Варварино, шла «классовая борьба» между новыми социальными

слоями – мужчинами и женщинами, прохиндеями-коммунистами и некоммунистами, механизаторами и немеханизаторами...

Симаков вмешался:

– А может, вы по очереди выскажетесь?

– А мы по очереди не умеем...

– Вот у меня какой вопрос: пуцай новый председатель расскажет, кто он и что он.

– Вот это уже дело, – одобрительно покачал головой Симаков.

Я рассказал: воспитывался в детском доме... окончил университет ... философ ... был на фронте – воевал ... сидел ... реабилитирован...

Кто-то крикнул:

– О, это нам гоже.

– Особливо что ученый!

– И городской, культурный!

– А эти наши пьянчуги замордовали нас туточки.

– А за что сидел-то? – это снова голос из угла «прохиндеев».

Симаков встал:

– Сейчас это уже не имеет значения: есть указание ЦК партии – раз реабилитирован, значит, был невиновен...

Он явно не хотел, чтоб я рассказывал подробности об этом: стыдно ведь за партию, за режим, да и мало ли что скажут «наверху»: зачем-де допустил разговоры, которые могут «развратить» колхозников?

Кто-то крикнул:

– А ведь надобно, чтобы Бывшев отчитался за свою работу... Может, мы его ещё оставим председателем, а?

– А где ж найти его?

– Пьянствует небось.

– А может, снова валяется в своем дерьме...

Эти слова вызвали взрыв гомерического смеха.

Закончилось это не совсем обычное собрание голосованием. За меня голосовали не все: ряд мужиков голосовали против. Но подавляющее большинство – за.

«За» голосовал угнетенный «класс» – прежде всего, бабоньки; против голосовал угнетающий «класс» – все бывшие председатели (их было десяток), некоторые бригадиры и завыв ферм, часть механизаторов, значительная часть партийцев (они всё те же – бригадиры, бывшие председатели и их шлейф).

Симаков отозвал меня в сторону:

– Видишь настроение коммунистов? Они опасаются, как бы ты не повел дело «не туда» (что означало это «не туда» в устах Симакова, было не совсем понятно). Надо найти с ними общий язык: они ещё не совсем поняли нового курса... Но они – наша опора. Сложно, брат... Мы с ними провели предварительное партийное собрание, они топорщились, но, наконец, обещали поддержать предложение райкома, да вот видишь, кое-кто пошел не туда (это новое «не туда» мне было уже более понятно).

– Общий язык я буду искать с *настоящими* коммунистами.

– ?? – Симаков посмотрел на меня в некотором смятении: слова мои были для него загадочными, необычными, нестандартными, а потому странными, подозрительными: в самом деле, кого я зачисляю в *настоящие* коммунисты? А вдруг и его самого к ним не причисляю...

– Гм... Ну, ладно. Смотри только – отсебятиной не занимайся, во всем советуйся с райкомом. А то ещё чего доброго дров наломаешь. Без опоры на коммунистов, на парторганизацию работать ведь нельзя.

Я молчал. Он уехал.

Коротышка

Меня приглашали к себе жить именно эти самые прохиндеи: у них хорошие дома, большие хоромы, мясо, сало, самогон, водка, красивые сестры или дочери, которые подмигивали мне...

Но я предпочел поселиться у Коротышки. Его прозвали так за низкий рост, и изба у него была приземистая, в приземистом месте. Кроме него в семье были старуха – его жена, добродушная, худенькая, бледная (почти воскового цвета), две взрослые дочери (одну звали Таня, а другую...забыл) и внучонок (дочь родила без законного мужа). Вторая дочь была замужем за приبلудным трактористом («приблудил» он сюда с Западной Украины – каким образом, уже не помню, хотя он мне об этом рассказывал).

Жила эта семья не в Маче, где находилось правление колхоза, а в Телках. Хотя село Телки было гораздо больше Мачи, но правление почему то было не тут – видимо, потому что Мача была более зажиточным селом.

Я предложил перенести правление в Телки, где жило большинство. Предложение это колхозникам понравилось. В начале правление поместилось в ту комнату, в которой жил я, у Коротышки.

Прохиндеи бесились: ведь они должны были прийти на заседание правления в избу к тому самому «парю», которого изгнали из партии. Масса же колхозников это восприняла как хорошее знамение – как вызов силам Зла...

* * *

Мои первые – «странные» – шаги колхозники восприняли одобрительно, в их наболевших сердцах вспыхивали искорки надежды:

– Председатель этот ест нашу пищу, не стал жить у прохиндеев...

– Он, знамо, наш человек.

А пища у коротышкиной старухи была такая: утром варенная картошка, «в мундире» или печенная в золе, и молоко; в обед «похлебка» опять с картошкой или крупой, а раз или два в неделю – с кусочками сала или кусками мяса. Эти куски варенного мяса вынимали, разрезали и клали в миску вместе с солёными огурцами и квашенной капустой – это считалось вторым блюдом. Вечером ели то, что осталось от обеда...

Так было во всех колхозных семьях пензенщины (да и всей центральной России). Так питалась «господствующая» в империи нация. Что такое котлеты, гуляш и прочие блюда, здесь не ведали.

«Прохиндейские» семьи отличались лишь тем, что сало и мясо клали в похлебку каждый день да в большом количестве, да и самогон стоял на столе в изобилии: и избы у них были добротные, бревенчатые, а не из брикетов, сделанных из смеси глины с навозом, как у остальных сельских пензяков.

В последние годы – после смерти Сталина – появился у тамалинских колхозников на столе и белый хлеб: хотя часть Пензенской области – черноземная степь, то есть край пшеницы, но так как при жизни Сталина *всю* пшеницу у колхозов забирало государство (это раньше называлось «госпоставка», а потом «обязательная продажа хлеба государству»), то колхозники ели только ржаной хлеб и запивали молоком (которое давала им собственная корова) – ни белого хлеба, ни мяса тогда они вовсе не имели на столах.

«Лишь Маленков, – говорили они после смерти Тирана, – *дал (!)* нам белый хлеб»...

Осенью, когда поспевали помидоры и огурцы на при-

усадебных участках (они была размером с четверть гектара – 25 «соток»), ели и их. Вот, пожалуй, и всё (да, забыл: употребляли лук и чеснок). Фруктов – *никаких*. Ягод – *никаких*: в степи нет ведь диких ягод, как в лесу. Грибы – тоже редкость.

Да и деревья – редкость: по берегам речушки, которая летом почти пересыхала, росли редкие кустарники и ива – больше ничего. Это, можно сказать, ивовый край.

Когда-то в каждом доме были сады, но во время коллективизации всё заустело, засохло. Перед самой войной попробовали вновь завести сады, но в ходе войны всё замерзло, заустело и деревья порубили на дрова.

Больше уже сады разводить не пробовали (да и не только в Пензенской области – был я уже в 70-е годы в новгородской деревне, так там сады тоже пересохли, в магазинах тоже одни слипшиеся конфеты-«подушечки», как и в 30-е, и в 50-е годы, да и по улицам часто наткнёшься на полудебильных людей, уродливых женщин: всё умное, красивое, мало мальски способное сбегало в город; поэтому не только отдельные избы заколочены досками, а целые деревни заустели, стоят без жителей, лишь валяются кое-где в избах книги, тетради, пожитки, как после нашествия иностранных полчищ).

При помещике, до революции, в Телках был большой пруд и мельница – от всего этого осталась только насыпь с двух сторон речки, а вместо плотины – в том месте где её прорвало – сделали деревянный помост, «временный», который так и остался на целые десятилетия и латается время от времени. В пруду этом когда-то водилась рыба, а сейчас колхозники даже её вкуса не знают.

Я спросил коротышкинскую старуху:

– Почему из того же мяса не пробуют хозяйки сделать котлеты или пельмени?

– А что это такое «котлеты»? У нас тут этого сроду не едали. Нешто нам, бабам, есть когда это делать, вымудрять?

Встаем в 4 часа утра, доим корову, потом ставим в печь тяжелые горшки рогачами и – на усадьбу свою подаемся, полоть, поливать...

Потом, намаявшись на усадьбе, плетемся еле-еле на работу в колхоз... А вечером мы уже без сил – кормим семью (в селе говорят не «семью», а «семью», не «стаканы», а «стаканы»), быстро стираем белье и штопаем одежду и заваливаемся спать. А среди ночи молодых баб ещё и мужики донимают, своё требуют.

Вот так кажинный день... – вся наша бабья жизнь так и проходит... Ну, а ежели ещё из сырого мяса энти котлеты делать, то когда? Да и то ещё: чем же тогда похлёбку заправлять, если не мясом – хоть раз-два в неделю? А на то и другое мясо-то не хватит...

– Ну, а до колхоза тоже похлёбку варили?

– Знамо... И тогда разваривать всякие блюда некогда было: сейчас на работу в колхоз ходим, а тогда – на своё поле ходили, его же обрабатывать надо было...

Но тогда – в годах двадцатых – хоть мяса много больше было, да сала, да и яйца ели, а нонича, когда собирем немного яиц от своих нескольких кур, везем их на базар: надо же что-то купить из обуви, да одежду кой-какую... Да и пряники с базара везли до колхозов – и бедняки когда-никогда...

– А сейчас разве нет на базаре пряников?

– Есть, хотя и не такие, как тогда... Но у нас денег же нет: на трудодни денег почти не дают, а один только хлеб – и то еле-еле хватает до нового урожая.

А при Усатом и этого не давали – одни только «палочки».

– Ох уже эти «палочки»...

И я решил посмотреть, все ли так живут. А может, всё же лучше?.. И решил обойти *все* избы (все «дворы»), поговорить с каждой семьёй в отдельности, выяснить настроение: ведь на собрании они стесняются друг друга да начальства...

И пошел. Ходил вечерами. И куда бы ни пришел, всюду, кроме семей коммунистов-начальников и некоторых механизаторов (комбайнеров, трактористов), говорили почти одно и то же: «вилы им в руки», «замучили, затерзали они честной народ», «хотим, чтобы колхоз был нашенским, а не райкомским, чтобы мы сами, кто работает, были в нём хозяева».

– А что значит «хозяева в своем колхозе»?

– А чтобы, – подхватил 10-летний сын тётки Матрены-свинарки, которая возилась рогачами у печки, одновременно разговаривая со мной, – чтобы мы могли брать в колхозе что хотим, не спрашивая ни у кого, коль это наше.

Тетка Матрена рассмеялась:

– Нет, наше детка, это значит общее, а коль это общее добро, то спрашивать надо, но не у прохиндеев и не у Симакова и Бутузова, а у общины – у самих себя, знамо, у артели, у собрания колхозников...

В жерле печи я обратил внимание на то, что там было много горшков и ведер с водой, а тётка Матрена запикивала ещё одно ведро...

– А для чего столько воды греете?

– Как же, сегодня суббота – купаться будем.

– Где?

– Как где? Знамо тут, в печи.

– Как в печи?

- А просто: залезают в печь и шпарятся вениками.
- А бани у вас нет?
- Бань тутачки ни у кого отродясь не было.

Оказалось, почти все топили по черному и купались в жерлах печей (кроме некоторых семей, у которых были уже голландские печи – с лабиринтными дымоходами), как в Полесье, где я учительствовал в 30-е годы... А ведь это был уже конец 50-х годов... Думаю, что и поныне бань в степной пензенской деревне нет.

– Ну а как я буду? – подумал я, улыбнувшись про себя. Нет, в печь не полезу, буду отмываться около печи – из лоханки.

Обойти всех я так и не сумел, подсчитал, что на это должны уйти многие месяцы: ведь с каждой семьей поговорить надо, а не просто «здрасьте – до свидания»... Но обошел я все-таки многих.

Картина в целом всё же для меня прорисовывалась: хотя жизнь у всех тут тягомотная, почти скотская, беспросветная, но неверно, что они не ощущают этой беспросветности, как полагают иные мыслители: они тяготеют этим.

Ведь грамотность всё же в какой-то мере открывает им глаза на свое существование (и я вспомнил, как Толстой в своё время полагал, что несчастному мужику впору оставаться неграмотным, дабы не осознавать своего несчастья: когда я это у него читал, воспринимал лишь абстрактно эту мысль, как некое чудачество графа).

Здесь прояснилась для меня уже совершенно отчетливо схема нового социального расслоения на селе: вместо старого – намного раздутого сталинскими опричниками – расслоения «доколхозного периода» на кулаков, середняков, бедняков-безлошадников и бат-

раков (на самом деле кулаков настоящих на Пензенщине и не было: в них зачисляли зажиточных, крепких середняков для выполнения плана-разнарядки по раскулачиванию, а когда для этого и их не хватало, то в списки вставляли и просто середняков, и тех, кто был не то середняком, не то бедняком, чем-то «между»), сейчас сельское население делится так: коммунисты и масса не коммунистов, механизаторы (плюс учителя, фельдшеры) и масса не механизаторов, мужчины и женщины, жены и вдовы.

Коммунисты, механизаторы, сельские интеллигенты (учителя, врачи, агрономы, зоотехники, ветеринары) – это была элита, остальные были в роли илотов.

* * *

Коммунисты-начальники и механизаторы (т. е. процентов десять всех колхозников) жили в деревянных домах (на хороших возвышенных местах) с голландским отоплением; остальные жили в мазанках, сделанных из плиток (размером в два кирпича), смешанных из глины и кизяков (лошадиного навоза). Кизяки эти сушили на солнце и употребляли зимой так же в виде топлива – вместе с соломой (дров тут нет).

Механизаторы жили намного лучше остальной массы колхозников главным образом потому, что получали оплату не из колхоза, членами которого считались, а от МТС (от колхоза же они получали только усадьбу да участвовали в колхозных собраниях), и поэтому могли председателя колхоза и правление послать на..., когда от них требовали сделать работу качественно или вообще что-то сделать: по работе они подчинялись только МТС. Учительницы, как правило, выходили замуж за механизаторов. Главным образом, это были браки по расчету и по престижности.

Ниже механизаторов в социальной иерархии села стояли остальные мужчины: они были ездовыми (возили зимой корма к фермам из стогов, которые находились в степи), конюхами, прицеппщиками, работали в столярной мастерской, караульными (сторожами) ночью.

Самую же тяжелую, ручную физическую работу – в поле, в животноводстве – выполняли женщины: они пололи, выкапывали и чистили от ботвы сахарную свёклу, сгибаясь в три погибели, сидя на сырой земле (часто до самой зимы, ибо работы по сбору свёклы затягивались до глубокой осени, а то и до выпадения снега); перелопачивали зерно на токах, в зернохранилищах, пололи кукурузу, картошку, грузили лопатами хлеб на грузовики, собирали сено и солому в стога (это уже вместе с мужчинами).

Особенно все это доставалось делать вдовам (а их долгие годы после войны осталось много), ибо замужних женщин всё же защищали мужья (хотя и лупцевали их время от времени, так сказать, от любви).

Вдовы же были на селе самым низшим сословием, они стояли на самой низкой ступеньке социальной лестницы, их было в колхозе процентов 30.

Эмансипация женщин, их равенство с мужчинами, разрешение женского вопроса в селе (да и в стране в целом) выглядели так: девочки учились в школе наравне с мальчиками; но и работы тяжелые женщины должны были делать наравне с мужчинами, а на самом деле делали их *вместо* мужчин.

Все черные работы делали женщины (да и по сей день это так и остается).

«Великий отец, вождь и учитель» провозгласил: «Женщины в колхозе – великая сила», – эти внешне красивые слова Сталина (он был мастером одевать мер-

зости в красивые девизы) означали в действительности вот что: то, чего за низкую оплату или почти бесплатно не хотят делать мужчины, можно заставить делать женщин, ибо они, мол, податливы, как скот: так же, как во время войны заменяли лошадей коровами, впрягая их в хомуты, так и женщин «впрягают в хомуты», когда не хватает мужчин, или когда мужчины предпочитают в них не лезть...

Поднять с колен вдов – вот первая задача, как стало мне ясно, как сформулировал я её себе. Дать им вздохнуть: освободить от бригадиров – мародеров, построить им силами колхоза хорошие деревянные избы с большими окнами вместо покосившихся темных мазанок (с крохотными оконцами), в которых, между прочим, зимой вместе с людьми находились и теленок, и поросенок, ибо в хлеву они бы замерзли и подохли. Иногда, если хлев был совсем ветхий, то и корову держали в избе – особенно в морозные дни.

Словом картина была такая: в одном углу корова и теленок, в другом – поросенок, а третьем – дети делали уроки или играли в тряпки, которые назывались куклами, а у печки ворочала рогачами кувшины и горшки мать... Темно, неуютно, холодно, сыро. Работа, работа, тоска, морока – и никаких положительных эмоций.

Можно ли считать, что подобная жизнь имеет хоть какой-то смысл? Ведь это же хуже, чем небытие, это же минус-жизнь...

Начали мы с того, что на ближайшем заседании правления колхоза был поставлен вопрос о поведении бригадира Сухова Трофима: на него было больше всего нареканий, жаловались вдовы, что он требует от них поллитровки или плату «натурой», т. е. принуждает к сожительству, иначе не дает лошадь, например, привезти солому с поля.

Когда он напивается, становится красным как рак и свирепым, глаза наливаются кровью, и он может избить тогда любого; избивает свою жену нещадно, а она – мать пятерых детей. Она буквально высохла от его истязаний.

Явиться на заседание правления он отказался: «Не пойду больше в избу к врагу партии – к этому Коротышке». Тогда член правления Шишов Петр (коммунист, скромный, очень честный и на редкость бескорыстный человек) предложил:

– Пусть решит это сама бригада на своем собрании.

Это демократично было и давало возможность правленцам избежать прямой враждебности к себе этого свирепого человека – «опоры райкома».

Собрание бригады большинством проголосовало за снятие. Бригадиром был избран родной брат Трофима – Сухов Михаил, который во всех отношениях был полной противоположностью Трофиму: беспартийный, обходительный, трезвый.

Раздался звонок из райкома:

– Что же стал коммунистов разгонять с руководящих постов! А ведь Трофим – старый, проверенный бригадир, дисциплину крепко держал... Развалишь ты так дисциплину....

– Но решило ведь собрание бригады. Демократия же...

– Допрыгаешься ты со своей демократией. Куда только она тебя заведёт?.. Плохо начинаешь, плохо... Самым умным себя считаешь, нетрудно догадаться, что у телефона был председатель райисполкома Булыгин (член бюро райкома, второй человек в районе), так это было его любимое выражение, когда он был чем-то недоволен.

Первая заповедь

Столкновение с райкомовским начальством началось (вернее продолжалось) с первых дней уборочной.

Приехал Булыгин:

– Сколько хлеба будете сдавать сверх плана?

– Два-три процента, – отвечаю.

– Это почему же так мало? Ведь хороший ныне урожай...

– А потому что колхозников тоже досыта кормить надобно.

– Но патриотизм, патриотизм где?

– А разве колхозники вне партии живут?

Отправились по полям, где работали комбайны.

– Почему не убираете пшеницу?

– Не совсем созрела. Надо ещё пару дней подождать.

– Но нам же сводку надо передавать, а не демагогией отделяться. От нас «наверху» сводку ждут, по ней судят о нашей работе, а не по словам...

– Да, но мы пока убираем овёс: он созрел раньше.

Подъезжаем к буртам с овсом. Булыгин взял горсть, просыпая сквозь пальцы:

– Да, овёс созрел. Это верно.

Поехали к пшеничному полю. Булыгин пробует колосья и – почти соглашается (в сельском хозяйстве хорошо разбирается): не совсем созрела... Едем дальше, снова мимо овсяного поля.

– Но как же быть со сводкой? – возвращается предисполкома к своему вопросу (ради которого он и приехал), ожидая от меня какой-то «инициативы», какого-то рвения...

– Сводка?.. По-моему, государству нужна не *ежедневная* сводка, а *конечная*, не сводка ради сводки. Государству нужен качественный хлеб – мы и сдадим чуть

позже, зато добротное зерно и в полном количестве, согласно плану заготовок.

– Но нам уже надо передавать сводку. Обком ждёт её от нас, – Булыгин начинает прижимать на голос. – Уборочная началась, и обком судит о нашей работе как раз по *ежедневным* сводкам, а ЦК того же требует от обкома. Симакова уже вызывал по телефону Бутузов, а его – по вертушке – спрашивает ежедневно ЦК... Понимаешь? – он многозначительно косит глаза в стороны бурта с овсом.

– Понимаю. Но сводка ведь не самоцель для государства: государству нужен настоящий хлеб, качество...

– И количество!

– Да, и количество. А мы выполним и его, но начнем через пару дней!

– Но у тебя же есть овёс, – не выдержал, наконец, Булыгин.

– Что?

– Овес, овес.

– ??

– Да, овес – это тоже хлеб. Можно сдавать пока овес, раз не поспела пшеница.

– Но овес – это фураж. Овес мы сдавать не будем.

– Почему же?

– Потому что у нас достаточно пшеницы. Государству нужен для людей хороший хлеб, а не суррогат; овёс же нужен скоту.

– Это демагогия. Самым умным себя считаешь! Забываешь о первой заповеди: первый хлеб – государству. Госпоставки – это первая заповедь коммуниста. Из овса тоже кашу варят – хорошую...

– Но мы вот будем сдавать пшеницу в полном объеме, а овес оставим скоту. У нас много пшеницы и мало овса. Первая заповедь подлинного коммуниста,

по-моему, – отказаться от бесхозяйственности, формалистики, очковтирательства, самообмана. Самообман – вот действительная демагогия.

– Вот и видно теперь, что мы зря пошли у тебя на поводу, не послав к тебе в колхоз уполномоченного. Ты обещал сам всё выполнять, требовал самостоятельности, а теперь подводишь район. Не допустим!

– Но поймите же: овес нужен скоту на зиму. Вы же сами смеялись на пленуме райкома над теми колхозами, которые ранней весной снимали соломенные крыши, чтобы кормить скот. Весной будете ругать, зачем мы *сдали* фураж, а сейчас ругаете, почему мы *не сдаем* фураж. Где же логика?

– А логика в том, что с нас требуют выполнение первой заповеди. Вот и вся простая логика! Сводку надо! А не словоблудием заниматься.

– Кормить зимой скот – это словоблудие? Ведь это нужно государству же, как и колхозу. Надо серьезно думать о животноводстве, а не о формальной сводке...

– Ну, это уж слишком: назвать сводку формальностью – значит идти против линии партии.

– Вот это и есть настоящая демагогия.

– Словом, так: если не начнёте сегодня же сдавать хлеб – либо овес, либо косить пшеницу; если сегодня же не будет сводки, то завтра положишь партбилет. Ясно?

– Нет, не ясно. Партбилет выдавал мне не Булыгин, и Булыгин у меня его отнять не может.

– Райком отнимет.

– Посмотрим.

Он хлопнул дверкой автомобиля, и шофер укатил его восвояси.

Вечером, как я и ожидал, звонит Симаков:

– Ты что же? Хлеб сверх плана сдавать не собира-

ешься! Пшеницу не косишь! Овес тоже не сдаешь! Подводишь ведь меня, район...

Я объяснил всё снова.

– Но это уже пахнет саботажем, как скажет Бутузов... Глядя на тебя, и другие председатели начнут бунтовать, отсебятиной заниматься.

– Неужели Бутузов – дурак, не понимает, что полезно, а что вредно для социализма, для советской власти?

– Пойми же, в дураках всегда тот, кто ниже рангом...

Ночью меня вызвали на бюро райкома: такое у них обыкновение – брать измором.

И всё же овёс мы так и не стали сдавать: пока шла «война» и сыпались угрозы, поспела пшеница. Буря несколько поутихла.

Однако зарубка («пункт») в моем «досье» осталась и забыта не была: она легла в кучу других зарубок, которые мне припомнили, когда «пришло время» (о, у нас «ничто не забыто, никто не забыт»).

Вон с трибуны!

В Пензе состоялось собрание облпартактива по итогам сельскохозяйственного года. Я решил: раз прямым путем пробраться к «сердцу» ЦК не удалось, то надо попробовать это сделать на облпартактиве.

К тому же Бутузов всё равно после партактива проведёт решение об отмене производимого «пиратским» путём (как он в обкоме выразился, и о чем мне рассказали) нашего эксперимента по новой системе оплаты. Поэтому, как бы Бутузов ни повел себя на самом партактиве, надо, подумал я, именно тут «давать бой». И стал тщательно готовить своё выступление.

Доклад же Бутузова лишь утвердил меня в моем

намерении. Дойдя до нашего колхоза, он разразился таким пассажем:

– А вот некоторые председатели полагают, значит-понимаете, что если их колхозы добились каких-то хороших результатов то они могут позволить себе творить произвол, отсебятину, не спросясь согласия, значит-понимаете, у нашей родной партии, значит-понимаете. Они допускают, значит-понимаете, кустарничество, наручая тем самым партийно-государственную дисциплину, значит-понимаете.

Зал притих: в кого же это «хозяин» метит? Но тут же наступила «разрядка»:

– Вот, к примеру, – продолжал, всё больше возбуждаясь, первый секретарь обкома, – председатель колхоза «Рассвет» Тамалинского района Игидэс, (он так и не научился правильно выговаривать мою фамилию) – то какие-то бюрократические приемные дни, видите ли, удумал – и где? В колхозе!

Решил, значит-понимаете, отгородиться от колхозников, от трудящихся масс забором в виде приемных дней (в зале несколько подхалимов хихикнули...), то коммунистов, значит-понимаете, с руководящих постов выгонял, понимаете ли, ком-му-ни-стов! – и он потряс в воздухе своей волосатой рукой. – То колхозников начал из колхоза исключать, то платить колхозникам-строителям, как шабашникам, большие деньги, значит-понимаете, в то время, как остальные колхозники столько получать не могут, а теперь дошел до того, что произвольно, самолично, стал проводить эксперимент по введению новой системы зарплаты – всё это в угоду, значит-понимаете, мелкобуржуазной, значит-понимаете, стихии.

Дешевый авторитет себе у отсталой массы зарабатывает... А какой ценой? Ценой того, что замахнулся на

руководящую роль партии, значит-понимаете, – и потряс снова своим кулачищем, но уже с таким остервенением, что у него даже золотые очки на переносице запрыгали.

Я тер себе висок: почему Бутузов решил всё это проговорить именно здесь, на партактиве? Очевидно, хочет основательно подготовить «удар» на бюро обкома – посмотреть, как на это прореагирует «партийная масса», чтобы показать затем членам бюро обкома и особенно председателю облисполкома Кулакову, который единственный позволял себе ему, «хозяину», оппонировать (и который, как мне потом поведал замзава сельхозотделом Огарёв, следил внимательно и с симпатией за тем, что мы делаем в нашем колхозе), что этого «профессора» гнать надо, вопреки тому, что колхоз оказался передовым.

Это последнее обстоятельство и было «ахиллесовой пятой» бутузовской атаки – и я решил уже твердо: всё обнажу первым я и тут же на партактиве раздену этого сатрапа догола (хотя он, конечно, и не подозревал, что подобное вообще в природе возможно).

Я послал почти первый записку, требуя, чтобы мне дали слово. Но Бутузов давал слово другим, а мне всё нет и нет. Я понял, что он вообще может слова мне не дать: кто-то из его окружения предложит «подвести черту», «выступило уже столько-то человек, а записалось много, но время уже позднее»...

Кто-то из подхалимов подхватит и крикнет, как обычно: «Дать заключительное слово первому секретарю!» – и все зааплодируют: никому не охота слушать эту бесконечную тягомотину, всем охота послушать концерт...

Зная из опыта все эти повадки, я поднял руку, когда кто-то кончил своё выступление. Бутузов проигно-

рировал мою поднятую руку, делая вид, что не видит. Тогда я поднялся «явочным» путем и заявил с места:

– Я послал записку вторым, а мне до сих пор не дали слова. Я же хочу сделать партактиву важное заявление и посему настаиваю, чтобы мне дали слово до того, как товарищ Бутузов (я не стал называть его по имени и отчеству, как это делали все в своих выступлениях) или кто-либо за него предложит, как обычно, «подвести черту»...

Кое-кто рассмеялся. Раздались возгласы:

– Дать! Дать!

* * *

Бутузов вынужден был дать мне слово. Но тут же предупредил:

– Времени мало, поэтому покороче и поконкретнее.

– Если не будете перебивать и мешать, то уложусь в отведенные по регламенту 10 минут. Буду говорить только о фактах. Начну с короткой справки. То, о чем говорил здесь товарищ Бутузов в адрес колхоза «Рассвет», делал не самочинно председатель его, а высший орган колхозной демократии – колхозное собрание.

Конечно, ряд предложений вносил председатель, но, подчеркиваю, его инициативы тщательно обсуждались собранием, над которым в колхозе не должно быть *никого!*

Что же касается того, что колхозники повыгоняли кое-кого с руководящих постов, то это были не коммунисты, а лжекоммунисты – пьяницы и мародеры (или, как колхозники их называют, прохиндеи). Не понимаю, какой смысл товарищу Бутузову брать под защиту людей, позорящих имя коммуниста?

Далее. Мы не исключали из колхоза колхозников, как опять-таки, нежно говоря, неточно информировал товарищ Бутузов (я подчеркнуто говорил «товарищ Бу-

тузов», а не «Сергей Иванович» или «первый секретарь обкома», как все выступающие его называли, желая этим показать, что он – обыкновенный член партии, как и все другие). Собрание исключило лишь одного колхозника за отказ ехать со всеми в лес, хотя я это предложение не поддерживал, а когда он в лес, наконец, приехал, его собрание же – кстати, по моему же предложению – восстановило. Непонятно, почему товарищ Бутузов забыл поведать партактиву эту «деталь».

Зал затих: никто ещё *так* никогда тут не говорил с «генерал-губернатором». И они чувствовали, что главное ещё впереди.

– Точно так же, – продолжал я, – допустил логические передержки товарищ Бутузов и в отношении других фактов...

– Это уже оскорбление в адрес первого секретаря! – крикнул какой-то подхалим из первого ряда. – Я предлагаю лишить товарища Игудэса слова.

– Моя фамилия не Игудэс, а Егидес. Прошу запомнить это, товарищ...

– Камов – моя фамилия.

– Ну, вот: а как бы вам понравилось, если бы я вместо Камов назвал вас Хамов или Подхалимов?

Зал прыснул от смеха.

– Теперь по существу дела, – поторопился я использовать ситуацию, чтобы сказать главное. – Я считаю (и мой опыт в колхозе подтверждает это), что сельское хозяйство будет у нас хронически хромать до тех пор, пока колхоз не станет колхозом, т. е. пока колхозы не станут кооперативными хозяйствами в соответствии со своей идеей, пока колхоз не получит права принимать или не принимать заказ...

Партактив буквально замер: чувствовалось, что председателям колхозов это абсолютно по душе, что они

это где-то в дальних уголках души вынашивают, как какую-то далекую несбыточную мечту-фантазию.

Бутузов же не сразу решил, как ему со мной поступить.

– Первым же шагом на этом пути, продолжал я, стараясь не глядеть на президиум, – является осуществление права колхоза ввести ту систему оплаты труда, которую *он* считает нужной для подъема урожайности и животноводства. Так, все вы знаете, что при погектарной оплате работники заинтересованы в количестве гектаров, а не в качестве работы.

– Верно! Верно! – раздался голоса.

– Так вот мы встали на путь замены этой оплаты оплатой за амбарный урожай. И положительные результаты уже налицо.

– Но... – открыл рот Бутузов.

– То же самое, – нажал я на свой голос, – со строительством: это же смешно, несправедливо да и, согласитесь, глупо, когда колхоз имеет право выплачивать за строительство огромные суммы денег чужим людям-шабашникам и не имеет права даже 50% этой суммы платить своим же колхозникам. Получается такая нелепость, что наемные шабашники эксплуатируют нанимателей-колхозников.

Раздался новый смех.

– А вы бы хотели, чтобы эксплуататорами стали колхозники, чтобы они эксплуатировали наемников, чтобы колхоз превратился в кооперативного капиталиста! Вот это и есть Ваша тенденция потакать мелкобуржуазной стихии! – отыгрался Бутузов и встал, полупротянув вперед руку: мол, нечего смеяться.

– Вот! Вот! Верно! – подхватило несколько подхалимистых голосов.

– Нет, не верно: мы ведь от шабашников начисто

отказываемся – значит, ни нанимать, ни эксплуатировать никого не собираемся. Что же касается мелкобуржуазности, то это просто вздорный жупел: колхоз, как известно каждому грамотному человеку (даже пионерам, школьникам) – это одна из форм *социалистической* собственности.

– Но низшая! – лицо Бутузова всё больше мрачнело и наливалось особой злобой.

– Низшая или высшая – не об этом сейчас речь. Важно, что это *социалистическая* форма. И поэтому называть то, что укладывается в эту форму и что принимается – не в обход законодательства, Конституции и Устава колхоза – на колхозном собрании, т. е. колхозной демократией, потаканием мелкобуржуазной стихии, по меньшей мере безграмотно...

– Вон! Вон с трибуны! – вдруг, словно гром небесный, раздалось рычание Бутузова, сорвавшегося, наконец, с цепи. – Вон!!!

Он встал, опёрся волосатыми ручищами (точнее, кулачищами) о стол. Его глаза сверкали, лицо и лысина налились кровью.

– Но я не кончил, – и я решил, что надо успеть громко бросить в зал ещё пару фраз. – Мне ещё надо было рассказать тут о том, как первый секретарь нашего обкома превратился в князя, потакающего очковителю во время своих поездок по районам и как по-барски относиться к бюджету времени председателей колхозов, которых считает париями!...

– Вон!!!

У собрания наступил шок – у всех буквально отнялся язык: никто (даже прямые подхалимы) не выкрикнули ни одного слова в поддержку сатрапа, но – увы, увы, увы – никто не осмелился в этой «опасной» ситуации возразить «взбесившейся посредственности»

в чине первого секретаря: сживет ведь тогда, чего доброго, со свету...

Я посмотрел с тоской на последнюю надежду – на Кулакова: «вмешайтесь же хоть вы», но ... он сидел с опущенной головой...

И я ушел с трибуны при гробовой тишине, но... не в зал, а за кулисы, а оттуда уже буквально выскочил на улицу, не оглядываясь на здание областного театра, где проходил партактив.

Мне потом сказывали, что вскоре поднялся Кулаков и тоже вышел за кулисы... Быть может, он меня-то и искал, но, как говорится, след мой простыл...

Партактив уже «не клеился». Выступил второй секретарь обкома, старался увести собрание в другую сторону – в обычную тягомотину о «наших задачах»... И тут же «подвели черту».

От заключительного слова Бутузов отказался, сославшись на выступление второго секретаря, который, мол, «все подытожил», – люди переглядывались: явление всё же необычное. Затем зачитали текст резолюции, проголосовали «одностайно» и ... остались на концерт.

* * *

Я шел по улицам, не ведая куда: я был ошеломлён, убит, но не успехом (семена посеянные всё же западали присутствующим в души) и не просто садизмом сатрапа, а *безнаказанностью* его, тем, что *такое* возможно в нашей стране, тем, что собрание промолчало, допустило подобный садизм, что не нашлось никого, кто бы встал и одернул самодурство, кто бы пристыдил Бутузова, ну, хоть бы замечание сделать осмелился...

Правда, пытался я себя затем успокоить, хорошо уже то, что «распоясался», «зарвался» я, и он это-то, конечно, понял, что партактив не с ним... Но как это

всё же мало, как это было бесконечно мало, чтобы сдвинуть с места запуганную, забитую, зачумленную, доведенную до летаргического сонного состояния Россию – Родину мою...

Долго бродил я по улицам Пензы, не находя в голове ни одной цельной мысли: какие-то огрызки фраз роились в ней, выскакивали наружу, на скакивали друг на друга так, что не за что было уцепиться...

О, если бы выходка Бутузова была исключением! Так, увы, нет же: в жизни своей и до и после мне выпало сталкиваться с рядом первых и вторых секретарей обкомов – Иркутского, Брянского, Львовского, Киевского, Ростовского, каждый из которых – это гауляйтер, генерал-губернатор, «хозяин» огромной территории, равной такой стране, как, допустим, Дания или Швейцария.

* * *

Словом, поведение Бутузова на областном партактиве не было ни исключением, ни случайностью: оно типично для того звена партийно-государственной иерархии, к которому он принадлежал.

Трагедия же в том, что уровень поведения и первого звена этой иерархии – т. е. членов Политбюро – ненамного выше в большинстве своем. Таков, к примеру, Гришин; таков был и Шелепин, хотя он казался более хитрым (его я знал со студенческой скамьи); об уровне Брежнева, Суслова, Кириленко, Алиева, Бодюла, Андропова и К можно судить по их бесцветным «историческим» речам на съездах, пленумах, перед избирателями (к сожалению, других прямых критериев их «гениальности» у нас нет).

Каким-то приятным исключением представлялся Кулаков. Об этом я давно догадывался, но убедился лишь тогда, когда он два дня спустя после злополуч-

ного облпартактива пригласил меня к себе в Пензенский облисполком:

– Я давно слежу за вашей деятельностью, знаю все ваши шаги, ценю вашу хватку и ум... Я хочу поговорить с вами серьёзно, так сказать по душам. – Он едва улыбнулся. Прежде всего мне хотелось бы снять налет недоумения у вас по поводу того, что и я оказался таким, как все, и не вмешался в выходку Бутузова на партактиве: я надеюсь, что вы понимаете, что председатель облисполкома – не первый человек в области...

– Понимаю, увы, не только это, но и то, что за этим скрывается: ведь если у нас действительно советская власть, т. е. власть Советов, то именно председатель Совета и должен быть первым человеком.

После тягостной паузы Кулаков вдруг сказал:

– Вот видите, парадокс: советская власть без власти Советов...

– А не лучше ли нам называть вещи своими именами... (Я хотел сказать: «Никакой советской власти у нас нет».)

– Возможно, но не будем сейчас об этом... так вот: не мог я прилюдно «подорвать» авторитет первого секретаря обкома, ибо он-то и есть первый человек в области...

– Гм... Всё, конечно, зависит от потолка, до которого человек – даже такой как вы – готов подняться в своей решительности.

– Вы можете, конечно, о моем потолке думать что угодно, но вы должны по крайней мере знать, что если Бутузов не осмелился ни самолично, ни через нажим на областного прокурора отменить ваш эксперимент по введению новой оплаты труда, и если он до сих пор не поставил вопрос об изгнании вас с председателей колхоза и исключении из партии, то лишь потому, что

именно я ему возражаю, а некоторые члены обкома согласны со мной, полагая, что если я осмеливаюсь возражать, то за мной стоит в ЦК какая-то сила!

И как прореагирует ЦК, на чьей стороне он окажется, ни Бутузов, ни кто-либо иной в обкоме, не знает...

Поймите же: в душе своей я целиком с вашей позицией в отношении сельского хозяйства. Если когда-нибудь появится у меня большая возможность (а я на это реально надеюсь), буду эту позицию отстаивать. Но пока – скажу прямо – лезть в открытый, прилюдный, публичный бой с Бутузовым не буду: я хочу попробовать выиграть.

Пока я лишь сказал Бутузову, что он был не только не прав, согнав вас с трибуны, но что при этом его акции в глазах актива коммунистов области упали немало, и что прежде, чем отменять ваш эксперимент, нужно хорошенько всё взвесить.

Он понимает, что это означает, что я – на вашей стороне.

Это был неожиданный для меня сюрприз, и я не мог, да и не хотел скрывать своего возбуждения:

– Я, конечно, страшно рад, что у меня и такого человека, как вы, сходные взгляды по главным проблемам нашего социального бытия. Но... разрешите уж быть откровенным до конца: думаете ли вы, что если бы оказались в Политбюро (чем черт ни шутит, – улыбнулся я), то смогли бы повернуть дело?

Кулаков криво усмехнулся:

– О, это почти невозможно.

– Что?

– Оказаться в Политбюро: степень вероятности бесконечно мала.

– Ну, а повернуть его?

– Оказавшись там, степень вероятности повернуть

его несколько большая, но и риск бесконечно большой. Но тогда бы я уж на него вышел наверняка, правда, не сразу... Иначе ведь жизнь потеряла бы смысл: если человеку выпала бесконечно редкая большая судьба, то надо оказаться достойным её. Не попытаться максимально использовать её – это уже преступление.

– И вы не боитесь мне это говорить?

– Вам – нет: ведь, судя по тому, как вы бьётесь, это смысл вашей жизни: не станете же вы предавать смысл своей жизни, предавать самого себя.

«Да, он, оказывается, очень умен – этот номенклатурщик», – подумал я. Таких я ни до того, ни после никогда больше не встречал, к великому сожалению. Он был исключением, которое подтверждает правило.

Я согласился с его предложением, что он попытается ус троить так, чтобы в наш колхоз была прислана комиссия во главе с замзавом сельхозотдела обкома партии О-вым, который близок к нему, Кулакову, и разделяет его позицию. И эта комиссия, проведя объективное расследование, поможет утвердить наш эксперимент.

Где это еще есть?

Но об отношении ко мне Кулакова Симаков и райкомовцы не знали, а если бы и знали, продолжали бы всё делать в угоду Бутузову, ибо «хозяйном» области всё равно считался первый секретарь обкома, а не председатель облисполкома, равно как «хозяйном» района – первый секретарь райкома, а не председатель райисполкома (иначе дело обстояло и обстоит лишь на самом низу – в хозяйственных, производственных единицах: на заводах, в колхозах, равно как в учебных заведениях, т. е. в «первичных коллективах», тут первым человеком был – и есть – директор завода, школы

или председатель колхоза, а не секретарь парторганизации, равно как и не председатель сельсовета и месткома.

Так менялась субординация между партийными, хозяйственными и советскими звеньями в иерархической лестнице. Так обстоит дело и по сей день.

Сложилась традиция спонтанно, но в зависимости от исходной посылки – от принципа однопартийности: диктатуру Политбюро именно такая субординация устраивает).

И вот когда я глубокой осенью, перед самой зимой, обратился к Симакову с нашим новым предложением, он, ещё не дослушав до конца, тут же взорвался (наши предложения – особенно после облпартактива – стали действовать на него, как красное полотно на быка):

– А где это ещё есть?? – пустил он в ход свой обычный в таких случаях вопрос.

Предложение же было совершенно «безобидное»: надвигается зима; зимой колхозные тракторы с санными прицепами и цистернами на них едут за 30 (!) километров (наш колхоз был самым дальним в районе) по снежным перекатам в Тамалу – брать жом на свеклопункте и барду на спиртзаводе для скота; причем туда они идут порожняком (без груза), обратно же – даже при добросовестном отношении трактористов – часть барды по дороге расплескивается (в зависимости от величины образовавшихся после поземок перекатов), а жом, конечно, замерзает, пока его везут.

Да и привозить тракторами столько, чтобы хватило всем фермам, нет возможности.

Ввиду этого правление колхоза поддержало следующий план: потроить в райцентре, на территории спиртзавода (а она огромная и заливается без толку бардой) две фермы нашего колхоза – коровник и свинарник,

благо лес у нас для этого есть, имеется и в достаточном количестве и цемент, и шифер.

С директором спиртзавода мы договорились легко: «Мне что? Территории не жалко. У нас её хоть отбавляй. Но всё же с райкомом согласовать надо».

Договорились мы и с молодыми комсомольцами – они охотно согласились провести зиму в райцентре: и деньги заработают, и в кино, и на танцы в райцентре ходить будут (наш новый клуб ещё построен не был).

Вот это всё я и изложил спокойно Симакову. На его взрывной вопрос: «А где это ещё есть?!» – я тихо ответил: «Нигде. Нигде, Федор Васильевич, этого ещё, очевидно, нет. Но если мы это сделаем, то польза от этого будет большая и государству, и колхозу, и «сводкам» – всем».

– Но земля на спиртзаводе ведь государственная...

– Ну и что? Я договорился с директором завода...

– «Договорился, договорился...» А он что, хозяин, что ли?

– Но вы же заинтересованы в «сводках» – ведь надой увеличится, и мяса будет больше.

– Возможно. Возможно. Но без обкома больше ни шагу!..

Мы бы, конечно, свои фермы могли построить явочным порядком (т. е. без разрешения «свыше»), но я знал, что директор завода без согласия райкома строить их не позволит, а райком не позволит без обкома.

И хотя колхозники – особенно бабоньки – меня утешали: «Мы своего председателя в обиду не дадим» (они после скандала на партактиве уже учуяли, что надвигается беда, гроза), но я всё полнее осознал, что ничего больше того, что мы успели сделать в нашем колхозе, в этих условиях – в условиях наличного в стране режима – уже достичь невозможно.

И мне становилось всё более и более ощутимо, что дело не в личности Бутузова или Симакова, а во всём стиле жизни, выработанном при системе данного режима, в социально-психологических установках, адекватных этой системе.

И хуже того: съездив вскоре после облпартактива в Москву, пронюхав подробно расстановку сил там, Бутузов определил, что Кулаков – по крайней мере «пока что» – не выражает «мнение ЦК» (даже если у него и есть там «рука»), что там не готовы поддержать новую систему оплаты и «всякие выверты» и «отсебятину». И Бутузов обозвал себя (про себя, конечно) дураком, что зря сразу не запретил эту «чертовщину».

В душе он чертыхался на Хрущева за то, что трудно было при нем «потрафить в точку»: то ли дело было при Сталине, когда всё было так ясно.

Чертыхался он сильно потому, что опасался, как бы ему теперь не попало за то, что он так долго «не реагировал» на «вывихи», миндальничал и не запретил сразу «вредные эксперименты» – и всё из-за этого «фигляра» Кулакова, которого «гнать надо быстрее», а то он «способствует разложению дисциплины среди председателей колхозов».

Словом, была спущена нам предельно ясная директива: эксперименты с амбарной системой оплаты отменить, равно как отменить доплату строителям-колхозникам вне системы оплаты по трудодням, как явления, «не соответствующие социалистическому принципу распределения и разжигающие мелкобуржуазные поползновения».

Всё это ввергло колхозников в уныние. Но они продолжали работать добросовестно (хотя и без прежнего энтузиазма): во-первых, знали, что пока есть «этот» председатель, обмана не будет (у них уже возродилось

определенное доверие к тому, что работа даром не пропадает, оплачивается); во-вторых, понимали, что если работа пойдёт плохо, то либо меня уберут, либо я сам уеду, а этого они не хотели: реставрации власти «прохиндеев» им – ой как! – не улыбалась.

К этому времени жена моя, Галина Титова, забеременела. Друзья посмеивались: «Прямо по поговорке: врозь спали, а дети были...» Когда Симаков узнал о «случившимся», он совсем распыхтелся:

– Вот те и на! Председатель колхоза... рожать! Где это еще есть? Это безответственно».

Мы еще раз предложили «дать» нам два колхоза рядом (но уже не мне дать колхоз рядом с ее, а ей – рядом с моим). Но теперь райком еще больше противился любому нашему предложению, предпочитая делать все наоборот.

Тогда Титовой пришлось оставить вовсе деятельность председателя, и Облоно назначил её директором Мачинской семилетней школы по указанию Кулакова.

Мы решили: поскольку ничего больше в хозяйственном отношении при этом режиме уже сделать невозможно (и поскольку материально колхозники всё-таки стали жить немного легче), то надо взяться за духовное развитие личности колхозника, надо подогнать культурный уровень, который оказался ещё ниже материального. Надо взяться за культуру мышления и культуру чувств.

Культура мышления, умение всесторонне мыслить, умение не давать манипулировать своим сознанием – вот что, полагал я тогда, в конце концов решит все проблемы.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Почему все ломают комедию, кривляются, обезьяничают, если на самом деле они совсем не такие? Никто не показывает друг другу настоящего себя».

Чеслав Милош. Долина Иссы. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012, стр. 226.

* * *

«Человек серьезно делает что-нибудь только тогда, когда делает для себя».

А. И. Герцен. С того берега. Сочинения в девяти томах. Том 3. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1956, стр. 287.

* * *

«Ясно одно: когда общество воздействует на индивида сильнее, чем индивид на общество, начинается деградация культуры, ибо в этом случае с необходимостью умалется решающая величина – духовные и нравственные задатки человека. Происходит деморализация общества, и оно становится неспособным понимать и решать возникающие перед ним проблемы. В итоге рано или поздно наступает катастрофа».

Альберт Швейцер. Культура и этика. М.: Издательство «Прогресс», 1973, стр. 74.

* * *

«Надо стараться оставить после себя мир, который стал немного чище, чем он был, пусть даже этот мир – всего лишь задний двор или кухня».

Маргерит Юрсенар. С открытыми глазами. Беседы с Матьё Гале. Главы из книги. «Иностранная литература», 2001, № 8, стр. 259.

Сергей Долженков

Никольское биеннале

6-15 мая этого года на стекольных предприятиях Никольска Пензенской области состоялся IV Международный симпозиум по художественному стеклу. Особого оживления по этому поводу на улицах не наблюдалось.

Лишь в доме организатора сего мероприятия художника Александра Фокина застаём участников и гостей симпозиума. Здесь можно подкрепиться бутербродами и чаем, воспользоваться Интернетом, но самое главное - обменяться впечатлениями с коллегами по цеху.

Замечу, что языковой барьер отсутствовал. Но не потому, что все знали русский язык, а потому, что очень хотели понять друг друга. И, конечно же, взаимопониманию способствовал язык стекла, художественного стекла. Халява (необработанный кусок горячего стекла), гута, фьюжн, авантюрин, кобальт, венецианская нить – эта интернациональная терминология понятная художникам по стеклу всех стран.

На протяжении всего симпозиума в этом гостеприимном доме-мастерской шла настоящая профессиональная тусовка с лёгким налётом божественности.

Сергей Долженков, 55 лет, выпускник Алма-Атинского педагогического института иностранных языков (1980 г.) Прошел специальную подготовку в Казахском НИИ научно-технической информации. С 1996 года живет и работает в Пензе. Специалист по информации. Имеет широкий круг общения в среде пензенских художников.

Статья написана специально для «Парка Белинского».

Большой стеллаж, заполненный художественным стеклом разделяет пространство комнаты на гостиную и условную кухню. Тут же на полу и подоконниках заготовки для предстоящей работы и уже изготовленные стеклянные гротесковые фигуры, которым присутствующие смеясь придумывают названия.

Слышно, как за стенкой работает Иржи Тесар, автор исторических гравюр на стекле, приехавший из Нового Бора (центр стекольного производства Чехии). Он гравировал пласт стекла, покрытый стеклянной пылью. Из-за белёсого налёта не видно рисунка и замысла творца в целом.

Для наблюдателей остаётся загадкой, каким образом мастер определяет точки приложения своего инструмента? Впрочем, полработы не показывают.

Художники по стеклу. Кто они?

Во-первых, сами никольчане, работающие в городе старых стекольных традиций, где сегодня в сфере производства стеклоизделий работают 5 предприятий (на 22 тысячи населения).

Во-вторых, художники, приехавшие из других городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Твери и, конечно же, Пензы. Международный статус симпозиуму придают участники из других стран: Белоруссии, Литвы, Латвии, Чехии, Финляндии, Франции.

Некоторые из них приехали впервые. Россия для них открытие, в первую очередь территориальное, например, их впечатляют расстояния между городами по 100-150 километров, по сравнению с привычными им европейскими 5-10 км.

В Никольск приехали как художники крупных предприятий (оставшихся ещё в Чехии и Белоруссии), так и небольших студий художественного стекла. Здесь,

можно сказать, у одной печи, а не в академической аудитории, встретились преподаватели и студенты ведущих в России учебных заведений - Московской государственной художественно-промышленной академии имени С. Г. Строганова и Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица.

Искусствоведы внесли свой вклад в виде докладов, а сами художники, в том числе и студенты, подготовили интересные презентации своего творчества, которые проходили по вечерам. Налицо слияние теории и практики. Это не только интересно, но и крайне важно самим профессионалам – всех посмотреть не удаётся (днём работа идёт одновременно на пяти площадках), а познакомиться с творчеством того или иного художника, подробно рассмотреть его технологические приёмы и нюансы можно как раз на авторских презентациях.

С 2006 года в Никольске прошло уже три международных симпозиума по художественному стеклу. В них также принимали участие известные художники и искусствоведы из музеев, имеющих фонды и коллекции стекла.

Общее количество участников нынешнего симпозиума – 31. Всех их объединяет общее дело – служение художественному стеклу. На профессиональном сленге все они – «ручники» (с вольным ударением на первом или последнем слоге).

Кто-то разрабатывает пусть симпатичный, но ширпотреб, а ручки занимаются авторским стеклом, где ни одно изделие не повторяет другого. Да это и невозможно повторить.

Создание художественного стекла это как спектакль. И художник по стеклу одновременно является и режиссёром и актёром. Есть у него и партнёры – подмас-

терья, которые вовлечены в замысел и должны понимать художника с полвзгляда.

Экскурс

Выдержка из учебного пособия для стеклодувов второй половины XIX века.

«Технология изготовления стеклянного изделия

Набрав стекло в трубку, рабочий лёгким выдуванием и быстрым полукруговым движением получает форму в виде баночки. После этого баночку на несколько минут помещают в печь.

Потом к дну баночки приваривают комочек красного стекла, затем его немедленно оттягивают и лишнее обрезают ножницами. Пока комочек краснеет его защемляют плоскими щипцами. У будущей ножки появляется красивое колечко. Трубку опять отправляют в печь, затем вытаскивают и к концу колечка прикрепляют комочек красного стекла, а лишнее – вновь обрезают. Из этого комочка мастер делает ножку стакана. Когда ножка сделана, к ней, ещё красной, прикладывают понтю (железную палку с шариком) и отделяют стакан от трубки. Стакан держат на понтии и снова вносят его в печь, чтобы разогреть края. Как только они размягчатся, их обрезают ножницами и опять помещают в печь.

Мастер при помощи железной пластинки отгибает края стакана.

Изделие готово».

Всё казалось бы просто: читай, смотри и делай. Но, чтобы осуществить свой замысел, художнику не только нужно знать азы технологии, но и научиться чувствовать материал на каждой его стадии. Он должен прислушаться к стеклу, понять его, прочувствовать буквально на кончиках пальцев... и всегда надеяться,

что изделие после отжига (снятие внутренних напряжений) не треснет и не рассыплется на множество осколков.

Время отжига изделия может достигать суток и даже более, поэтому от художника требуются выдержка и терпение. Без этого художником по стеклу не станешь.

Музей

Одним из условий симпозиума является передача созданных во время его проведения уникальных работ в дар Музею стекла и хрусталя г. Никольска (филиал Пензенской картинной галереи им. К. А.Савицкого).

Музей стекла и хрусталя в Никольске – центр мироздания. Специалисты считают его одним из лучших музеев стекла, особенно раздел русского стекла XIX века – крупнейшее в Советском Союзе собрание. Его посещение обязательно для всех гостей города - 10 тысяч человек (в основном приезжих) ежегодно осматривают его экспозицию.

Но если раньше она не менялась годами, то, начиная с проведения симпозиумов по художественному стеклу, количество экспонатов регулярно растёт. Благодаря этому музей стал интереснее.

Если раньше здесь можно было увидеть изделия только Никольского завода дореволюционного и советского периодов, то сегодня кардинально отличающиеся по культуре и стилистическим направлениям работы современных художников, выделенные в отдельный раздел, внесли свежую кровь во всё музейное пространство.

Замечено, что посещаемость в период проведения биеналле заметно возрастает.

В перспективе открытие дополнительной экспозиции. Предполагается разместить её в недавно отрестав-

рированном здании бывшей усадьбы Бахметьевых-Оболенских, построенном в стиле провинциального классицизма (в настоящий момент здесь располагается бизнес-инкубатор). Так как оба здания расположены в 100 метрах друг от друга, мог бы получиться интересный музейный комплекс.

В чём отличие от подобных симпозиумов?

Обмениваясь мнениями, участники симпозиума вольно или невольно сравнивали Никольское биеннале с подобными мероприятиями в других странах, выявляя как положительные, так и отрицательные стороны.

Можно сказать, что главное отличие – это большое количество в Никольске рабочих площадок (в этом году их пять). При этом они отличаются друг от друга составом стекла, оборудованием, мастерами. Здесь можно применять разные техники, изготавливать стекло большой толщины.

Что касается технических характеристик стекла, то в Никольске, по сравнению с другими заводами, «короткое» стекло, то есть с ним нельзя долго работать в горячем состоянии, когда оно податливо и пластично. Все операции приходится делать быстро.

Впрочем, в каждой стране свои технические возможности и составы стекла.

В Чехии, например, в Новом Боре подобный симпозиум, на который собираются по пятьдесят и более художников, продолжается всего 3 дня (в Никольске – 10). Мастерам стекольного дела приходится работать очень быстро, чтобы уложиться в отведённое для каждого время.

В дни проведения подобных симпозиумов у них полно зрителей, приехавших поглазеть на сам процесс. Приезжают целыми автобусами. Забиты все гостини-

цы. Фирмы (стекольные предприятия и другие компании) везде размещают свою рекламу.

Иржи Шугайек, художник из Праги (при этом почётный российский академик) считает, что основное отличие в том, что симпозиум проходит в России, в стране очень отличающейся от других стран мира: «Россия уже разни́ца. Здесь во всём разни́ца».

Он поведал, как он получил из России очень интересное предложение на изготовление стеклянной статуи. Приняв предложение, при реализации проекта, он столкнулся с тем, что заказчики у нас в стране не могут обеспечить его ни соответствующим сырьём, ни оборудованием, ни инструментом. Даже металл нужной марки не смогли найти. Проблемы возникали из-за каждой мелочи. В результате проект не состоялся.

Если во всём мире ищут возможность каким-то образом что-то сделать, то у нас ищут причины, оправдывающие бездействие. В этом главное отличие России от других стран.

Что касается средств связи, Никольск уступает не только дальнему, но даже ближнему зарубежью: всего один провайдер всемирной сети и доступна она не во всех местах. А это сказывается на оперативности распространения информации.

В то же время надо отметить, что Никольское биенале по художественному стеклу вызывало не меньшее внимание прессы, чем подобные симпозиумы в других странах. Представители СМИ постоянно были на всех рабочих площадках и живо интересовались работой художников.

Однако для наблюдающих за действиями художников не было предусмотрено никаких специальных мест или зон. Столпившись вокруг художника, они порой невольно мешали ассистентам мастера проносить гото-

вое ещё горячее изделие от места выдувания до печи отжига.

Рука власти

Этот симпозиум курировало несколько организаций. Он проходил под эгидой Российской академии художеств и Союза художников Российской Федерации. Финансами мероприятие поддержало Правительство Пензенской области. Не осталась в стороне и местная администрация, устроившая яркое и запоминающееся открытие, а также выезд участников симпозиума на народный праздник в одно из сёл района. Пять стекольных предприятий Никольска предоставили рабочие места и материалы.

Всё это хорошо, но остаются вопросы. В Чехии подобные мероприятия не только окупают себя, но и приносят немалый доход всей городской инфраструктуре: транспорт, гостиницы, общепит, сувениры.

В Никольске же проблемы с проживанием были даже у самих участников. И вовсе не из-за наплыва туристов. Если за границей буквально потоком идёт реклама предприятий, предоставивших художникам материалы и оборудование, то в Никольске и Пензе подобной рекламы не было, хотя участники симпозиума постоянно находились в центре внимания прессы.

Возможно, мы просто ещё не научились зарабатывать в этой сфере. Не эксплуатировать художника, не подгонять его, условно говоря, под стандарт (ширпотреб), а именно зарабатывать, раскручивая его творчество и его имя.

Перспектива отрасли

Судя по презентациям художников и дипломным работам студентов, искусство художественного стекла

объективно развивается. Но отрасль перестраивается, приспособливается к работе в условиях глобального кризиса. Если раньше Италия и Чехия славились в первую очередь своими крупными стекольными и хрустальными заводами, то сейчас все эти предприятия реорганизовались – резко сократили своё производство и объёмы продукции. Новый формат предприятий-студий, взявший своё начало в Америке перекинулся на те же Италию и Чехию.

Ремигиус Криускас (Remigijus Kriuskas), литовский художник из Паневежиса рассказывает, что его небольшое по размеру предприятие, насчитывающее 18 человек, в настоящий момент является самым крупным в Литве. Несколько лет назад оно считалось небольшим.

Изделия этого художника, фактически ювелирные, покупают итальянские фабрики, ставя своё клеймо рядом с авторским, и продают его, как широко известное и знаменитое муранское стекло. Он бывал в разных странах, где занимаются художественным стеклом, но, по его мнению, только в Беларуси и в России остались крупные предприятия, разрабатывающие и выпускающие подобную продукцию.

В то же время, российские художники считают и этому есть фактические подтверждения, что сегодня в России всё крупное производство, выпускающее художественное стекло закрылось, в том числе в Гусь-Хрустальном, где продукции «ручников» не осталось. Автоматы тиражируют предыдущие разработки, и основной продукцией становятся кружки для известных московских гипермаркетов.

На Дятьковском и Смоленском заводах осталось по одному цеху, и то они работают нерегулярно.

Получается, что всё вокруг умерло, и Никольск се-

годня является единственным местом в России, где осталось промышленное производство художественного авторского стекла, и где есть специализированное учебное заведение (колледж), в котором готовят рабочих и специалистов для работы на стекольных предприятиях, в том числе художников по стеклу.

По мнению большинства участников симпозиума, как российских, так и зарубежных, у никольского художественного стекла большой потенциал.

Участник нескольких симпозиумов, профессор из «строгановки» Юлия Мерзликина считает, что Никольск надо сохранять и пестовать, холить и лелеять, возвращать, а не убивать тиражированием ширпотреба.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Память дает тебе уверенность, ты знаешь, кто ты и куда идешь. Или куда не идешь. А без нее ты предоставлен на милость первого встречного, который назовет тебя своим сыном или дочерью».

Артуро Перес-Реверте. Кожа для барабана, или Севильское причастие. СПб.: Азбука, 2001, стр. 375.

Исаак Мостов

День из жизни штурмовика

Толчки в ногу разбудили меня. Голос в темноте шёпотом спросил: «Проснулся?» И только после того, как получил бодрое ворчание в ответ: «Конечно! Что случилось?», голос ответил «Вставай, брифинг в 10».

Я, уже просыпаясь, выпытываю «который час?», слышу «9:15» и с некоторым облегчением отсылаю перwokлашку, которого послали меня разбудить.

Тот пошёл дальше, ступая медленно и тихо, стараясь не шуметь, чтобы успеть разбудить остальных по списку, который ему поручил дежурный руководитель полётов.

Исаак Мостов, 57 лет, уроженец г. Риги. В 1972 г. переехал с семьей в Израиль. В 1974 г. призван в Армию обороны Израиля.

Окончил Лётную школу ВВС Израиля в 1976 г. лётчиком боевых реактивных самолётов в звании младшего лейтенанта. Служил в штурмовых, бомбардировочных и истребительных эскадрильях, а также как инструктор пилотажа в лётной школе. После 25 лет службы вышел в отставку в 1999 г. в звании подполковника. Получил в 1984 г. звание Бакалавра наук по математике в Еврейском университете (г. Иерусалим) и в 1990 г. звание Магистра наук по математике и программированию от Высшей школы ВМФ США (г. Монтеррей, штат Калифорния). В настоящее время живет и работает в Москве руководителем представительства международной компании в области хай-тек.

Рассказ посвящен событиям 9 июня 1982 года – дню наи-высшего противостояния между ВВС Израиля и ПВО Сирии, написан специально для «Парка Белинского» и является первым опытом автора в области прозы.

Первоклашками у нас называли молодых лётчиков, которые ещё не налетали необходимого умения и профессионализма для боевых полётов, и поэтому, горя желанием быть причастными к делу боевой эскадрильи, помогали, чем могли.

Были мальчиками на побегушках, рисовали карты для полётов, наносили боевую обстановку на настенные карты, короче, были готовы на все, чтобы быть частью боевых будней воюющей эскадрильи. Жалко было иногда смотреть на их полные зависти глаза, которыми они провожали нас на задания.

Но лучше так, чем потом объяснять их родителям, почему их взяли на боевое задание, а они ещё не умели как следует бомбу метнуть, не говоря уж об умении вывернуться из стычки с истребителями противника. А нам, штурмовикам, летающим на тихоходных «Скайхоках», это умение жизненно важно.

* * *

30 секунд лежу тихо, глаза открыты, привыкают к проблескам света в бункере, который служит нам спальней лётного состава на время боевых действий. Тело ещё нежится меж простыней, а голова готовится ко дню грядущему.

Кто знает, что он принесёт: мне, эскадрилье, моим друзьям и однокашникам, которые летают в других эскадрильях. Их наверняка тоже будят, если уже не разбудили. Война ведь идёт уже четвёртый или пятый день, смотря с чего считать.

* * *

Для меня она началась со звонка в субботу, 5 июня. Мы, я и мой товарищ, лётчик «Фантома» из южной авиабазы, студенты первого курса математики университета в Иерусалиме, оба действующие резервисты ВВС,

встретились, чтобы подготовиться к экзаменам последнего триместра учебного года.

Мы старше других студентов, и математика даётся нам нелегко. Оба, кроме учёбы и еженедельных полётов, подрабатываем, как можем. У меня жена на восьмом месяце и дочке почти 4 годика, и каждая копейка к месту.

Так что для занятий чистой математикой много времени нет, и мы помогаем друг другу. Кто понял лучше другого, объясняет «тупому». Кто достал от сокурсниц конспект, делился с другом.

Мы раз в неделю отсутствовали, а девочки прилежно, хоть и не всегда понимая суть, записывали всё, что профессор говорил на лекции, включая анекдоты. Взамен за копию конспектов мы разъясняем им суть урока и что именно они там записывали.

Как летуны, суть мы ловили быстро, а вот с математической риторикой у нас было плоховато, приходилось прилагать усилия, чтобы постигнуть дисциплину математики и ее язык.

* * *

И вот в полдень звоню домой, проверяю, как жена, и слышу, что мне звонили из эскадрильи, просили перезвонить. Звоню в штаб эскадрильи, отвечает наша старшая сержантка оперативного отдела и взволнованным голосом говорит: «Как хорошо, что ты позвонил! Приезжай скорее, но, пожалуйста, не гони!» Сказал другу, чтобы готовился к звонку из своей эскадрильи, а сам в машину, и через час я в эскадрилье.

* * *

А там встречает меня наш 2-й замкомэска, мой одноклассник из лётной школы, уже затянут в лётный костюм с шлемом в руках и говорит: «Это серьёзно!

Я и Н (летчик, который полгода назад заменил меня на посту начштаба эскадрильи) бежим к самолётам и на старт. «Ты – руководитель полётов, пока комэска не вернётся, а он на старте, ждёт разрешения на взлёт. Все детали по заданию у сержанток штаба. Призывай эскадрилью – всех резервистов. И организуй помилование 1-му замкомэска, он в офицерской тюрьме в Атлите».

* * *

Вот те на! Оказывается 1-й замкомэкса на прошлой неделе, после посадки, спешил в эскадрилью и лихо свернул на рулёжку, ещё не погасив скорость.

Высокий «Скайхок» с его узким шасси не смог вписаться в поворот и вылетел с твёрдого асфальта на влажный грунт. Передняя стойка подломилась, и отличный и опытный лётчик, а ещё и просто замечательный офицер, был с громким позором отправлен командиром авиабазы в тюрьму на 3 недели, чтобы другим неповадно было.

* * *

Что же, пришлось загрузить адъютантов эскадрильи и авиабазы, чтобы в ускоренном режиме организовать помилование от имени командующего ВВС.

Потом послать машину с одним из более смышлёных и опытных первоклашек с наказом из тюрьмы везти замкомэска домой на пару-тройку часов, не менее, и только потом сюда, чтобы вошёл в курс дел и был готов к полётам с утра.

* * *

Параллельно штабс-сержантки с парой первоклашек начали обзвон резервистов. И через час-полтора мне уже было из кого формировать звенья для боевых задач, которые не преминули появиться.

* * *

Со штабом авиабазы и Оперативного отдела Главкома ВВС я уже полностью скоординировался, доложил о количестве боеготовых самолётов и лётчиков, о принятых мерах и получил указания о подготовке к боевым вылетам на ночь и на завтрашний день.

С инженерами эскадрильи я уже успел проговорить о том, какие самолёты готовить и в какой боевой конфигурации, о проведении призыва резервистов тех состава и о заготовке боекомплекта на ночь и следующий день.

* * *

Да, недаром последний год в эскадрилье я провёл как начальник штаба.

А чтобы не отставать от товарищей в реальных делах, организовал себя, вместе с одним из наших самых опытнейших и старейших лётчиков, в полёт со сложным, точным бомбометанием в безлунную ночь.

И как только комэска вернулся из полёта, я передал ему бразды правления и пошёл готовиться к ночному полёту. В ретроспективе это было очень сложное и опасное задание, и у меня от него потом ещё долго волосы на загривке стояли дыбом, но это уже другая история.

* * *

С тех пор прошли уже несколько полных деятельности дней и ночей. И вот сейчас меня будят, значит, есть боевое задание, достойное меня. Или я его достоин. Тут сразу не понять, что более правильно.

Самое главное, чтобы дали летать. А то вчера меня опять поставили руководителем полётов. И мне пришлось, борясь с позывами зависти, выпускать в полёт других и томиться на земле, пока не вернутся, окры-

лённые успехом выполнения боевой задачи и собственным выживанием над полем боя.

* * *

Насчёт выживания – это не просто так. На второй день мы потеряли самолёт, и лётчик попал в плен. Лётчик был со стажем, опытный, показал себя хорошо ещё в Войне Судного Дня в 1973 году.

Но вот сейчас, в условиях новых угроз ЗСУ и ПЗРК, полез поспешно и неразумно на второй заход и нарвался на «Стрелу». Не все понимают его ошибку, и что с этим делать.

Но эта потеря у всех в голове при каждом получении задания, при каждом брифинге, при каждом возвращении из полёта. Об этом не говорят, но думают про себя, посматривая на товарищей вокруг и загадывая, кто следующий.

* * *

Всё! Рывком сбрасываю себя с кровати, натягиваю свой лётный комбинезон: он уже весь в разводах соли, несколько дней нестиранный, но самый близкий к моему телу предмет на данный момент.

Спитый из негорящего номекса, он мой панцирь, моя защита от огня, который поджидает каждого лётчика при проблематичном исходе взлёта, полёта или посадки. Я уже видел, что бывает, когда пренебрегают им или перчатками из того же номекса, предпочитая щеголять в комбинезоне старого образца и в кожаных перчатках, показывая тем самым, что ты принадлежишь к старой гвардии, во времена которой не было таких глупостей, как номекс.

* * *

Привожу себя в порядок: чищу зубы, сбрываю дневную щетину на щёках, промываю глаза, приглаживаю

копну отросших волос на голове. Объявляю себе, что я готов к утреннему кофе и ко всему тому, что выпадет мне сегодня, и хорошему и не очень.

В столовую вхожу с бодрой улыбкой, с «боевым настроением» и «огнём в глазах».

Как никак, а я, несмотря на мой молодой возраст и только год с копейками проведённый в этой эскадрилье, считаю себя частью комсостава, особенно в глазах молодых лётчиков, которые так и просят: «Возьми меня к себе в звено».

Но только руководитель полётов решает, кто полетит и с кем: здесь целое искусство, как спаривать людей в звенья, кому и на выполнение какой задачи можно дать молодого ведомого, а когда надо ставить двух зубров вместе, да так, чтобы был толк, а не сталкивание лбами.

* * *

Набираю себе тарелку яичницы с луком и помидорами, наливаю стакан чёрного, только что заваренного кофе, перебрасываюсь ничего не значащими фразами с другими лётчиками и офицерами, завтракающими, как и я, но в большинстве своём слоняющимися без дела в ожидании какой то полезной деятельности...

Ловлю из разговоров слухи о соседях – братских эскадрильях нашей авиабазы, перелистываю утренние газеты, а там почти всё о войне на северной границе и возможной эскалации военных действий из-за упрямства президента Сирии.

Для меня это вчерашние новости: в части их творения принимал участие сам. Ничего нового, а ещё как-то пресно написано. Вот сейчас зайду в штаб эскадрильи и узнаю все новости: и те, которые уже произошли, и те, которые ещё будут.

* * *

Но до штаба не успеваю дойти: меня перехватывает первоклашка и зовёт немедленно зайти в ситуационную, на брифинг. Чего у них там, думаю про себя, до 10 есть ещё время. Спускаюсь в ситуационную. Там уже с десятков ребят из боевого костяка эскадрильи с интересом рассматривают карты фронта, «линию наших», передовые позиции сирийских ЗРК в Ливане, читают сводки и данные, развешанные по стенам.

* * *

Входит командование – комэска и оба его зама. С ними несколько первоклашек тащат карты и штурманские пакеты. В них кодовые карты, фотоснимки, таблицы связи и бомбометания и вся остальная информация, которая может понадобиться при выполнении задания. Видно, что они все как-то напряжены и немного торжественны.

Интересно, что это за задание такое... Последний раз я их видел такими на брифинге по операции против атомного реактора в Ираке в 1981 году. Что же на этот раз? Неужели реванш за травму 1973 года?

* * *

Тогда, в 1973 году, несмотря на бесспорную военную победу, вся страна и в том числе ВВС были ошеломлены своими потерями и сюрпризом начала войны (в которой страна была застигнута врасплох), что не преминуло сказаться и на политическом климате страны в последующие годы.

Командование ВВС провело серию «разборов полётов» и начало несколько параллельных процессов реорганизации в применении огневой мощи ВВС, в управлении боевыми операциями, вооружении, связи, обучении лётного состава.

Мы, призывы тех лет, проходили жёсткую тёрку и обкатку на основе этих реорганизаций и изменений акцентов в воспитании нового поколения воздушных бойцов. Нас практически со школьной скамьи на курсах боевого применения учили воевать с ЗРК и выполнять боевые задачи в их присутствии.

Для бомберов и штурмовиков уничтожение батареи ЗРК приравнялось к уничтожению самолёта противника в воздушном бою для истребителей.

Мы жили и дышали атмосферой реванша против ЗРК и зенитных батарей противника, особенно ЗСУ-23Х4, которые причиняли столько боли нашим старшим товарищам в 1973 году.

Прошло 9 лет, и мы чувствовали, что готовы потягаться с ЗРК и ЗСУ. Но неужели это произойдёт сейчас? И неужели мне выпадет честь и ответственность участвовать в этом? О таком мечтают первоклашки, а я уже не в этом возрасте...

Но всё равно сердце забилося быстрее, и накопленную усталость последних дней как рукой сняло.

* * *

Похоже так оно и есть: комэска начинает брифинг по операции против сирийского ракетного щита в Ливане и участия нашей эскадрильи в операции.

С нарастающим нетерпением жду плана полётов, надеюсь, как ребёнок, увидеть своё имя среди летящих, а не управляющих на земле. Не знаю, сколько выделит нам заданий, целей, но быть среди лётчиков, запланированных на такое задание, большая честь и признание лётного мастерства, боевого профессионализма и бойцовских качеств.

Напряжение растёт, и вот он, момент истины: комэска объявляет полученные эскадрильей задания и план полётов. Всего 4 пары.

Первую поведёт наш комэска, вторую 1-й зам, третью мой бывший инструктор лётного дела, сын бывшего командующего ВВС, а я назначен ведущим последней пары.

2-й замкомэска – руководитель полётов. Все ведомые – старики, ветераны 1973 года, опытные ребята.

Мой ведомый – особенный парень. Как и я, он в прошлом летал на «Фантомах», инженер по образованию. По характеру – в цвет своей шевелюры – рыжик. Да и имя его начинается на Р.

Я знаю, что он меня немного недолюбливает. Я ведь новичок в эскадрильи, по сравнению с ним. А тут его ведущий, да ещё на такое дело, как уничтожение ЗРК.

Но ничего, он лётчик опытный и грамотный, мы справимся.

* * *

Роль нашей эскадрильи в этой операции, как и других эскадрилий «Скайхоков», – уничтожение элементов батарей ЗРК. После того, как основной удар нанесут эскадрильи «Фантомов». Сверху от истребителей противника нас будут прикрывать F15 и F16, новые самолёты нашего ВВС, которые только-только начали себя проявлять в небе Ближнего Востока.

Работа по целям будет вестись волнами по указаниям Оперативного отдела Главкома ВВС.

Нам выделен банк целей, в которых, как разведка предполагает, будут размещены батареи ЗРК и ПВО.

* * *

Технари подготовили 8 самолётов и ещё один про запас. Конфигурации необычные: без бидонов (внешних топливных баков), только до горлышка заполненные внутренние топливные баки – в общем объёме в две с половиной тонны. Всего 3 бомбы, но зато какие! По

центру – трёхметровая зеленоватая «акула» весом в тонну, под каждым крылом – «рыбка» поменьше: высокоскоростная фугасная бомба весом в половину тонны.

Всего 2 тонны «добра», да ещё две встроенные 30-ти миллиметровые пушки с боеприпасом в 150 бронебойно-осколочных снарядов для каждой. Не хухры-мухры, если попасть.

Конфигурация рассчитана на высокую скорость и манёвренность в атаке, но без запаса топлива для непредвиденных обстоятельств, а такие в боевых условиях возникают сами по себе. Да ещё и требуется «горячая» дозаправка на старте, после запуска двигателя – процедура необычная и опасная сама по себе, а тут с таким боезапасом.

* * *

Вся эскадрилья смотрит на нас, как на космонавтов. В их взглядах всё!

Зависть, что не они. Забота, вернёмся ли. Вера, что не подведём. Желание, чем-нибудь помочь. И надежда, что произойдёт чудо, и кто-то из выделенной восьмёрки не сможет полететь, и на задание отправят их.

* * *

А мы в это время уделяем всё наше внимание подготовке к полёту: изучаем местность вокруг цели по карте и аэрофотосъёмкам, проверяем данные разведки, согласовываем действия в звене, баллистические расчёты и т.п. Занимаем себя делом и отгоняем мысли, что вот-вот придёт команда «отбой» и мы все вздохнём с сожалением об упущенном шансе быть героями и с облегчением, что проверка «кто кого» откладывается, и мы проживём ещё день.

* * *

Но вот пришло известие, что наши соседи из эс-

кадрильи «Фантомов» взлетели, и что пока всё идёт по плану. Все посерьёзнили. А вот и время для нас готовится «на выход». Потихоньку наша восьмёрка скапливается в раздевалке. С трудом узнаю лица товарищей: как-то вдруг черты их лиц изменились, все сосредоточены на чём-то внутреннем, своём личном.

Снимаем погоны и очищаем карманы от всего, что может навредить, если попадём в плен. Пакую в карманы перевязочный пакет и пару герметичных пакетов с водой: на Ближнем Востоке летом лишний литр воды не помеха, а помощь.

Тщательнее, чем обычно, проверяю и подгоняю спасательный жилет. Перекладываю штурманский пакет, чтобы было удобнее вытаскивать более важные карты и данные связи. Перепроверяю табельный пистолет, выданный на время ведения боевых действий, и обоймы к нему. Снаряжение готово. И я сам тоже готов к выходу к самолёту.

* * *

Р. и я выходим на крыльцо: нас уже ждёт минибус. Все вокруг заняты важностью момента, несколько перwokлашек бегают вокруг и фотографируют наш каждый шаг.

Нам не до этого. Мы уже отрешены от земного притяжения, в мыслях мы уже всецело погружены в детали исполнения задания.

* * *

У самолёта проверяю книги: топливо, боеприпасы, запалы. Обхожу самолёт и проверяю крепление бомб, подозрительные подтёки масла на земле.

Технари вокруг меня волнуются, знают, что идём на что-то необычное, а на что именно, не знают. Спрашивать не велено, да и к нам сейчас не подступиться.

Без обычных улыбок и шуточек залезаю в кабину и закрываю фонарь. В наступившей тишине располагаюсь поудобнее, раскладываю карты полёта, таблицы связи. Проверяю время, слежу за стрелкой минут и повторяю опять и опять, уже наизусть, детали полёта и опознания нашей цели. А вот и время подошло.

Запускаю двигатель, машинально проверяю системы – электропитание, гидравлику. Настраиваю радио и навигационные приборы. Получаю разрешение от диспетчера и потихоньку выкатываю самолёт на рулёжную дорожку.

* * *

На старте куча машин: заправщики, пожарные, штабные. Подкатываюсь осторожно: самолёт-то тяжёлый, при повороте приходится добавлять обороты, а там, глядишь, ненароком можно и сдуть кого-то. Только и не хватало сейчас ЧП на старте.

* * *

Подбегает наш инженер-лейтенант, карабкается на крыло и вручную дозаправляет мой «Скайхок» до последнего возможного литра. Спрыгивает, для очистки совести обходит самолёт, перепроверяет подвеску бомб и настройку запалов.

Подбегает с левой передней стороны фонаря и ждёт, чтобы я обратил на него внимание. Поворачиваю к нему голову. Я в шлеме с опущенным противосолнечным щитком – он моих глаз не видит. Он подымает большой палец вверх: «всё ОК». Берёт под козырёк.

Я киваю в знак благодарности и отдаю честь. Он бежит дальше, к моему ведомому.

Несколько минут на старте мы ждём разрешения на взлёт. В голове спокойно, мысли чередуются: то гадаешь, как там проходит операция, то думается о дета-

лях нашего задания, то кажется, что вот-вот наш полёт отменяют и диспетчер отправит нас обратно в эскадрилью.

Вдруг, вот оно! Разрешение на взлёт!

* * *

Выруливаем, последний взгляд на Р., на его самолёт (не потекло ли у него там чего-то), вижу его сигнал «я ОК», отпускаю тормоза и начинаю разбег. Самолёт тяжёлый, солнце в зените, день жаркий. Ручка чуть вперёд, даю моему «Скайхоку» набрать скорость и плавно отрываю его от бетонки.

Шасси и подкрылки вверх, проверка кабины. Всё работает как надо, прибираю обороты, даю Р. возможность быстро пристроиться. Поворачиваем налево к морю, пересекаем побережье, доворачиваем вправо до севера и набираем высоту.

* * *

Ближе к границе перехожу на канал связи операции, и то, что я слышу, заставляет меня сбавить обороты двигателя и перейти на режим полёта максимальной продолжительности.

По связи слышу взволнованные голоса ведущих передо мной, перебивчатые ответы диспетчера и шум сирийских радио-глушилок. Становится понятно, что операция затягивается, но пока непонятно почему. Ясно, что сирийцы огрызаются и глушат почти все каналы связи, значит, поднимают свои истребители в воздух.

Замечаю, что глушилка врубается после нескольких фраз, а не по теме. Ага, значит, сканируют диапазон и автоматически глушат всех, кто говорит, а не тех, кто говорит по делу.

Решаю продолжить полет втихомолку, без лишних репортажей, с переходом на запасные каналы.

Р. держит позицию вблизи меня, и мы можем «переговариваться» визуальными сигналами. Так я могу показать ему, на какой канал перехожу, и успеть выдать ему в эфир несколько фраз, чтобы скоординировать наши действия прежде, чем нас заглушат.

* * *

Пока мы с Р., как пара цеппелинов, медленно, но экономно продвигаемся на север, к выделенному нам району ожидания, слушаю, как в воздухе разыгрывается драма. Слышу, как наш комэска, который взлетел перед нами минут на 40 раньше, просит разрешения войти в зону боевой работы для атаки, но получает отказ.

Формулировка отказа проста и загадочна: «Подожди». Через несколько минут он просит повторно и опять получает «подожди». Проходят ещё минут 5, и он просит опять, на этот раз подымая голос.

Он, как и все мы, знает, что каждый диспетчер на боевом посту знает точно, кто там сидит в самолёте, тем более знает, когда «под его рукой» выполняет задание какой-либо комэкса. В ответ опять получает «ждать» и решает выложить последний козырь.

Среди всего шума-гама заявляет диспетчеру: «У меня нет топлива ждать! Или ты мне дашь работать, или я возвращаюсь».

Через несколько секунд после того, как очередная глушилка замолкла, все чётко услышали ответ диспетчера: «Тогда возвращайся. Бомбы сбрось в море».

И наш комэска, герой ещё со времён Войны на Истощение 1968-1970 годов, отвечает коротко «Понял» и возвращается домой.

* * *

По правде говоря, мне стало его жалко. Наш комэс-

ка родом из кибуца севернее Тель-Авива, закончил лётную школу в 1968 году и молодым лейтенантом, но уже опытным бойцом, в 1969 году перешёл на «Фантомы». А в 1970 году, в одном из боевых вылетов, схлопотал SA2 по левому борту.

Раненный в левое плечо, шею и руку, с тремя оторванными осколком пальцами на левой руке, он сумел, вместе со своим штурманом, посадить изрешечённый «Фантом». Причём левой рукой он двигать не мог: двигателями управлял штурман по его указаниям.

Что говорить: человек большого мужества и стойкости. За это он получил второй наивысший по иерархии в Израиле орден.

После того как его заштопали и восстановили работу двух оставшихся пальцев левой руки, он вернулся летать. Но так как не мог управлять левой рукой «Фантомом» с его многочисленными клавишами и кнопками на рычагах управления двигателями, то летал он на «Миражах» и «Скайхоках»: там один двигатель, да и на рукоятке управления двигателем одна или две кнопки.

Мы его очень уважали за его спокойствие и выдержку в воздухе, боевой опыт и бойцовский задор. Но так завершить участие в такой операции было как-то некрасиво и неправильно.

* * *

Отряхиваюсь от мыслей о нашем комэске. Мне ясно, что если ему не дали войти в зону работы, то это серьёзно, и если я начну «качать права», то меня отправят домой ещё быстрее, чем его.

В районе ожидания отдаляемся от берегов Ливана и «нарезаем круги» в ожидании, когда страсти стихнут. Пока Р. и я висим как два баллона, вертим шей, сканируем пространство.

Погода на удивление хорошая. Видимость отличная, но над берегом Ливана и дальше в горах дымка, из-за которой не видно деталей.

* * *

Вдруг вижу точку, которая стремительно спускается сверху, прямо на нас. Сердце ёкнуло: неужели истребитель? Если да, то их всегда пара или больше, и если они по наши души, то дело швах: мы без скорости, с грузом бомб, прямо как перепёлки в тире.

В такой ситуации надо бы всё сбросить и набрать немного скорости, но тогда задание мы не выполним, а участвуем не в простой операции сегодня. И я не хочу так закончить моё участие в ней.

Решаю рискнуть, ничего не сбрасывать и довернуть под пикирующих на нас истребителей. Показываю Р. наверх. Он кивает и немного отходит в сторону, чтобы мы могли маневрировать.

Я уже развернулся к ним носом. Вижу второго: они пара в открытом боевом строю для атаки. И немного успокаиваюсь – это наши F16.

Но они продолжают вести себя агрессивно и маневрируют нам в хвост. Радио шумит, в свободные от помех секунды ведущие и диспетчер пытаются что-то сказать и всех снова глушат.

Мне ясно, что по радио мне с этими горячими парнями из эскадрильи F16 не договориться. Начинаю качать крыльями: широкий мах влево, такой же вправо, возвращаюсь на скоростной режим баллона. Всё в надежде, что эти гончие увидят, что их дичь ведёт себя совсем не как дичь, и перестанут нас пугать.

Вижу по их поведению, что они поняли: острые носы F16 перестают целиться в нас, они выравниваются по горизонту и, пройдя метрах в 800 от нас, машут в ответ и взмывают вверх.

И мы опять возвращаемся к попыткам понять ситуацию и попытаться положить наши бомбы там, где они принесут пользу, а не в море.

* * *

Потихоньку гам ведущих других звеньев стихает: кто-то повернул домой, так как топлива для боевого захода на цель у него уже нет, кто-то, как мы, играет в молчанку, надеясь на то, что бог вознаграждает терпеливых и запасливых.

* * *

И вот диспетчер начинает налаживать работу по целям. Спрашивает, кто и сколько ещё может ждать, и, получив ответы, начинает посылать звенья в районы боевой работы. Конечно, сначала тех, у кого в запасе меньше всего времени ожидания.

Из потока разговоров и указаний диспетчера понимаю, что почти всем дают новые задания и новые координаты целей. Как будто старые, оригинальные цели изменили позиции. Или исчезли.

Интересно, куда же нас пошлют?

* * *

Всё это время наблюдаю за количеством топлива и рассчитываю, сколько ещё смогу играть в молчанку. Решаю попробовать подать голос. Спокойным голосом говорю диспетчеру, что я на месте, ожидаю разрешения выйти в район боевой работы и готов для получения новой цели.

Сработало! Меня не посылают домой, а переводят на другой канал связи, к другому диспетчеру.

Выхожу на связь и после нескольких автоглушилок получаю новое задание. Нам поручено выйти на какое-то шоссе и разбомбить в клочья весь военный транспорт, который там едет. Название шоссе передали

по кодовой карте. Также просили не задерживаться и выйти в район цели, как только будем готовы. А нам это на руку: топлива задерживаться у нас уже нет.

* * *

Нахожу в штурманской папке кодовую карту – молодцы первоклашки! Хорошо подготовили папки. Открываю карту. Это тоже надо уметь в полёте: полезная ширина кокпита в «Скайхоке» – где-то сантиметров 80. А карта метр на метр.

Нахожу шоссе на карте и начинаю её рвать и переключивать, чтобы можно было держать в руке интересный меня район и не мешать обзору и управлению. Пытаюсь понять, где это шоссе проходит по географии.

Немного шокирован: шоссе, на которое меня послали, находится восточнее озера Карун, километрах в 10-15 от границы с Сирией и менее 50 км от самого Дамаска. По данным разведки перед вылетом, это в самом сердце зоны защиты ЗРК и ПВО самой Сирии. Или я не понял кода, или диспетчер посылает меня в пекло, или...

Выжидаю тишины и переспрашиваю код шоссе. Получаю подтверждение. Значит, я не оглох и не перепутал. Но остаётся вариант пекла.

Ну что же, волков бояться – в лес не ходить. Свеляю данные с Р., получаю от него, что он готов. Топлива у нас немного, но хватит на скоростной заход сверху и на парочку кругов с пике для бомбометания.

* * *

Проверяю настройку системы вооружения и прицел: всё готово и настроено на залп в 3 бомбы для наибольшего эффекта, пушки заряжены и готовы к стрельбе.

Успокаиваю дыхание, сигналию Р. перейти в раз-

вёрнутый боевой строй для атаки, широким поворотом беру на восток и начинаю небольшое снижение для набора скорости. Сообщаю диспетчеру о входе в район боевой задачи, получаю «ОК» и оглядываюсь на Р. Всё, мы поехали.

* * *

Мы с Р. молчим и несёмся вперёд на скорости в 500 узлов. Это всё, что наши «Скайхоки» сегодня могут нам дать. Это немало, но я бы с радостью просвистел бы сейчас на сверхзвуковом «Фантоме», пересекая побережье Ливана и приближаясь к горам Шуф.

Ведь летим-то мы в пасть ЗРК и истребителей ПВО, не говоря уж о сирийской артиллерии ПВО разных калибров.

Уже издали видно, что долину Бека покрывает тёмное облако зенитных разрывов. А у них там ещё и ПЗРК «Игла» и ещё какие-то новые самоходные ЗРК, о которых наши техразведчики ещё толком не знают. Так что ожидать нам с Р. можно чего угодно.

* * *

Проходим южнее Цидона, и я целюсь носом километров 10 правее озера Каруна. Пока всё тихо. Кроме общего зенитного огня.

Маневрирую влево, вправо, чтобы сбить наводчиков ПВО. Пока работает.

Ещё через несколько минут мы на траверзе озера. Высоко над нами, и довольно-таки в стороне, вспухает бело-розовое облако взрыва ракеты ПРО, как видно, SA6. Бесцельный выстрел, если это по нашу душу.

Вижу силуэт «Кфира»*, летящего под нами с севера на юг: кто-то из коллег возвращается домой, выбрав самый прямой путь. Как видно, у него уже нет топлива вернуться, как и зашёл, морем.

Р. на месте, справа от меня – молодец. Долетев до нашего шоссе, делаем поворот на север, и он переходит налево: так он сможет предупредить меня, если что-то полетит в мою сторону из Сирии.

Проходим над шоссе – пусто. Нет колон транспорта, нет отдельных грузовиков. Около Султан Якуб догоняем одиночный зелёный джип, который шпарит на север. Зато вокруг шоссе куча ЗУ и бронетехники. Кажется, что целая дивизия развернулась и окопалась.

Докладываю диспетчеру и получаю разрешение атаковать батареи ПВО. Ведь долетели-то мы сюда с бомбами, вот и надо их использовать по назначению. Всё равно с ними уже не сядешь.

* * *

Мы с Р. делим работу: я беру две батареи 57 мм орудий ПВО, он берёт две других.

Ложусь на параллельный бомбометанию курс, переключаю управление сброса бомб. На первом заходе сбросу-ка я большую бомбу, а две под крыльями оставляю для второй батареи.

Р. параллельно мне поворачивает на заход по своей цели, за хвостом у него никого нет. Надеюсь, он смотрит и за моим хвостом: сейчас не время быть эгоистом. Оглядываюсь назад и наверх – чисто, можно заходить на цель.

Переворачиваю мой «Скайхок» почти на спину, ввожу его в пике градусов на 60, подвожу нос под цель и плавно направляю прицел снизу к центру батареи ПВО. Пока прицел подплывает к центру цели, пока скорость не достигает расчётной для бомбометания, и пока приближается нужная высота бомбометания, в прицеле вижу, как орудия батареи стреляют в меня.

Как по команде (а так оно и есть), по часовой стрелке вспыхивают маленькие шарики в дулах орудий, на-

правленных на меня. Залп, второй, третий! Да, снарядов они не жалеют.

Краем глаза слежу за стрелками скорости и высоты, и вот стрелка высоты подходит к отметке, в унисон ей довожу мушку прицела к центру батареи. А там, в центре, мозг батареи, из него к каждому оружию идут кабели с данными по наводке на цель, то есть на меня.

* * *

Я нажимаю на кнопку бомбометания и чувствую удар под брюхом: мой подарок командиру батареи весом в тонну поехал по своей баллистической траектории. Тяну на себя ручку управления и перехожу из пике в набор высоты в развороте.

Смотрю назад и вниз: если кто-то за мной гонится, я его увижу, а кроме того, я так увижу, попал я или нет. Вижу свою бомбу в последние мгновения перед попаданием, вижу ударную волну и столб дыма, который накрыл батарею.

* * *

Выравниваю самолёт и продолжаю набирать высоту с задраным носом. Самолёту уже легче, и он бодро карабкается вверх, подальше от 23 мм ЗСУ, которыми здесь кишмя кишит. Проверяю кабину, топливо. Пока хватает ещё на пару заходов.

Ищу и нахожу Р., он кружит недалеко от меня, готовится ко второму заходу. Над нами тихо, никого нет. В эфире разговоры, но ничего такого, чтобы не позволило нам продолжать работу.

* * *

Под нами ад. Всё, что может, стреляет в воздух. Ощущение, как будто земля поднялась на несколько километров вверх. Да, для того чтобы атаковать, придётся нырять во всё это.

Перевожу тумблеры бомбометания на оставшиеся бомбы, настраиваю заново прицел, набираю высоту, выстраиваю «коробочку», проверяю, как дела у Р., осматриваюсь сзади, сверху и захожу на вторую цель.

Стараюсь не думать о серой пелене зенитных разрывов, через которую мне надо пролететь, сосредотачиваюсь в центре батареи. Опять вижу нацеленные на меня вспышки, контролирую скорость, довожу мушку прицела в унисон с высотой, как меня учили и как я сам учил других, и сбрасываю свои оставшиеся бомбы.

В развороте с набором высоты, только теперь в другую сторону, чтобы не быть шаблонным, вижу, как взрывная волна и столбы дыма покрывают позиции второй батареи. Проверяю топливо – время собираться домой. Проверяю, как дела у Р., и слышу, что у него не все бомбы упали, и он просит зайти на цель ещё раз.

Мда... Вернуться с бомбой, которая не упала при бомбометании, плохая идея. Кто знает, что там у неё перекосило. Может даже, что запал у неё уже взведён. Её надо сбросить аварийно. Это должно сработать.

Но бомбы-то у нас в прямой подвеске, а это значит, что запал сработает и при аварийном сбросе, и она взорвётся при ударе о землю. Поэтому, её можно сбросить на цель, но только вместо нажатия на кнопку бомбометания на ручке управления надо дёрнуть рычаг аварийного сброса.

Р. – опытный и умный вояка, он это знает и хочет сочетать приятное с полезным: избавиться от обузы, сбросив её в цель. Молодец!

* * *

Но это значит, что мы остаёмся на третий заход, а это становится опасно. Да и солнце уже заходит. Времени на долгие раздумья нет, и я принимаю решение – остаёмся на третий заход.

Даю Р. разрешение на ещё один заход, но так, чтобы по выходу из него мы бы уже были в направлении домой. На время этого захода на цель я становлюсь ведомым Р. Пока он занят планированием захода и приготовлением аварийного сброса, я кружусь вокруг него, оглядываюсь и вдруг замечаю, как близко мы от Дамаска. Ощущение не из обычных.

Но времени на осмотр достопримечательностей окрестности нет. Мы сюда дело делать пришли. Поэтому настраиваю прицел на работу с бортовыми пушками и, проверив, что сверху и с боку нам никто не мешает, захожу вслед Р. на батарею, которая могла бы ему помешать при выходе из пике.

На этот раз нажимаю на гашетку выше высоты открытия огня: у меня снарядов на 7 секунд огня. И я хочу выложить как можно больше из них на цель. Поэтому надо много терпения и времени стрелять и продолжать целиться, когда в тебя самого стреляют.

* * *

Крутым разворотом выхожу вверх и на юг. Вижу, как мои снаряды ложатся в цель и несколько орудий ПВО замолкают. Р. передо мной, набирает высоту. Топлива у нас хватит добраться до нашей базы, если ветер на высоте не мешает.

Пока набираем высоту, докладываю о завершении работы и перехожу на другой канал связи. Там ещё раз докладываю о местоположении батарей ПВО, которые мы атаковали, и о войсках вокруг них.

* * *

Проверяю топливо и ветер. Всё в порядке – долетим. Из эскадрильи нас уже ищут по связи – мы вошли в зону их приёма. Они озабочены: все уже давно вернулись, а мы ещё летим и летим. Задают вопросы,

сколько топлива и откуда у нас его так много осталось. Но я пока им не выдаю секретов, оставляю на потом. Нам сейчас надо приземлиться с первого раза. На второй заход на посадку топлива не хватит. Если не удастся сесть нормально, то никакие секреты расчётов топлива не помогут.

* * *

Диспетчеры авиабазы нас уже ждут и расчищают нам дорогу на прямой заход на посадку. Шасси выходит нормально, подкрылки тоже. Значит, нет дырок в гидравлике.

Садимся с ходу, гасим скорость тормозными парашютами, заруливаем по стоянкам. Я еду по рулёмке медленно, помню спешку нашего 1-го замкомэска.

Да и сейчас начинает доходить, что за полёт это был. Начинается реакция тела, чувствую себя усталым, обмякшим малость.

Технари сбегаются принимать самолёт из полёта. Оружейники удивлённо смотрят на пустые снарядные ящики. Как видно, я первый в эскадрильи применил этот вид оружия в этой войне.

Расписываюсь в книге самолёта. Оказывается, мы были в воздухе почти полтора часа, что немало для такого боевого вылета на самолёте без бидонов.

* * *

Когда мы с Р. возвращаемся в расположение эскадрильи, уже темнеет. Все на де-брифинге: и те, кто летал, и те, кто не летал – все хотят послушать. Все уже знают, что это был знаменательный день.

Мы с Р. заходим ещё одетые в лётное обмундирование. Рассказываем, как летали, что делали, что видели, нас спрашивают. Удивляются нашей смекалке и хитрости. Мы самые удачливые из всех наших пар:

летели дольше всех, зашли на вражескую территорию дальше всех, выполнили больше всех заходов по стоящим целям. И вернулись живыми и невредимыми, чтобы можно было летать и воевать ещё и ещё, сколько понадобится.

* * *

Моё использование пушек в пике вызвало некоторые вопросы, но обсуждение этого метода отложили на потом. Начальство эскадрильи вызвали к командиру авиабазы, а оттуда в штаб ВВС.

* * *

Я и забыл, насколько я голоден. Перекусив немного, начали собирать информацию у соседей о событиях дня, а потом просто включили телевизор. В прямом эфире передавали интервью командующего ВВС, в котором он рассказал, что сирийский щит ПВО в Ливане уничтожен. И что в этот день ВВС Израиля сбили 27 самолётов противника, не потеряв ни одного своего.

Вот и стало понятно, почему нас так долго держали в стороне. Наши F15 и F16 щёлкали сирийские МиГи, пока мы сжигали драгоценное для нас топливо и нервы.

* * *

Под шумок позвонил жене и родителям, отрапортовал, что жив-здоров, от всех вопросов о полётах или моих сегодняшних похождениях отряхивался, как собака от солёной воды. Не помогло. Они потом всё равно узнали. А я пошёл обратно в бункер – спать. Завтра тоже была война.

---

* Кфир – истребитель/бомбардировщик второго поколения израильского производства, построен на основе французского «Миража» с двигателем «Фантома».

Евгений Брейдо

Жатто

Рассказ (фрагмент предполагаемого романа) обнаружен издателем «ПБ» на сайте журнала «Семь искусств» (редактор Евгений Беркович), где он был впервые опубликован в № 11 (36) за ноябрь 2012 г.

Благодаря журналу удалось установить контакт с автором, который специально для публикации в «Парке Белинского» внес в рассказ некоторые уточнения, касающиеся написания французских, польских и еврейских имен.

Публикуется с любезного согласия редакции журнала «Семь искусств».

Оригинал текста находится по адресу <http://7iskusstv.com/2012/Nomer11/Brejdo1.php>

Евгений Брейдо, 51 год, по образованию математик, по роду деятельности писатель, лингвист, филолог и программист.

Много лет служил в Институте русского языка им. Виноградова в качестве научного сотрудника и преподавал на отделении теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Придумал новую теорию русской стиховой метрики и защитил на эту тему диссертацию под руководством М. Л. Гаспарова, несмотря на недовольство последнего. Занимался творчеством О. Мандельштама, Б. Пастернака, А. Введенского, В. Маяковского. Написал монографию по русскому стиху.

В настоящее время живет в Бостоне (США). Кроме сочинения рассказов, пишет статьи по медицинской информатике и прикладной лингвистике. На жизнь зарабатывает в основном программированием.

Жатто в составе авангарда Мюрата доехал почти до Кремля. От Дорогомиловской заставы они никого не встретили, город был пуст.

Всем, кроме, может быть, безмятежного Неаполитанского короля, было немного не по себе. Странной была эта победа.

Только Мюрат, в невероятном испанском костюме с золотыми бранденбурами, больше похожий на оперного певца, чем на короля или маршала, ни на что не обращал внимания. Он подозвал Жатто.

– Поезжайте к императору и доложите о том, что видели.

– Слушаю, Ваше Величество.

Жатто козырнул и, пришпорив лошадь, поскакал назад.

Он чувствовал, что опасность исходила от каждого дома, каждой подворотни, за любым поворотом улицы ему чудилась засада. Это не была привычная опасность боя, когда, разрывая рот в яростном вопле «Vive L'Empereur», с саблей в руке он мчался меряться силами с таким же отважным врагом.

Нет, это вдруг вспыхнувший забытый уже детский страх мальчика Йоска из местечка Берковичи под Уманью, когда он убегал от панских холопов, травивших жиденка собаками, как зайца.

Усмехнулся про себя: «Дивное чувство для победителя в покоренной столице!», и усилием воли отогнал химеру страха. Если бы он знал, насколько верным, пророческим был этот страх.

Ах, как они дрались неделю назад под Москвой! Но не одолели русских. И русские тоже не одолели. Все разговоры о победе – пустое.

Храбрость, отчаянное молодечество было его природой.

Не то чтобы этим можно было кого-то удивить: в кавалерии Мюрата других никогда не было, его друзья-гусары Лассаль, Пажоль, де Марбо с кем угодно могли померяться отвагой, но атакой его эскадрона под Прейсиш-Эйлау был впечатлен сам император.

Крест Почетного легиона из высочайших рук прямо на поле боя. В 27 лет бригадный генерал. Хотя кто тогда не был генералом. Но для мальчика из польского еврейского местечка, может быть, и не так плохо.

Правда, гусар в небесно-голубом мундире с ментиком, небрежно свисавшим с левого плеча, и расшитых золотыми шнурами чакчирах, заправленных в мягкие черные сапожки, с волочащейся саблей, нисколько не походил на того мальчика.

Может быть, только быстрый прямой взгляд насмешливых карих глаз, природная гибкость и порывистость в движениях да мгновенная реакция, не раз спасавшая Жатто жизнь, и выдавали в нем дерзкого юношу из далекой северной страны, приехавшего в Париж в конце 1799 года вскоре после переворота 18 брюмера в надежде на удачу и славу.

Попав из Польши в свободную Францию, он сократил длинную фамилию Дзятковский до двусложной Жатто, заменив попутно дребезжащий польский «дз» на легкий французский «ж», и поступил волонтером в армию.

К Маренго не успел, поскольку службу пришлось начать с гарнизонной лямки, но исправно участвовал во всех войнах Империи. Аустерлиц, Йена, Прейсиш-Эйлау, Фридланд, Ваграм. Теперь Бородино. Четвертая компания.

Он нашел императора на большом холме у въезда в город. На карте это место называлось Поклонной горой. Наполеон стоял со свитой и штабом и ждал депу-

тацию каких-то мифических бояр с ключами от города.

Жатто прикусил губу: «У великого человека и ошибки должны быть великими».

Он подъехал и остановился, как требовал этикет, в нескольких шагах от императора. Наполеон взглянул на него.

– Ваше Величество, с донесением от Неаполитанского короля.

– Что доносит Мюрат?

– Сир, город пуст.

И снова, как предупреждающий сигнал, это внезапное чувство опасности в покинутом жителями городе.

Наполеон смотрел на него в полном изумлении. Потом медленно стянул перчатку с одной руки, потрогал себя за нос, вытащил из кармана носовой платок и переложил в другой карман. Он застыл в каком-то оцепенении, и никто не знал, сколько прошло времени, прежде чем он произнес обычным повелительным тоном:

– Нечего медлить.

Прогремел пушечный залп – сигнал к вступлению в город.

Войска тронулись.

Император ехал на маленькой арабской лошади в сопровождении двух эскадронов конной гвардии.

Негодование было написано на его лице. Он ехал по широким мощеным улицам, мимо дворцов с причудливой архитектурой и сияющих золотом нарядных церквей и не встречал никого на пути. Трехсот тысяч жителей как не бывало. Лучше, чем кто-либо на свете, он знал, как выигрывают сражения и входят в покоренные столицы, что такое победа и слава.

Но не бывает победы без побежденных.

Боже, каким адом была Московская битва! Они

сражались с шести утра до шести вечера, он потерял в этих атаках 30 тысяч человек, среди них 49 генералов. Да, они захватили центр и левый фланг, но русские стояли в конце дня так же незыблемо, как и утром.

Ничего, теперь они будут просить мира.

И подъехав к Кремлю, он сказал с усмешкой, для истории: «Вот эти гордые стены».

* * *

В ту же ночь начался пожар.

Полыхнуло сначала где-то за Китай-городом, потом ближе, огонь перекинулся на Варварку и Дмитровку, быстро приближаясь к Кремлю. Порывистый ветер разносил его по улицам. Отовсюду тянуло гарью, и стало светло почти как днем.

Теперь Жатто казалось, что он весь день предчувствовал это. Он хорошо помнил рассказы немногих уцелевших о том, как солдаты Суворова громили варшавскую Прагу, никого не щадя и пьянея от крови. Глубоко запрятанный детский ужас перед грубой грозной русской силой, не разбирающей правых и виноватых, солдат и горожан, мужчин и женщин, взметнулся в душе, угрожая захлестнуть разум и вырваться наружу. Он тяжело вздохнул, взявшись за меховые отвороты голубого гусарского мундира, провел рукой по золотому шитью, нащупав эфес сабли, и успокоился.

Давно уже не был он мальчиком из еврейского местечка. Годы походов с императором закалили в нем воина, вселив безграничную веру в удачу и гений этого поразительного человека. Под Аустерлицем все говорили, что надо отступать, по слухам, даже неустрашимый Ланн пытался убедить в этом императора.

А кончилось все полным разгромом русских. И командовал ими тот же Кутузов. Он в упоении рубил тог-

да со своим эскадром русских гренадер. И тоже никого не щадил.

Под Эйлау уже командовал полком в бригаде Лас-саля. Как они обрушились тогда на кирасир! Сразу двумя дивизиями! То была лучшая атака в его жизни! Это был день Мюрата и немножко его, Жатто!

Конечно, не могли русские просто так отдать свою древнюю главную столицу. У них вместо тактики хитрость. Но мы выпутаемся. В конце концов, здесь император.

Под Фридландом русские снова были разгромлены. А он стал бригадным генералом. И они вошли в Польшу. Ему, правда, нужно было в ту часть, которая отошла к России, в Правобережную Украину, но после Тильзита это было легко. Он обратился к Мюрату, тот попросил русских и получил разрешение их императора в течение двух часов. Для французов в Европе границ больше не существовало.

Он бежал оттуда шесть лет назад, когда пан Анджей, шляхтич, узнав о неслыханном позоре – романе своей единственной дочери с жиденком, поклялся убить его. Он убегал из замка Потоцких в Тульчине, где пан Анджей служил управляющим, обмотав тряпками копыта лошади, боясь нечаянного звука, скрипа, который бы выдал его. Если бы его тогда схватили, то просто забили бы плетью без всякого суда.

Родители и все его родные погибли в Уманской резне 10 июня 1768 года (с тех пор он ненавидит месяц июнь). Тогда казаки поставили пушку напротив дверей синагоги и разнесли половину здания, а тех, кто не погиб сразу, добивали пиками и штыками. Женщин и девочек насиловали перед смертью.

Йоск уцелел только потому, что отец отправил его с сестрой к родным в Тульчин, когда посланный покон-

чить с гайдамаками сотник Гонта изменил присяге и казаки стали подходить к городу.

Сироту взял на воспитание граф Потоцкий, владелец тех мест, старшая сестра вернулась в Умань. Он рос во дворце, иногда бывал с семьей магната в Петербурге.

Ездить верхом и рубиться на саблях его учил тот же старый шляхтич, что и молодого графа Николая, тем более, что тому нужен был партнер в рубке, а немецкому и французскому он выучился сам, пока им учили детей графа, языки давались маленькому Йоску легко.

Еще легче было с танцами. Среднего роста, гибкий и подвижный, как ртуть, он танцевал мазурку так, что все молодые шляхтичи в округе только зубами скрипели от зависти. Он почти забыл уже детские унижения и совсем не чувствовал себя парией, пока не влюбился в Агнешку.

Чуть только начинало темнеть, она сбегала к нему по ступенькам через боковую калитку дворца, отстукивая каблучками свое «цок, цок, цок», вскакивала сзади на его коня, и они мчались по окрестностям, потом он пускал коня шагом, сажал ее перед собой, и они долго самозабвенно целовались, находили укромные полянки в лесной чаще, спешивались и любили друг друга целомуренно и неистово, как бывает только, когда вам не больше, чем тридцать четыре на двоих.

Они так любили это мчанье и прогулки в аллеях тульчинского парка. Губы почти не разъединялись и объятия не разжимались всю ночь напролет. Оба были безмятежно счастливы все лето.

Отец застал их случайно как-то вечером, Йоску удалось ускользнуть, но бежать нужно было той же ночью, пока пан управляющий не успел поднять на ноги всю округу. Вот только куда?

После того как граф Станислав женился на красавице-гречанке Софии, Тульчин опустел, молодые жили в Умани. Бежать в Умань искать защиты Йоск не мог, там в охране служат казаки, может, те самые. Йоск убил бы любого в свитке и казацких шароварах. Да и неизвестно, как посмотрит граф, а покорности он в себе не ощущал вовсе.

На Украине его бы схватили везде, в России еврея, воспитанному как польский шляхтич, и вовсе нечего было делать.

Оставался долгий путь через Австрийскую империю во Францию. О Франции говорили много, а еще больше о молодом генерале Бонапарте, который за несколько месяцев завоевал почти всю Италию.

Йоск понимал только, что французы перерезали свою шляхту и простой человек может там многого добиться, если он умный и храбрый. И никто не спросит тебя, в какого бога ты веришь.

Впрочем, о боге Йоск думал мало, его больше занимали земные дела. Денег не было совсем, по дороге подворовывал или подрабатывал, чем придется.

Только через шесть лет он вернулся! И смог, наконец, снова увидеть ее! Ничего не изменилось. Он любил ее так же и хотел так же, как тогда. Жатто стал думать об Агнешке, рыжей красавице Агнешке, зеленоглазой и стремительной, тонкой, как соломинка, маленькой паненке.

Он был женат уже пятый год и все не мог поверить своему счастью. Он никогда бы не стал тем, что он есть, если бы не было Агнешки. Он сделал сам себя, чтобы нравиться ей, чтобы завоевать ее.

Но все равно и думать бы не мог увезти с собой, если бы не тот поход. Он вернулся не жалким изгоем, а грозным французским генералом, победителем, тенью

своего императора, перед которым все трепетало и все замирали в восхищении и страхе.

Взрыв невероятной силы ошеломил его. Быстрым разумом военного человека Жатто сообразил, что это мог быть только склад боеприпасов или пороховой погреб. Завернул про себя крепкое польское словцо.

Его внезапно позвали к императору.

Наполеон смотрел из окна на горящий город. На лице его изумление и гнев сменяли друг друга. Завоевание, стоившее стольких жертв, исчезало в дыму и пламени. «Это они сами поджигают. Какие люди, скифы! Зачем? Вы поляк, генерал, и, говорят, знаете русский. Объясните».

«Я польский еврей», – поклонился Жатто. «Думаю, это их месть за Московскую битву, Ваше Величество».

«Но это подло, подло. Как они смеют уничтожить мой город?!» – произнес император надменно. И тут же добавил, противореча себе: «Они жгут шесть веков своей истории. Какая решимость!»

Он повернулся к группе маршалов, спрашивая их мнение о происходящем.

Принц Евгений, Бессьер и Лефевр хором стали уговаривать его немедленно уехать.

«Ваше величество, здесь слишком опасно».

«Вашему величеству нужно покинуть Кремль».

«Сир, Вы не должны подвергать себя риску».

Наполеон смотрел на них отрешенно, словно не слышал. Он впервые подумал, что попал в ловушку. Дар, который он обещал армии и себе самому, превращался в троянского коня. Победа и мир ускользали от него.

Положение спас Бертье: «Если бы неприятель вдруг напал сейчас на части армии, расположенные вне Москвы, как Ваше величество могло бы с ними связаться?»

«Вы правы, – поморщился Наполеон. – Распорядитесь. Вы пойдете с нами, Жатто, – кивнул он генералу. – Мне может понадобится переводчик».

Они долго не могли выйти из Кремля, потому что огонь подступил к самым стенам. В конце концов натолкнулись на проход к реке и почти сразу потерялись в неразберихе разбегавшихся улиц. Города не знал никто – небольшой отряд просто старался уйти от огня, а он окружал со всех сторон.

Пламя поднималось над крышами, небо стало сплошным заревом, они шли среди пылающих домов, падающих горящих бревен, раскаленных листов кровельного железа. С грохотом рушились своды. Одна узкая улица показалась скорее входом, чем выходом из ада.

Император, не колеблясь, пошел по ней. В распахнутой шинели, молча, он шел наугад, в огненном плену, окруженный гвардейцами. Они блуждали до рассвета, пока не встретили случайно мародеров из корпуса Нея. Те указали путь к Дорогомиловскому мосту, оттуда удалось дойти до Петровского замка.

Едва войдя во дворец, Наполеон подозвал Жатто. Оказалось, он не забыл его ответ. Император спросил, считает ли он Польшу своим отечеством.

Жатто сказал, ни секунды не колеблясь, что единственное существо, которое ему дорого, свою невесту, он увез из Польши, а более ничем с ней не связан. Шпагу свою и жизнь он отдал императору и никому другому служить никогда не будет.

«Я помню Ваши услуги под Прейсиш-Эйлау, под Фридландом и под Москвой», – сказал Наполеон с неожиданной сердечной и мягкой улыбкой. Потом он спросил, не хочет ли Жатто тем не менее служить в его польских частях.

Жатто просто ответил, что для князя Понятовского он всегда будет «жидом», а у Мюрата он французский генерал, равный среди равных.

Наполеон задумался: «Мы много говорили с Ваши-ми соотечественниками в Египте. Вы знаете, для меня не существует ни религии, ни национальности – только сам человек с его верностью, талантами и счастьем. Я предлагал им создать свое государство, но они попросту испугались. В них не было доблести. Вы – не то. Ваша дорога – дорога чести».

* * *

Ему перестало везти. Легендарная удача, которая вырвала его когда-то из безвестности и вела все эти годы, вдруг ушла. Он почувствовал это внезапно и очень остро, задыхаясь в горелом воздухе этого проклятого города, в воздухе украденной победы, миража, сверкающего приза, обернувшегося смертельной ловушкой.

Не поверил этому чувству, да и кто бы поверил среди величия и раболепия, из которых был соткан мир вокруг него, но холодная отчаянная тоска внутри была признаком безнадежным и верным. Счастье, самый главный дар, ему изменило.

За 19 лет военной жизни, с самого Тулона, не было сражения тяжелее Московской битвы. Там не было победы, и награды за нее не должно было быть.

Он обманулся, наверное, впервые вместе с армией, потому что хотел быть обманутым. Они все так устали от долгого бесплодного похода, и так хотелось победы, отдыха и мира, и он так привык к своему счастью. А русские искусно подыграли.

Он недооценил старого маршала. Аустерлиц застил глаза. А тот умен и хитер, не хитростью полководца, а простой человеческой. Раньше он не делал таких ошибок. Но раньше удача всегда была с ним.

Нет, еще не все потеряно. Он в их старой столице. Он завоевал пол-России от Вильно до Москвы. Русские должны хотеть мира. У них дела намного хуже, чем у него. И он будет сговорчивым. Надо только дать им понять, что ему ничего не нужно, кроме чести. Даже Польши. Если поляки сами не восстали, не дело французов воевать за них. Он напишет Александру, пошлет к нему Коленкура, нет, лучше Лористона.

Король каждый день доносит, что русские напуганы, помещики и генералы хотят мира, война разоряет их. Но это Мюрат, хвостун и глупец, просто очень храбрый глупец, казаки дурачат его, говорят, что сделают своим королем, морочат голову. Неаполитанский король верит любой лести.

Можно напасть на русских, он разобьет Кутузова, и тогда Александр точно будет просить мира.

Нет, все это мираж, обман. Казачьи отряды повсюду вокруг Москвы, они перехватывают его курьеров, грабят обозы, и Бертье ничего не может с этим сделать.

Надо быть честным с собой – они не готовы к зимней компании. Не хватает еды, нет полушубков, теплых штанов, подков с шипами для лошадей.

Он выиграл все сражения, но может проиграть войну. Ему нужен мир, мир во чтобы то ни стало! И его можно добиться только, пока армия в Москве. Голова идет кругом. Но он должен решить эту задачу. Пока он здесь, к русским подходят подкрепления, Кутузов собирает армию со всей России. Это их страна, и у них все есть, чтобы воевать зимой. Время работает против него.

Тогда что он делает в этом городе? Чего ждет? Упущенную победу? Он, кажется, впервые проиграл все-ръем. Не будет ни отдыха, ни мира. Домой, назад! Спассти, что еще можно спасти.

И хотя он напишет потом в мемуарах: «Они были побеждены!», он совсем не был в этом уверен ни наутро после битвы, ни неделю спустя.

* * *

Император несколько раз писал Александру, послал графа Лористона в лагерь Кутузова, но никакого ответа не получил. Французы ушли из Москвы только через месяц, и месяц этот стал роковым и в судьбе Наполеона и в судьбе всех, кто связал с ним жизнь, в том числе и Жатто.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Верить нужно лишь в три вещи: в себя, в то, что лучше тебя, и в того, кого любишь».

Дженнет Уинтерсон. Снежный конь. «Иностранная литература», 2009, № 2, стр. 12.

* * *

«Все наши победы – не более чем отсрочка до следующей атаки».

Артуро Перес-Реверте. Кожа для барабана, или Севильское причастие. СПб.: Азбука, 2001, стр. 44.

* * *

«Наивысшее благо – почувствовать себя свободным... Совершенно свободным... Не считая только принятых решений, которые мужчина сам на себя налагает».

Ян Кросс. Небесный камень. Избранное. М.: Художественная литература, 1982, стр. 349.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Как вы думаете, благодаря чему Бонапарт так долго побеждал? Благодаря тому, что поражал всех поступками, которые было невозможно принимать в расчет по причине их полного безрассудства. Каждый его противник вступал в игру, ожидая, что она будет проходить согласно правилам, известным по приобретенному опыту. Он же тем временем совершал акцию, которая всех приводила в ошеломление, поскольку ни один нормальный человек именно такого развития событий не мог предвидеть».

Юлиуш Данковский. Пленник Европы. М.: «Радуга», 1991, стр. 252-253

* * *

«Т о г д а у меня была только одна философия – не философствовать. Выполнять приказ. Стремительно, ловко, молниеносно. Лучше, чем они ожидали. Ибо хорошее выполнение приказа означает освобождение от приказа. У меня только один путь: через идеальное выполнение приказов подниматься н а д приказами!»

Яан Кросс. Имматрикуляция Михельсона. Избранное. М.: Художественная литература, 1982, стр. 102.

* * *

«Из книг и собственного опыта я знал, что относительно великих предприятий нечего советоваться, их следует выполнять, не оспаривая у случая той власти, которые он имеет над всеми человеческими предприятиями».

Джакомо Казанова. Мемуары. Переработанное издание 1877 г., Саратов. Издательство С. Кознова, 1991, стр. 57

Виктор Матизен

След гвоздя

Настоящий рассказ был прислан в «ПБ» одним из друзей и почитателей творчества Виктора Матизена с рекомендацией, «если понравится», опубликовать его.

В ходе переписки с автором выяснилось, что рассказ уже опубликован в журнале «Новый мир», в № 12 за 2012 г. Правда, без концовки, где есть эпизод про Лондон.

На мою просьбу объяснить, с какой целью был написан рассказ (мне показалось, что писался он как раз ради концовки), автор прислал следующий ответ.

«Рассказ был написан не ради финала, а ради Бродского, Матвеевой, любви к парадоксам, идеи концептуального искусства, передачи духа времени и много чего еще, что я мог высказать, только написав этот рассказ.

Виктор Матизен, 64 года, кинокритик и прозаик.

По первому образованию (Новосибирский университет) специалист в области теории вероятностей. Как математик, разработал теорию перекапывания многогранников по плоскости (1979) и элементарную теорию жесткости стержне-веревочных конструкций (1984). В 1970-1981 гг. преподавал математику в сш № 130 новосибирского Академгородка.

В 1982-1986 гг. работал сплавщиком леса, сборщиком папоротника, штукатуром-маляром и фасадчиком. Параллельно обучался заочно на сценарно-киноведческом факультете ВГИКа.

Как кинокритик публиковался в «Советском экране», «Огоньке», «Искусстве кино». В 2003-2011 гг. состоял президентом Гильдии киноведов и кинокритиков России.

В 2006 г. выпустил книгу рассказов о школе «Жизнь шкрябов». В 2013 г. вышел двухтомник его бесед «Кино и жизнь. Две-надцать дюжин интервью самого скептического кинокритика».

Концовка была написана по совету моих знакомых через пару месяцев после того, как «Новый Мир» принял рассказ к печати. Я предложил зав. отделом прозы вставить окончание, но она не согласилась, сказав, что «это ничего не добавляет, и так все понятно». Спорить я не стал.

Лично мне концовка кажется существенной: она дает возможность почувствовать дистанцию между «тогда» и «теперь» и для меня более чем реалистична – один из моих учеников преподает в Кембридже, а другой, тоже живущий в Англии, – натуральный мистер Твистер, миллионер».

На мой взгляд, дописанная автором концовка коренным образом меняет характер текста, поднимает его до уровня Зингера, Фаулза, Клима.

«Парк Белинского» с согласия автора публикует полную версию рассказа Виктора Матизена.

Валентин Мануйлов

Давным-давно, в уже мало кому памятные времена, один ученик принес в школу привезенный отцом из-за границы альбом абстрактной живописи и на перемене показал одноклассникам. Те, не выдавшие ничего подобного, столпились и стали разглядывать картинки.

Прозвенел звонок, и на урок пришел студент, подменявший заболевшую математичку. Взглянув на кружок по изучению живописи, он произнес фразу из популярной картины «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен», по недосмотру цензуры выпущенной на экраны:

– А че это вы тут делаете, а?!

Ему показали обложку с «Черным супрематическим квадратом».

– Нравится? – полюбопытствовал студент.

– Интересно. Только этот вот квадрат – ерунда ка-

кая-то. Пишут про него так, как будто это «Последний день Помпеи». А ведь эдак каждый может намалевать! – сказал ученик, который принес альбом.

– Каждый может, да не каждый догадается, – заметил студент, почесав в затылке. – И не каждый посмеет выставить. А Малевич посмел. Да еще, поди, в правильный момент...

– А если бы он выставил черный круг? – вдруг спросил второй ученик.

– Круг?! – студент призадумался еще на секунду. – От круга, может, еще больше шума было бы. Порочный круг. Роковой круг. Заколдованный круг. Круг судьбы. Круг ада. Сколько об этом понаписать можно – жуть берет...

– Так это что же, если любую фиговину выставить в подходящее время в подходящем месте и понасочинять всякой фигни, ее будут считать произведением искусства? – удивился первый ученик.

– Попробуйте на досуге, – сказал студент, приподняв правую бровь в знак того, что оценил формулировку. – А сейчас нарисуйте квадрат, впишите в него круг, перечеркните накрест диагоналями, впишите в один из маленьких криволинейных треугольников еще один круг и вычислите, во сколько раз его радиус меньше радиуса первого круга.

– Подумаешь, бином Ньютона, – отозвался первый ученик через полминуты. – Дважды выражаем расстояние между центрами и решаем квадратное уравнение.

– А не пошел бы ты отсюда куда-нибудь на матфак? – студент вскинул обе брови и сделал легкую паузу перед двумя последними словами.

– Давай, что ли, в самом деле попробуем? – сказал первый ученик второму после уроков. – Только вешать где? – Чем тебе тут плохо? – второй обвел взглядом

стены кабинета литературы, где висели портреты классиков с сине-зелеными лицами отравленных газом солдат.

– А повесим что? – спросил первый.

– Был бы гвоздь, а что повесить, найдется, – ответил второй.

– Еле выпросил, – сказал первый, вернувшись из кабинета труда с гвоздем и молотком. – Кажись, у них уже и гвозди кончились. Как в фильме «Коммунист», который на днях по телеку показывали.

– Враг вступает в город, пленных не щадя – оттого, что в кузнице не было гвоздя, – вспомнил второй. – Ты повыше вбивай. А то шпионерят будущее произведение искусства. Залезь вон на стул и давай...

Стул в кабинете был один – учительский. Первый ученик постелил на сиденье черновик, встал на него и забил гвоздь по соседству с портретом Маяковского, официальный титул которого, Великий Поэт Социалистической революции, был сокращен старшеклассниками до ВПСР по аналогии с бытовавшим тетраграмматонном ВПЗР¹, обозначавшим Льва Толстого, портрет которого висел неподалеку.

– Знаешь что? – сказал второй. – Присобачим еще табличку с надписью типа «Гвоздь мироздания», чтоб как в музее.

– А текст присочинить? – поинтересовался первый, спрыгнув со стула.

– Обойдемся. Нароем вечером еще несколько стишков про гвозди, и все будет в ажуре.

– Не вставят нам за такое?

– Неужели ты не готов на жертвы ради искусства? – спросил второй.

* * *

Увидев в своем кабинете толпу, разглядывавшую

подвешенные на нитке листки, заслуженная учительница Полина Виленовна Капличная по прозвищу Капля подошла поближе и заметила в стене гвоздь, к которому была прикреплена нитка с бумажками.

Чуть ниже красовалась табличка с надписью: «Гвоздь мироздания. Неизвестный художник XX века. Железо. 1982 г.».

– Кто это сделал?! – спросила она тоном, грозным как царь Иван Васильевич.

– Я, – первый ученик подавил предательское желание сказать «мы».

Второй деликатно промолчал.

– А ну-ка дай сюда эти бумажки!

Первый отцепил листки и подал учительнице.

Та пробежала глазами стих о кошмарных последствиях нехватки гвоздя в кузнице, потом о людях, из которых можно было бы делать самые крепкие в мире гвозди, затем про то, как луну приколачивали гвоздями к небесам, а дальше наткнулась на нижеследующие строки:

1

Сдав все экзамены, она
к себе в субботу пригласила друга.

Был вечер, и закупорена туго
была бутылка красного вина.

А воскресенье началось с дождя,
и гость, на цыпочках прокравшись между
скрипучих стульев, снял свою одежду
с непрочно в стену вбитого гвоздя.

Она достала чашку со стола
и выплеснула в рот остатки чая.

Квартира в этот час еще спала.

Она лежала в ванне, ощущая

всей кожей облупившееся дно,
и пустота, благоухая мылом,
ползла в нее, через еще одно
отверстие, связующее с миром.

2

Дверь тихо притворившая рука
была – он вздрогнул – выпачкана; пряча
ее в карман, он услышал, как сдача
с вина плеснула в недрах пиджака.

Проспект был пуст. Из водосточных труб
лилась вода, сметавшая окурки.
Он вспомнил гвоздь и струйку штукатурки,
и почему-то вдруг с набрякших губ

сорвалось слово (Боже упаси
от всякого его запечатленья),
и если б тут не подошло такси,
остолбенел бы он от изумленья.

Он раздевался в комнате своей,
не глядя на припахивавший потом
ключ, подходящий к множеству дверей,
ошеломленный первым оборотом.

* * *

Дочитав стихотворение до конца, Капля так побагровела, что классу показалось, будто в дверь заглянул дворник Кондратий с явным намерением ее хватить.

– Это ты написал?!

– Я?! – поразился первый ученик.

– А кто же?!

– Ну, Бродский, – поколебавшись, ответил ученик.

– Кто?! – Кондратий протянул когтистые руки к самому сердцу учительницы. – Мало того, что ты устроил это хулиганство с гвоздем, ты еще посмел повесить ря-

дом с портретом великого поэта социалистической революции непристойные вирши тунеядца и антисоветчика?! Ты за эти художества ответишь! Ровно через пять минут я вернусь от директора, и чтоб к моему возвращению ничего тут не было! – отЧеКанила учительница.

* * *

Ученик опять сходил в кабинет труда, вернулся с длинным гвоздодером, сковырнул едва приклеенную табличку и, привстав на цыпочки, выдернул гвоздь.

На пол просыпалась упомянутая поэтом струйка штукатурки, а в стене осталась небольшая дырка с облупленными краями. Вернувшаяся от директора Капля бросила беглый взгляд на место происшествия, не обратив на нее должного внимания.

* * *

– А ты, гад, почему не сознался?! – спросил первый ученик второго после уроков.

– Это еще зачем? Чтобы вместо одной жертвы искусства было две? – изумился второй.

– А если бы я сказал, что мы вместе это делали?

– Ты бы не сказал.

– Почему ты так думаешь?!

– Не умеешь ты играть в патриотическую игру «стук-стук», – сказал второй.

– А ты умеешь?

– Я этого не говорил.

– Я бы с тобой в разведку не пошел, – заметил первый.

– Я бы со мной тоже не пошел, – признался второй.

– Да и зачем мне в разведку?

* * *

Придя назавтра в свой кабинет, Полина Виленовна

застала у стены сборище учеников из другого класса. В центре полукруга стоял второй ученик и пересказывал описанное выше с добавлением красочных деталей, рисующих его выдающуюся роль в истории.

Разогнав несанкционированное мероприятие, Капля вызвала первого ученика.

– Я тебе что сказала? – спросила она, с трудом сдерживая пар. – А ты что сделал?!

– Вы сказали все убрать. Я и убрал.

– Ты что из себя деревянную голову строишь? Сделай, как было! Чтобы никаких дырок не осталось!

Не осмелившись сдерзить на не замеченный учительницей скабресный смысл этих слов, первый ученик отправился к школьному завхозу.

Тот выдал ему засохшую кисть и ржавый шпатель, зачерпнул краем жестяной банки немного шпатлевки из мешка, для вида порылся в поисках остатков краски, которые два года назад израсходовал на пристройку к даче, и, скосив глаза в сторону, развел руками.

– У завхоза краски нет, – сказал ученик на другой день.

– А мне какое дело?! – сказала Капля. – Или мне родителей в школу вызывать? Иди и купи!

* * *

В тот же день, ведя урок о послереволюционной поэзии ВПСРа, она прочла вслух выдержку из его разговора с солнцем: «Светить – и никаких гвоздей!», после чего долго не могла успокоить класс, полегший на парты от хохота.

– Гони бабки на краску, – сказал первый ученик второму после урока. – А то чего я один отдуваться буду?!

Назавтра, когда хозяйки не было в кабинете, вто-

рой ученик привел к дырке от гвоздя новую экскурсию и взял с каждого по двугривенному. Два рубля он оставил себе, а два отдал товарищу.

Тот купил в магазине кисть и банку краски за рубль девяносто, сверив ее цвет с заблаговременно отколупнутым от края дырки кусочком старого покрытия, на сдачу выпил стакан газировки с сиропом и вернулся в школу, чтобы заделать дырку, а на следующее утро, когда шпатлевка высохла, закрасил поверхность.

* * *

После уроков первого ученика вызвали на малый педсовет, состоявший из директора, Капли, а также профорга, парторга и комсорга школы, которых читавшие в самиздате Толкиена называли орками.

Перед заседанием директор спросил:

– Я, Полина Виленовна, в вашей литературе (Каплю слегка передернуло) не силен. В политике подкован – знаю, что этот ваш (Каплю передернуло сильнее) Бродский – тунеядец и антисоветчик. Что хулиганство – понимаю. Но вот пАрнографии – не вижу. Три раза прочел – где пАрнография? Ну, было там между ними что-то, раз он ночь у нее провел, а утром оделся. Потом она в ванной лежит, а он на ключ от ее квартиры старается не смотреть – что ж тут такого? Стесняется, значит, парень...

– Неужели вам непонятно, на что здесь намекает слово «ключ»? И не просто «ключ», а «припахивающий пОтом ключ»? Вы же мужчина, неужели я, женщина, должна вам это объяснять?!

– Мы с вами не мужчина и не женщина, мы – педагоги. Ключ – значит ключ. А пахнет – потому что в руках держали. Не все же руки духами спрыскивают!

– Никакой это не ключ, как вы не понимаете! Это... это то самое, чем детей делают! – выговорила учитель-

ница и покраснела так же густо, как волк в анекдоте про Красную Шапочку.

– Простите, Полина Виленовна, у меня самого двое детей, и я знаю, чем и как их делают, – с достоинством заметил директор. – Так что давайте не уточнять. Предлагаю не выносить эту тему на педсовет. Тут и сам не заметишь, как в парнографию впадешь!

* * *

– ЗначитЪ, так... – сказал директор, открывая совещание. – Ты, значитЪ, не только сознательно испортил школьное имущество, ты еще устроил хулиганскую акцию! Знаешь, чем это тебе грозит?

– Отвечай – сам на это пошел, или тебя подучили?! – присоединился к допросу парторк.

– Сам, – первый ученик снова подавил острое желание сдать второго.

– Врешь! – сказал парторк. – Не мог ты сам такого удумать! Надо же – вбить в стену гвоздь и приклеить подпись, как будто это картина Репина!

– Нет.

– Иностранные голоса слушаешь?!

– Нет.

– А с этими так называемыми абраксионистами – водишься?

– Нет.

– Вирши тунеядца Бродского где взял?

– Слышал.

– От кого?

– Не помню.

– Ты других за дураков не держи! Стишок он помнит, а от кого слышал – не помнит! Смотри, комсомольский билет на стол положишь... – предупредил комсорк.

– Не положу.

– Это как?!

– Я не комсомолец, – пожал плечами ученик, и на несколько секунд наступила заключительная сцена из комедии Гоголя «Ревизор».

– Думаешь, если так, то мы на тебя управы не найдем? – нарушил молчание директор. – Ничего, прочтешь свою выпускную характеристику – увидишь. А теперь закрой за собой дверь с той стороны!

* * *

На следующий день Виленовна обнаружила у стены новую толпу с экскурсоводом. На месте дыры от гвоздя красовалось пятно, чуть более темное, чем окружающая краска.

– Ты что, издеваешься?! – спросила она первого ученика, положив неправую руку на левую грудь. – Ты чем закрасил это место?!

– Да я специально образец взял, чтобы такую же купить!

– Кому интересно, что ты взял? Пошел за другой краской!

* * *

Все время, пока первый ученик был занят поисками требуемого колера, Капля выгоняла из кабинета экскурсии, а однажды даже соскребла указкой наклейку с надписью: «Пятно обыкновенное. Закрашенный след гвоздя. Штукатурка, масло. 1982».

Экскурсовод между тем повысил плату и стал брать с достигших шестнадцати лет по сорок копеек, включив в свой концертный номер стихотворение Бродского.

* * *

– Нет уже такой краски, – сказал первый ученик через три дня

– Как это нет?!

– В магазине говорят – это финская партия была. Жуткий дефицит. Все расхватали, а больше не завозили. И неизвестно, завезут ли.

– Если нельзя перекрасить пятно под цвет класса, можно перекрасить класс под цвет пятна, – подсказал второй ученик.

Класс заржал, как стадо лошадей Пржевальского, изображение которого украшало синие обложки школьных тетрадей.

– Тогда кабинет будет выделяться, – хихикнули девочки. – Пусть всю школу перекрасит!

Ржание класса перешло в рыдание. Полина Виленовна представила, что будет говорить завРОНО Марья Алексеевна, и в полной растерянности потребовала:

– Тогда перевесь на это место портрет Маяковского!

* * *

Первый ученик сходил за молотком, покосился на стул с восседавшей на нем массивной фигурой преподавательницы, собрал стопку учебников, встал на них, извлек из кармана гвоздь, вколотил в центр пятна, взял портрет классика с сине-зеленым лицом и спросил:

– Полина Виленовна, а ничего, что это тот самый гвоздь?

Класс взвыл. Капля переполнила чашу своего терпения и разрыдалась, как юная институтка, распределенная в спецшколу, где ученики сходу отослали ее на три буквы.

От неожиданности первый ученик забыл, на чем стоит, и покачнулся. Стопка учебников разъехалась, и он вместе с молотком и портретом грохнулся на пол. Не столько от удара, сколько от обиды у него брызнули слезы.

Испуганная перспективой отвечать за производствен-

ную травму учительница бросилась к нему, схватила под мышки, но смогла приподнять ровно настолько, что он встал на колени.

* * *

– Живая композиция с картины Рембрандта «Возвращение блудного сына к праведной матери», – громко прокомментировал второй ученик, планируя еще раз повысить таксу за рассказ о концептуальном произведении и закончить его парой строф из песенки Новеллы Матвеевой, кокетливо напетой ему симпатичной экскурсанткой из параллельного класса:

Любви моей ты боялся зря –

Не так я страшно люблю.

Мне было довольно видеть тебя,

Встречать улыбку твою.

И если ты уходил к другой,

Иль просто был неизвестно где,

Мне было довольно того, что твой

Плащ висел на гвозде.

Когда же, наш мимолетный гость,

Ты умчался, новой судьбы ища,

Мне было довольно того, что гвоздь

Остался после плаща.

Течение дней, шелестенье лет,

Туман, ветер и дождь.

А в доме события – страшнее нет:

Из стенки вынули гвоздь.

Туман, и ветер, и шум дождя,

Течение дней, шелестенье лет,

Мне было довольно, что от гвоздя

Остался маленький след.

Когда же и след от гвоздя исчез
Под кистью старого маляра,
Мне было довольно того, что след
Гвоздя был виден вчера.

* * *

Еще немного подумав, он заменил старого маляра на юного, дом – на школу, а вместо «туман, ветер и дождь» решил было вставить «тоска, мутотень и вождь», но вовремя вспомнил внимательные глаза с официального фотопортрета на стене школьного актового зала и отказался от своего намерения.

(На этом заканчивается версия, опубликованная в журнале «Новый мир», 2012 г., № 12).

Двадцать лет спустя бывший первый ученик, возвращавшийся из Кембриджа с конференции по алгебраической геометрии, перед вылетом в Гейдельберг гулял по Лондону.

Спускаясь по Черинг Кросс к Трафальгарской площади, чтобы посмотреть на восхищавшую его статую Нельсона, он заметил на Уильям-стрит вывеску Black Circle Art Gallery² и свернул налево.

На дверях висел постер Marcus Levin Exposition³ с рисунком обнаженной женщины, выполненным серыми штрихами.

В нескольких залах, увешанных большими абстрактными картинами, никого не было, и лишь в последней зале, перед которой располагался стенд с тем же плакатом, вдоль стен стояли посетители.

* * *

Штрихи оказались гвоздями разной длины, вбитыми в крашеные белой краской деревянные плиты. Под каждой вместе с ценой было педантично указано коли-

чество коротких, средних и длинных гвоздей. Осмотрев вернисаж, он подошел к смотрительнице.

– Tell please the owner about a mistake. Fifth whiteboard left from the door⁴.

Та удивленно подняла голову.

– As follows from the first, second and third boards, little nail is 1 pound, middle – 1,50, big – 2. The others – except fifth – confirm this calculation. So, the fifth board must be 10 074 pounds⁵, – пояснил бывший первый ученик.

– It seems to me it will be better if you tell him by yourself, sir. He'll return after tomorrow. You can also send a message⁶, – она протянула ему галерейную карточку, которую он не глядя сунул в нагрудный карман, – Have you seen his own nailwork on the wall opposite the entrance to the gallery⁷?

* * *

На стене против входа висела рамка, на которую он раньше не обратил внимания. В центре огороженного прямоугольника торчал гвоздь, а вокруг были разбросаны английские строчки, в которых он не сразу узнал русские оригиналы.

К рамке крепилась табличка с надписью: «The Nail Of The Universe. Iron. 1982»⁸, именем автора и кнопкой «Play». Нажав на нее, он услышал гитарный перебор, и тонкий женский голосок вступил: «Любви моей ты боялся зря...».

Закрыв глаза, он прослушал четыре куплета и бросил взгляд на вахтера, увлеченного разговором по мобильнику.

Затем пошевелил рукой непрочно вбитый гвоздь, извлек его из стены, проследив взглядом струйку штукатурки, обтер носовым платком, опустил в поясной бумажник, вместе со своей визиткой достал оттуда пя-

тифунтовую бумажку с двумя фунтовыми монетками и, проходя мимо все еще болтавшего стража, положил их на стол, сказав:

– Five to you and two for the gallerist. He'll understand what for⁹.

* * *

Еще через несколько минут он вышел на площадь и зажмурился: вокруг головы адмирала, с неподражаемым величием опирающегося на шпагу, сиял и бил в глаза золотой нимб закатного солнца.

Примечания

1. Ироническая аббревиатура выражения «Великий писатель земли русской», впервые употребленного Тургеневым.

2. Арт-галерея «Черный круг».

3. Выставка Маркуса Левина.

4. Скажите владельцу про ошибку. Четвертая доска слева от двери.

5. Как следует из первой, второй и третьей досок, маленький гвоздь стоит фунт, средний – полтора и большой – два фунта. Остальные, кроме пятой, подтверждают этот расчет. Следовательно, пятая должна стоить 10 074 фунта.

6. Мне кажется, было бы лучше, если бы вы сами сказали ему это, сэр. Он вернется послезавтра. Можете также послать ему сообщение.

7. Вы видели его собственную работу на стене напротив входа в галерею?

8. Гвоздь мироздания. Железо. 1982».

9. Пять – вам, и два владельцу галереи. Он поймет, за что.

Леонид Трус

Мятежный крик

6 марта 1953 года

Ну что вам сказать? Не верьте,
Пусть тысячи раз вам твердят,
Что плакали мы в день смерти
Загадочного вождя.
Да нам и не сказали
В тот день ничего про смерть.
Мы, как всегда, ковыряли,

Долбили промерзшую твердь...
В бригаде у нас был мальчишка,
Семнадцатилетний пацан.
Был он еще не вышколен
Лагерем до конца.

Леонид Трус (19 ноября 1928 – 24 мая 2013 гг.) – человек легендарной судьбы. В годы Великой Отечественной войны – воспитанник воинской части. После войны – студент Уральского политехнического института (Свердловск).

В 1952 г., будучи студентом 5 курса, арестован по обвинению в антисоветской пропаганде и террористических намерениях в отношении И. В. Сталина.

Военным трибуналом приговорен к расстрелу, который был заменен 25 годами лишения свободы. Срок отбывал в особорезимном лагере (Норильлаг). Во время пребывания в лагере получил увечье: лишился одной ноги и пальцев на другой.

В 1956 г. вышел по амнистии. В 1960 г. реабилитирован.

В 1957-1962 гг. работал инженером-электриком на Челябинском металлургическом заводе.

В 1962-1968 гг. жил и работал в Пензе инженером в НИИ управляющих вычислительных машин. В эти годы стал одним из лидеров литературной группы «Надежда» при Пензен-

Еще на него накатывала
По временам тоска
От ржавого слова «каторга»,
От мерзкого слова «зэка»...
Должно быть, тоски вот этакой
Не выдержал он в тот день:
Бросил кайло и, запретку
Перешагнув, как плетень,
В тундру побрел... прожектор
В спину ему светил...
Охранник стрелял метко,
Первой же пулей свалил.
С номером пятизначным
На спине его рдел лоскут...
Выстрел был удачным:
Враз оборвал тоску...
А в остальном – обычным
Был этот день.

ском отделении Союза писателей РСФСР. Принимал участие в выпуске рукописного литературного журнала «Надежда», пресеченного Управлением КГБ.

В 1968-2008 гг. жил и работал в Новосибирске. Сначала в Институте ядерной физики Сибирского отделения АН СССР, откуда был вынужден уйти по требованию КГБ. Затем в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.

Кандидат географических наук (1980 г.), специалист по моделированию региональных миграций населения.

В 2008 г. переехал на жительство в Нагарю (Израиль).

Сочинять стихи начал с 12 лет, но первое «серьезное», по его определению, стихотворение сложил в декабре 1952 года в камере внутренней тюрьмы Свердловского УМГБ.

В настоящей подборке, присланной специально для публикации в «Парке Белинского», 9 стихотворений из 14 написаны или дописаны в Пензе в 1964-1966 годах.

Никто ничего не слышал
Про траурный бюллетень.
Была обычная стужа,
На вахте – обычный шмон,
В столовой – холодный ужин,

В бараке – голодный сон...
И только лишь наутро
Узнали мы, что вчера
Скончался наш самый мудрый
И самый лютый тиран.

Мы не играли в прятки,
И, хоть свирепела пурга,
Мы побросали шапки,
Мы закричали: «Ура!»...

Еще впереди были годы
Каторги... что нам крик?
Но будто самой свободы
Глотнули мы в этот миг.
А там – хоть вырви горло нам,
Мордуй с утра до утра до утра!
Ах как это было здорово –
Вот так прокричать: «Ура!»

Пенза, 1964

Гордость

Я не сумел решиться
Открыто вступить в борьбу
Против лжи и насилья,
Я только роптал на судьбу.
Но даже за эту малость
Меня упекли в тюрьму,
Чтобы внушить почтенье
К всеобщему ярму.

Меня наказали сурово,
Без меры и без конца,
Как самого настоящего
Последовательного борца.
Я чести такой не достоин
И до конца моих дней
Буду считать ее гордостью
Неприметной жизни моей.

Норильск – Свердловск, 1956

Восход

Колючей проволоки звезды
Уродовали небосвод.
Но там, за проволокой, грозно
Пылал восход.

Пыталась ржавая колючка
Его перечеркнуть, закрыть.
Но он пылал багрово, жгуче –
Мятежный крик.

Крамольно полыхал в полнеба,
Презрев запретку и конвой.
И был бессилен ржавый невод,
И страж на вышке угловой.

Кайеркан, 1953 – Пенза, 1965

Каторжная баллада

В далеком Заполярье
Шахта давала медь.
Работали каторжане,
Судьба которых – терпеть
Побой и голод, и холод –
Весь каторжной жизни строй...
Для тех, кому не терпелось, –
Кладбище под горой.

В далеком Заполярье
Были они – как рабы.
Самым свирепым надсмотрщиком
Начальник шахты был.
То был издевательств мастер,
Конвойного пса лютей.
И был наделен он властью
Над жизнью и смертью людей.

В далеком Заполярье
Он гнул их в бараний рог.
Но сделать рабом человека
Трудней, чем загнать его в гроб.
...Неслыханная дерзость:
К начальнику в кабинет
Вошел каторжанин – темный,
Обтянутый кожей скелет.

...Далекое Заполярье...
Под курткой – амонал...
«Прошу посторонних выйти» –
Он только всего и сказал.
И, глядя начальнику прямо
В глаза и презренья не скрыв,
Шагнул он к столу, и грянул,
Разнес на куски их взрыв...

В далеком Заполярье
Шахта давала медь.
За право быть человеком
Плата была – смерть.
Но лучше погибнуть гордо,
Чем жить на коленях дрожа!
В жизни лишь то и дорого,
За что и жизни не жаль.

Кайеркан, 1955

Красноярск – Дудинка

Мы долго плыли вниз по Енисею.
Из трюма видны были берега:
Врастая в скалы, дерзко зеленея,
К реке вплотную подошла тайга.

Чем дальше плыли мы, короче
Ночь становилась, дни – длинней,
И наконец совсем не стало ночи –
Полярный день на много дней!

Кружилось обезумевшее солнце,
Но лед пластом лежал по берегам.
И даже изб прибрежные оконца
Не отзывались солнечным лучам.

Тайга ушла. Безжизненные скалы,
Бескрайние немые небеса...
Прощай, жена, прощайте, дети малые!
Не жги щеку, горючая слеза!

Зеленоватую, похожую на пиво,
Всё гнал на север Енисей свою волну.
Под плеск ее, то злобный, то игривый,
В неведомую плыли мы страну.

Кайеркан, 1953

Вселенная существует!

Черная пурга.
Ветер плотен и беспределен.
Содрогаются скалы и останавливаются поезда,
А провода лопаются, как струны.

И невозможно
Сделать самый маленький вдох.
Неистовым воем, секущим и режущим снегом
заполнена, кажется, вся вселенная,
Если она еще существует.

Чем-то выделялась она –
Не платьем, не статью, нет,
От женщин всех прочих только
лишь тем отличалась она,
Что синей – по коже – наколкой
Была изукрашена
От щиколоток до запястий...
«Дура, – подумал я. –
Ей бы закрытое платье...»
Но стыдно мне стало себя:
До нас ли ей, посторонних?
А как от себя самой
Спрятать не ноги – дороги,
Оставшиеся за спиной?
Запретки, собаки, бараки,
Колючка, конвой, тоска,
Ночные шмоны и драки,
Карцерных нар доска...
Неволя – что может быть хуже? –
Век бы ее не знать...
...Идет она под-руку с мужем,
Она – *жена* и *мать*.
Он – в стиранной синей футболке,
Чуть впереди жены...
Но руки ее – наколкой
Обезображены.
И плечи ее исколоты,
Все тело – и там, и тут...
И я до сих пор помню,
Как жарким июльским полднем
По парку они идут.

Пенза, 1966 г.

Смерть шахтера

В тот миг, когда, зевнув беспечно,
Ты электричество зажгла,
Погиб шахтер. Во тьме кромешной
Раздавлен глыбою угля.

Его безжизненное тело
Мы из-под глыбы извлекли.
Был взгляд убитого тосклив...
На черных комьях кровь алела...
В формулировках подходящих
Об этом был составлен акт,
Что виноват, мол, пострадавший,
А так – никто не виноват.
И ложь казенного злословья
Подписывали мастера...
И выдан сменой на гора
Был уголь тот, облитый кровью.

Стальные ядра в буйном танце
Потом его смололи в пыль,
И под котлом электростанции
Сгорел он пламенем слепым.
И кровь шахтера зажурчала
По медным жилам проводов...
Ты никогда не замечала,
Что с абажуров каплет кровь?

Кайеркан, 1955

В этот час

Представить: в этот самый час, в минуту эту самую,
Когда с тобой свидание судьба дарует мне,
Вдруг *что-то* на другом краю Земли –
еще не знаемо –
Вошло неслышно в нашу жизнь, как на голову снег

Свалилось, ворвалось... Вошло не гамлетовским
призраком –
Бомбежкой сонных городов, полетом саранчи,
Метафорой неслыханною, формулою физика...
Ты слышишь, как Вселенная растерянно молчит?

А мы с тобой беспечные, а мы с тобой не ведаем,
И ничего не изменить, как если бы в кино
Герою крикнуть: «Берегись!» – чтоб не погиб он,
преданный,
Как то ему безжалостным сюжетом суждено.
... Но я стою под деревом, и весь я – ожидание,
А ты стоишь у зеркала, прическу теребя.
Я ни о чем не думаю и только лишь заранее
Переживаю счастье увидеть вновь тебя.

Пенза, 1965

* * *

«Любишь?» – спросил я ее. Но ответ
Я так и не разгадал.
Ее уста сказали мне: «Нет».
Глаза ответили: «Да».

И горький час расставанья настал
И горло сдавил, как слеза.
«Уйди», – сказали ее уста.
«Останься», – сказали глаза.

И, не обняв, не поцеловав,
Ушел я. Закрылись двери.
Зачем я поверил ее словам?
Зачем глазам не поверил?

Пенза, 1964

* * *

Мед твоих губ – горек,
Шелковость кожи – жгуча,

Вод твоих глубь – горе,
Ты только можешь – мучать!
Тебя бы забыть, право,
Вытоптать, выжечь память!
Мед твоих губ – отрава,
Лед твоих рук – пламя...

Пенза, 1966

* * *

Встретил ее случайно, и снова вспыхнули в сердце
Надежда и отчаянье, и – не на что опереться.
Пытаюсь – небрежно: «Здравствуй...»

Не отвести взгляда!

Мне никогда не дастся пижонская эта бравада.
Дверь магазина взвизгнула. В пальцах дрожит
сигарета.

Неужто это пожизненно – невыносимость эта?

Пенза, 1966

* * *

Вы штормовые волны видели?
Пока их путь не прегражден,
Их бег спокоен и медлителен,
Как медленный беззвучный сон.
Но только встретятся с преградой –
Какая страсть, какой напор! –
Как будто Истина с Неправдою
Ведут последний смертный спор.
Куда деваются медлительность
И плавных линий простота?
Как эти брызги ослепительны!
Как пена белая чиста!

Как эти штормовые волны –
Таким бы стать –
Самозабвенным, непокорным,

С нежданной легкостью взлетать,
Преграды – преодолевать...
И если разобьюсь о камни –
Не трупом лягу бездыханным –
Взметнусь, почуяв смерти гнет...
И в брызгах радуга сверкнет.

Пенза, 1966

Поздно

Доктор сказал: «Рак», а я услышал: «Смерть».
Вот и пришел крах. Всесокрушающий смерч.
Что же успел я сделать? Такая долгая жизнь,
А сделано – так, мелочь. Как будто и не жил.
А разве жизнь не давала пицци для огня?
И требовала так мало – всего без остатка меня.
А мне себя было жалко на это дело и то.
И отдал себя без остатка я вовсе ни на что.
Берег для чего-то вечного, главного свой накал.
А главное – не беречься. Как поздно я это узнал.
Как поздно это осознано. Какой же я был дурак.
Поздно. Поздно. ПОЗДНО.
Крах.

Пенза, 1966

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Ведь не день за днем, не минута за минутой встают у нас перед глазами, воссоздавая минувшее время, а лишь те события, которые, словно тяжелая печать, оставляют неизгладимый след».

Павел Хюлле. Касторп. Роман. «Иностранная литература», 2005, № 6, стр. 41.

Дмитрий Горихвостов

«Записки россиянина, путешествовавшего по Европе с 1824 по 1827 год»

Двести лет назад основным источником знаний о странах и землях служили записки путешественников.

По подсчетам исследователей, в первой половине XIX в. на короткое время по семейным или хозяйственным делам из России за границу выезжало около 30 тысяч человек. На продолжительный срок, включая многомесячные путешествия, ежегодно отбывало 3-4 тысячи подданных российского императора.

Их воспоминания о путешествиях в виде писем, заметок, записок затем публиковались.

Одним из таких источников для современников являлись «Записки россиянина, путешествовавшего по Европе с 1824 по 1827 год» пензенского помещика Дмитрия Петровича Горихвостова (1769-1846). Единственный раз они были изданы в Москве в 1831 году.

Черновик «Записок...» хранится в фонде Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. Долгое время он числился как рукопись неизвестного автора и только в апреле текущего года был атрибутирован.

Дмитрий Петрович Горихвостов был очень богатым человеком. Он имел поместья в семи губерниях: Санкт-Петербургской, Московской, Новгородской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской и Ярославской.

В Пензенской губернии ему принадлежало более тысячи душ крепостных крестьян в пяти уездах (Пензенском, Инсарском, Краснослободском, Нижнеломовском, Наровчатском).

Центром пензенских владений Горихвостова являлось село Архангельское (Кучук-Пор) – сегодня это село Кучки Пензенского района. Здесь находилась усадьба с садом и оранжереи .

Свое первое путешествие за границу Д. П. Горихвостов совершил в 1802-1806 гг. Он побывал в Германии, Голландии, Франции, Англии. Результатом его поездки стали «Письма россиянина, путешествовавшего по Европе с 1802 по 1806 гг.».

После смерти Д. П. Горихвостова (15 августа 1846 г.) усадьба в Архангельском по наследству перешла Анне Павловне Гевлич (1805-1881).

Вместе с домом собственностью А. П. Гевлич стала находившаяся в нем библиотека Горихвостова, в которой был черновик его «Записок...» – небольшая записная книжка объемом в 160 страниц. Дальнейшее ее передвижение по Пензенской губернии отследить невозможно.

Ясно одно, что в Лермонтовской библиотеке она оказалась в первые годы советской власти, когда в нее свозились книги из разрушенных дворянских усадеб. Попадание черновика «Записок...» в дореволюционную Лермонтовскую библиотеку исключено, так как на нем отсутствуют печать и каталожные номера этой библиотеки.

«Записки ...» Горихвостова – повествование о втором путешествии Дмитрия Петровича в Европу в 1824-1827 гг. Черновик, хранящийся в Лермонтовке, охватывает период с 21 июня 1824 г. (дата выезда Горихвостова из Москвы) до 30 ноября 1824 г. (пребывания Горихвостова в Риме).

Фрагменты «Записок...», предлагаемых читателю, освещают путь Д. П. Горихвостова из Москвы до Карлсбада

(современные Карловы Вары), а также его лечение на этом курорте.

Текст публикуется по книге Д. П. Горихвостов «Записки россиянина, путешествовавшего по Европе с 1824 по 1827 год» (М., 1831). Необходимые пояснения даются в примечаниях. Стилистические различия чернового и белого текста не учитываются. Текст печатается в современной орфографии и пунктуации.

Дмитрий Мурашов

Киев, 3 июля 1824 г.

Я выехал из Москвы в предположенный путь 1824 г. июня 21 дня. В Киев приехал 3 июля. Ненастье продолжалось. Несколько станций около Москвы весьма грязны были и затруднительны. От Москвы до Киева я ехал на города: Боровск, Малоярославец, Калугу, Перемышль, Козельск, Волхов Севск, Глухов, Батуриин, Нежин и другие уездные.

Малоярославец занимает местоположение нагорное, быв театром кровопролитного сражения в последнюю отечественную войну и переходя неоднократно из рук в руки, он стяжал имя значимое в истории сей войны.

Грязная, обременительная дорога до Калуги, враждебная экипажам, была причиной остановки в ней.

За Батуриным была ужасная буря, принудившая искать убежища, даже спасения. Жестокою свирепостью, сильными порывами ветра она оставила следы опустошительные и была пагубна нескольким людям.

По Калужской губернии устроенные дома на станциях доставляют приезжающим хорошие пристанища. Большие селения по сей дороге редки. Хаты малороссийские кажутся не столь благовидны, как великороссийские красные избы, может быть, по привязанности к родной стороне.

Киев построен на холмах и равнинах. Три части составляющие его: Печерск, Старый Киев и Подол – отделяются между собой некоторым расстоянием и дорогою неровною. По обширности своей он кажется малолюден, хотя содержит 26000 жителей.

Строение его деревянное не представляет огромных зданий; церкви знаменуются архитектурою греческою. Вымощенный деревянными мостовыми, не везде в дождливую погоду бывает грязен.

Пещеры в Лавре ознаменованы святынею многочисленную, мощами и главами мироточивыми, скрывают под спудом телеса главных угодников Киевских, Антония и Феодосия. Святые места, привлекающие поклонников во множестве, ныне наполняются более простолюдинами и нищими, требующими подаяния усиленно, особенно в коридорах пещер.

В Киеве нет ни одной порядочной ресторации и хорошего вина, разве за большую цену. Обширный сад дворцовый, служащий публичным гульбищем, не без приятностей.

Лемберг (ныне Львов), июля 16/28¹

В Австрийской пограничной таможне обошлись с нами благосклонно и имущества нашего не перерывали. Сундуков наших не отпирали за некоторую плату. Здесь паспортов наших не скрепили под предлогом не явки оных австрийскому консулу в Москве для надлежащего засвидетельствования и нас задержали. Выдача новых стоила нам шести червонцев и около суток промедления.

Лемберг, главный город восточной Галиции, с 25 тыс. жителей, из красивых польских, занимает местоположение между горами, представляя с террас разнообразие видов прелестное, огражденное холмами;

украшается красивыми зданиями, церквями огромными, будучи резиденцией епархиальных архиереев трех исповеданий: греческого, католического и армянского; имеет высшее училище для образования юношества.

От Бродов начинается дорога устроенная, шоссе; мы едем покойно и скоро.

Краков, июля 21 августа/августа 2

Краков ныне в числе вольных имперских городов; по обширности своей, малолюден, вмещая около двадцати пяти тысяч жителей. Построен красиво, дома его высокие, разнообразные, соединяются между собою в прямых линиях.

Церкви великолепные, особенно Богоматери и Соборная в замке². Сей храм считает с четырнадцатого столетия коронования и погребения королей польских, происходившие в нем, представляя мавзолеи их и бискупов³ величественные.

Алтарь Св. Станислава отличается серебряною ракою сего праведника и утварью. В подземелье сей церкви над гробом короля Иоанна Собеского⁴ сооружен памятник не великолепный; но смертные остатки генерала Костюшки⁵, умершего в Швейцарии, и князя Понятовского⁶, утонувшего в 1813 г. в Лейпцигское сражение в Эльстере, в побеге от неприятелей, лежат в простых деревянных гробах за печатями на поверхности помоста.

Первый как воин храбрый, спаситель Вены; второй как патриот ревностный, достойны почести; третий, сражаясь на войне несправедной, не за отечество, а из-за подострастия к чужому деспоту, не знаю, заслуживает ли оную и место наряду с ними?

Университет Краковский славится более древностью, будучи основан в 1364 году. Ботанический сад имеет

некоторые растения редкие и особенно богат водяными. В обсерватории при оном словоохотливый профессор рассказал нам со всею подробностью отличительные действия каждого инструмента астрономического; здесь также предметом любопытства нашего был орел карпатских гор величины необыкновенной. День сей я кончил прогулкой по прекрасным обширным здешним булеварам, усаженным тополевыми деревьями.

Прага, июля 30/августа 11

До Праги мы следовали на Цвитау путем кратчайшим, но неустроенным. Из Кракова по шоссе везли мой тяжелый дормез только на трех почтовых лошадях, а здесь подпрягали четвертую. На почтовых станциях задержек не бывает.

Почтальоны не останавливаются ныне на полдороге выпить и закусить, как бывало прежде, и везут хорошо. В имперских владениях они одеты в красные куртки с серебряным галуном; шляпы на них треугольные или круглые с галуном же и султаном. Прогонных денег взимают здесь по гульдену ассигнационному (наш рубль) на лошадь за каждую милю.

Частые заставы для сбора дорожных пошлин не мало затрудняют проезжающих. Страна сия безводная, весьма гористая, особенно около Тешина. Для съезда с гор нужно запастись тормозом сего края в виде полоза, не столько повреждающим дорогу. Наши крючья подвергаются денежной пени.

От Праги до Карлсбада считают четырнадцать миль по дороге, также гористой.

Карлсбад (ныне Карловы Вары), августа 8/20

В Карлсбад, в самую гостиницу графа Больца, мы въехали каждым экипажем на двух тормозах. Дорога,

удобно обведенная около длинной крутой горы, укрепленная каменною стеною с подпорами, идет в утес до самого средоточия Карлсбада. Если выключить останки, то я был в дороге до Карлсбада с ночлегами 28 дней; всего из Москвы с 21 июня по 1 августа — 42 дня.

Сей город расположен в ущелье каменистых высоких гор, покрытых густым лесом, при самых целебных источниках, в стране необыкновенной, единственной по положению своему.

Приезд гостей здешних провозглашается тотчас трубами; потом приветствует их оркестр музыки; в то же время наемные слуги предлагают услуги на разнос визитных карточек, вручая некоторые завалывшиеся у них в карманах, оставшиеся за расходом. За ними является комиссионер с печатным именованным списком посетителей здешних, которых на сие число значится за 1600 фамилий, и требует подписки на получение оногo.

Наконец разряженная девица Шантрох подносит от имени матери, содержательницы здешнего театра, театральную афишу, напечатанную на цветном атласе и вложенную в узорчатый лист, на коем прописаны полный титул и имя приветствуемой особы, увенчанные высокопочитанием и преданностью в немецком стиле. Разумеется, что сия сборная братия оказывает почести и услуги для собственных выгод.

По принятому образу здешнему мы разослали посетителям Карлсбада визитные карты и взаимно получили от некоторых, как то от графа Алопеус⁷, посла нашего в Берлине, генерал-адъютанта князя Трубецкогo⁸, барона Строганова⁹, бывшего посла в Константинополе, князя Юсупова¹⁰ и некоторых других.

Паспорта у приезжих к водам отбираются полицейей, заменяющие оные билетами нумерованными для

обеспечения пребывания, с взиманием за каждый по десяти гульденов ассигнационных. Сбор незначительный, относительно к удобствам устройству развлечений и гульбищ, которые предоставляет Карлсбад; особенно к надежде исцеления, столь сладостно питающей каждого посетителя сего места.

Русских мало. Теперь более разъезжаются отсюда, чем приезжают, но мы еще не опоздали. Погода продолжается неблагоприятная.

Город сей невелик, но с особенными приятностями вмещает 2200 обывателей и 540 домов, из коих каждый имеет свое название и вывеску именную в живописи и письме.

Со всех сторон высокие горы, обросшие густым лесом, осеня его, кажутся висящими над ним; в некоторых местах вдавшиеся в строение каменные скалы и другие конечности высот увенчаны крестами и святыми изображениями. Восточная сторона с отлогостями являет картину роц, холмов, лугов, хлебов в колосьях, рассеянные домики, киоски. Все сие в пределах необширных прелестной природы, у самого города, перед глазами.

Главная улица, называемая Визе, составляет прекрасное гулянье внутри города. По одной стороне ее идет ряд домов, соединенных между собою, прилежащих к горе, в нижних жильях коих находятся отделения с разным товаром, мастерские и проч.

С другой стороны, вдоль речки, между каштановыми деревьями, лавки купеческие представляют покупщикам товары большей частью мануфактур сего округа, которые снабжаются материалами своих гор.

Дорожки по высоким горам так искусно выведены, что на самое возвышение достигающих мало утомляют. На них беседки, красиво устроенные, в перспективах

видов живописных доставляют не одно отдохновение, но и улаждают взоры прелестными картинами. Есть здесь памятники в честь и славу карлсбадской воды.

Я здесь время провожу в довольно приятном развлечении. Загородные прогулки, несколько отдаленные от города, на которые по большей части я езжу с земляками, находящимися здесь, а именно с полковником гвардейской артиллерии Симборским¹¹, Черновым¹² и Эртелем. Первый живет с нами в одном доме. С ним ежедневно вместе и обедаем.

Иностранное вино в императорские владения запрещено ввозить, почему и употребляются в них свои австрийские и венгерские, которые очень худы и продаются дорого. Здешние воды, по замечаниям, оказывают врачебное действие спустя некоторое время по употреблении; почему и по окончании курса предписывают соблюдать постоянно ту же диету.

Кофе, по мнению медиков карлсбадских, более сообразуется с водами их, нежели чай, которого они не пьют и другим пить не советуют. Белый хлеб вредит здоровью; простая вода может произвести водяную болезнь.

Францесбад,¹³ сентября 6/18

Мы выехали из Карлсбада 2/14 сентября. Карлсбад доставлял иногда приятные минуты. Я буду вспоминать о нем с удовольствием, доколе иные сладостные чувствования не заменят удержанных или доколе время не затмит его в памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. После пересечения российской границы Д. П. Горихвостов указывает даты по юлианскому (Россия) и григорианскому (Европа) календарю.

2. Речь идет о Вавельском замке, находящемся в нем соборе святых Станислава и Вацлава и церкви Богоматери на рыночной площади Кракова.

3. Бискуп – католический епископ в Польше.

4. Ян Собеский (1629-1696) – польский король. В 1683 г. нанес поражение армии Османской империи под Веной, остановив ее продвижение в Европу.

5. Тадеуш Костюшко (1746-1817) – польский политический и военный деятель. Один из руководителей национально-освободительной борьбы за восстановление Польского государства.

6. Князь Юзеф Понятовский (1763-1813) – военный министр герцогства Варшавского, маршал Франции, в 1812-1813 гг. командующий корпусом в наполеоновской армии.

7. Граф Давид Максимович Алопеус (1769-1831) – дипломат, российский посланник в Пруссии (1815-1831).

8. Князь Василий Сергеевич Трубецкой (1776-1841) – генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г., сенатор (1826).

9. Григорий Александрович Строганов (1770-1857) – российский посланник в Османской империи (1816-1821).

10. Возможно, князь Николай Борисович Юсупов (1750-1831) – дипломат, меценат и коллекционер, владелец усадьбы Архангельское (Москва).

11. Андрей Михайлович Симборский (1792-1868) – полковник, командир лейб-гвардии артиллерийской бригады.

12. Возможно, Константин Пахомович Чернов (1803-1825) – подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка, член Северного общества декабристов. Смертельно ранен на дуэли с В. Д. Новосильцевым в сентябре 1825 г.

13. Современный курортный город Франтишкови-Лазне в Чехии.

Переписка с авторами и читателями

После выхода третьего выпуска «Парка Белинского» (№ 1 за 2013 год) на имя учредителя и главного редактора пришли письма от авторов и читателей. Публикуем их.

Андрей Назаров, прозаик, эссеист, издатель, Копенгаген, Дания:

Мне интересны Ваши размышления и дорога Ваша сущностная увлечённость Россией.

Я для того стар и опустошённо лишён иллюзий. Наступил иной век, куда родина наша перетащила все стереотипы мышления и реакций, наработанные веками рабства. Это прихотливое соединение, и я не представляю, во что оно может вылиться. Чувство достоинства, на которое Вы возлагаете надежду, есть чувство изначально сословное, которое вместе с этими сословиями и было уничтожено.

Советская власть заменила сословия категориями, грубо делившимися на вохру и эзков. А те, кто нёс в себе человеческое достоинство, изымались по определению, начиная с той «тысячи людей», ради которых, по убеждению Достоевского, Россия тысячелетие и простояла. Моих, в частности, предков.

Я полагаю, что национальная идея, как дерево, Вы верно отметили, прорастает снизу – из уклада народной жизни. Коммунисты рвали с корней, перемешивали народы и сословия в кровавой каше. Ничто не успело сложиться заново, ничто не сложилось.

Потому вполне естественно, что сейчас в России наступил час воровства, ставшего столь общепринятым явлением, что, по сути дела, и воровством быть перестало, явившись дикой формой распределения общественных благ. Но это и час свободы высказывания мысли, дай Бог ему продержаться, сколь возможно, долго.

Свидетельством тому – Ваша просветительская деятельность, которая в исторически близкие, вчерашние времена привела бы Вас в потьменские лагеря, которых и я когда-то миновал по случаю.

Удачи Вам, Валентин, новых идей и открытий!

Евгений Брейдо, писатель, г. Бостон, США:

Прочел статью про национальную идею.

Резюмирую коротко, насколько получится. С меседжем, интенцией, общей направленностью статьи согласен. К перечисленному тобой списку национальных концепций следует добавить сформулированный тобой лозунг: «либеральный патриотизм». С этим тоже согласен.

Пошел бы под таким лозунгом (замечу в скобках, что разумный космополитизм складывается из либеральных патриотизмов: мне вот здесь нравится это, здесь – это, вон там – то, и я хочу взять в свой патриотизм вон то, вот это, немного отсюда и еще чуть-чуть того; но это другая история).

Только я бы назвал все это не национальной идеей (не очень мне нравится это сочетание), а концепцией развития. Именно в этом ключе нужно рассматривать и приведенные тобой четыре концепции.

Чуть-чуть исторической коррекции.

Москва – Третий Рим кажется концепцией не внутреннего происхождения. Она была придумана, похо-

же, в Италии, в Венеции. Жена Ивана Третьего София Палеолог была, по сути, итальянкой (выросла в Италии).

Светлейшая республика Венеция напрягала тогда все силы в борьбе с турками, ей позарез нужны были союзники, вот умные и хитрые венецианцы и придумали красивую такую идеологию и решили продать ее простодушному русскому князю вместе с женой. А князь должен был понять свою миссию, а если что не дотумкает, то жена объяснит.

Ничего из этого не вышло. Князь был человек умный (сильно недооценен, по-моему, этот русский владетель), вежливо выслушал, но заботы у него были совсем другие, и таскать из огня каштаны для венецианцев он не собирался. Да и не смог бы, думаю.

Хитроумием (скажем по-простому, хитрожопостью) он совершенно не уступал венецианцам, но был полностью поглощен внутренними проблемами и спорами с ближайшими соседями и применял ее там. Мировая концепция ему была ни к чему. Жена София в политические дела мужа не вмешивалась.

А вот культуру Иван готов был впитывать, и они немедленно пригласили итальянских архитекторов строить соборы в Московском Кремле. Так Россия получила свой кусочек Возрождения.

Идея же Москвы – Третьего Рима совершенно не привилась – здесь ты абсолютно прав. Ни Грозному, ни его наследникам до Алексея Михайловича Тишайшего включительно она была ни к чему, а у Петра на это и вовсе обнаружилась сильная аллергия.

Попытка королевича Владислава никакого отношения к этой идее не имеет – это просто соседские споры, да и был он католиком, а суть Третьего Рима была – стать воспреемником византийского православия в ми-

ровом масштабе. Это не светская политическая идея, а религиозно-политическая, только венецианским циникам-вольнодумцам было все равно, они же продукт Ренессанса, да и турки заседали сильно – не до теологии им было.

Русские православные догматики – другое дело.

Помнишь замечательное стихотворение Самойлова «Окно»:

Глядим в окно на старую Европу,
Кабы не подала дурной пример,
Европа нам показывает жопу,
И мы в своё окошко кажем х...

Реализация данной концепции Самойловым описана абсолютно точно.

Концепция «православие, самодержавие, народность» была предложена министром просвещения Уваровым при Николае Первом и вполне взята на вооружение Победоносцевым только при Александре Третьем.

Во время борьбы с Наполеоном ее еще не существовало в природе, да и не могла она существовать, потому что погоду тогда делали молодые либералы – победители Наполеона, их подход тебе близок, его можно уложить в формулу «просвещенный патриотизм».

Вот кстати пришло название: просвещенный патриотизм мне нравится больше либерального, уж больно слово заезженное, десемантизированное.

Владимир Дворянов, историк и специалист по связям с общественностью, г. Москва:

Прочитал статью про национальную идею. Статья интересная. Именно с позиции мировоззрения интеллектуала, способного участвовать в создании национальной идеологии.

Но я бы добавил к этому еще буржуазию как глав-

ного заказчика национальной идеологии. Все же нации – порождение капитализма, которого в России в нормальной версии никогда не было. Когда соединяются заказ (деньги) и идеи, возникшие в информационном поле (опять же надо посмотреть, из-за чего они возникают), тогда возникает национальная идеология.

Проблема России в отсутствии заказа. Наверное, Маркс прав, сказав, что революция начинается там, где закончилась предыдущая революция. На мой взгляд, то, что случилось в феврале-октябре 1917 года, закончилось в конце 1920-х годов.

Когда сталинская команда победила ленинскую гвардию, рассматривавшую Россию не как трамплин для завоевания мира, а как прибыльный проект, дивиденды от которого лучше вывести за пределы страны.

Победа внуков ленинской гвардии, случившаяся в конце 1980-х, привела к новому изданию НЭПа, а не к капитализму.

Независимой национальной буржуазии в стране пока что нет, а есть население городов, находящееся как бы в предкапиталистическом состоянии (здесь я бы согласился с выводом Ахиезера).

Что-то похожее, с учетом национальной специфики, было в 1920-е годы в Германии. Наверное, если рассматривать вопрос под таким углом, опыт Германии был бы сегодня особенно интересен.

Как и ответ на вопрос, сможет ли Россия прийти к патриотизму достижений путем мирной трансформации, или лишь пройдя через трагедию, аналогичную трагедии Германии в XX веке.

Михаил Архангородский, психотерапевт, г. Пенза:

На мой взгляд, чувство собственного достоинства не равняется национальной идее, но является одним

из неперенных условий формирования позитивной национальной идеи.

Согласен полностью, что русская национальная идея содержит два пласта: то, что думают, то, что чувствуют.

Я бы добавил и третий пласт: то, что делают. Вот эти три пласта в России почти всегда были разными у большей части населения. Абсолютно разными, независимо была ли власть князя, царя, генсека.

Национальной идеей большей части населения России во все века было ВОРОВСТВО. Как бы это тяжело ни звучало, воровство не было и не является неким моральным ущербом нации, но привычной РЕАКЦИЕЙ ПРОТЕСТА на подавление чувства собственного достоинства властью, жестокость законов государства, его отчужденность от жизни и устремлений широких масс, на имперскую активность государства.

Национальной идеей власти всегда была имперская идея. Захват и защита гигантских территорий, защита их от все большего количества внешних врагов и подавление внутренних недовольств.

В прошлом это осуществлялось под эгидой православия – государственной религии – идеологии, с целью обратить в истинную веру «басурман», а по сути, экономически воспользоваться богатствами и людскими ресурсами новых территорий.

Ровно та же национальная идея мировой экспансии была выражена большевиками и их лидерами в попытке осуществить «мировую революцию».

В периоды народных восстаний против власти к идее ВОРОВСТВА присоединялась идея АГРЕССИИ, выражавшаяся в стремлении поголовно уничтожить ненавистных представителей власти и разграбить их имущество.

Русский бунт был беспощадным, но не был бессмысленным. Это бунт-отчаяние, бунт – суд Линча, бунт как кровавая реализация массового чувства мечты о «справедливой власти».

Таким образом, всю российскую историю в одной культурно-исторической общности людей существовали две национальные идеи-антагонисты, причем обе носили негативный, деструктивный характер. Их борьба, приводившая к взаимной аннигиляции энергии, не дала в полной мере реализоваться ни одной из них.

И приводила к постоянному модернизационному отставанию в сравнении с европейскими странами, отчуждала от них Россию, понижала жизненный и культурный уровень населения.

Таким образом, национальная идея или идеи могут быть негативными и позитивными. Только в короткие периоды отечественных войн, российское общество обретало некий консенсус на основе борьбы с внешним врагом и извечная «гражданская война национальных идей» относительно прекращалась.

Агрессивная борьба общества и власти как бы получала внешний путь выхода, что едино, положительно воспринималось в мыслях, чувствах и действиях массы и власти.

По окончании борьбы с врагом вектор агрессии возвращался на свое «исконное место», производя эффект коррозии металла и в конце концов привел к распаду «колосса на глиняных ногах» СССР.

Не могу согласиться, что в России до настоящего времени нет нации в любом из названных вами смыслов. Но есть расколотая нация, неуклонно движущаяся к деструктивной атомизации, где властная часть нации вновь насаждает народу не принимаемые им формы бытия, законы, устройство жизни.

Другая, большая часть нации, отвечает на это протестом – воровством, оппозицией – агрессией. Так было. Так есть. Но будет ли так и дальше?

Необходимо искать пути примирения расколотого общества. И трансформации национальных идей из негативных в позитивные. Близкие массам и власти и выгодные им.

Мне кажется, что в России, с ее эмоциональным, мифологически насыщенным менталитетом, вопрос о национальной идее решит одна, но очень харизматичная личность, которая выйдет из новой популяции граждан, обретающих собственное достоинство, которая всех и поведет за собой.

В России это действует куда лучше, чем сотня самых умных проектов, программ и прочего.

Статья Ципко для меня неоднозначна. С одной стороны, интересна история борьбы идей. С другой стороны, внутриинститутская история, как она изложена, мало кому интересна.

Слишком преувеличено влияние на Горбачева того, что ему посылалось. Реформаторские идеи сложились у него задолго до того, как он стал генсеком под влиянием Раисы Максимовны.

Живи эта женщина в другой стране, она могла бы стать политиком масштаба Тэтчер.

В полном восторге от статьи Фадеева о Вайнере. Он великолепно справился со своей задачей. Блестящий тонкий анализ! Получил огромное удовольствие!

Рассказы Вайнера – чудо! Изюминка художественной части номера. Коротенькие рассказы, как электрические батарейки.

Какая энергетика в них аккумулирована, какая глубина не высказанной словами, но передаваемой читателю глубины мысли чувств!

Леонид Трус (1928-2013), исследователь и поэт:

Что касается «ПБ-3», то лучшее в нем, на мой вкус, – это стихи Марии Сакович при всей их неровности.

Интересны воспоминания Ципко: не столько как свидетельство о том времени, сколько как образчик рефлексии известного общественного деятеля тех же времен.

Рассказы Вайнера – вне конкуренции, но статья Ю. Фадеева о нем показалась мне слишком многословной и излишне комплиментарной в ущерб аналитичности.

Судьба этого писателя трагична. Нет, его не арестовывали, не морили ни в психушках, ни в лагерях. Всё будничней и заурядней. Обыкновенная трагедия неузнавания. Ни Россия, ни мир не узнали в нём гения, чьё имя должно бы стоять рядом с такими гигантами как Кафка, Хэмингуэй, Маркес...

Он и сам себя не распознал, называл себя бытописателем. Так бы оно и было, если бы он продолжал писать на уровне «Несовпадения», романа «про врачей» – на уровне «новомирской прозы», тогдашнего камертона литературной добротности. Но его «Широкая масленница» – это уже не про быт (хотя быт там прописан с обычной вайнеровской дотошностью), а про само бытие во всей его невыразимости.

И не про советских людей середины 60-х годов (хотя и советские люди выписаны там с редкой выразительностью, и время – с достоверностью, с ошеломительной свежестью узнаваемых деталей), а про трагизм существования человека – просто жизнь так устроена, бытие.

Недаром же где-то в конце романа звучат строки шекспировского 66-го сонета: ...Глядеть не в силах боле, Как гибнет в нищете достойный муж, А негодяй живет

в красе и в холе, Как попрано доверье чистых душ,...-
Как над Искусством Произвол глумится, Как правит
Недомыслие Умом, ...

Правда, слова эти выкрикивает вдрызг пьяный, предельно опустившийся человек с нелепым именем Фиан, сам себя не воспринимающий всерьёз, но почему-то именно это сообщает его словам особую силу: кому же провозглашать истину, как не шуту!

Потом следует масленица, гулянье, герой мирится с женой и с жизнью, но в памяти остается не этот happy end, а шекспировское: Всё мерзостно, что вижу я вокруг...

Необходимо вернуться к этой теме – быт и Бытие. Слова однокоренные, но различаются, как просто число, пусть и сколь угодно большое, и число бесконечно большое.

Нет, пожалуй, не так, а как плоская «реалистическая» картина какого-нибудь Лактионова и – тоже ведь плоское полотно, но не просто даже объёмное, а включающее в себя и некий потусторонний объём – картина Эль Греко.

Каким образом достигает этого эффекта бесконечно-мерного объёма Михаил Вайнер, непонятно.

То есть, на первый взгляд, как раз всё кажется понятным: едва ли не каждый персонаж, каждая ситуация описывается им вроде бы предельно выпукло, всесторонне, но потом добавляется ещё один мазок, один штрих – и вдруг становится физически ощутимым: то, прежнее видение персонажа, ситуации было лишь иллюзией выпуклости, и лишь теперь оно обрело неисчерпаемую объёмность бытия.

Да, всё это кажется понятным таким «художественным» приёмом.

Но закрываешь последнюю страницу романа, пос-

ледняя строчка которого вот таким же образом преобразует это повествование о бытовых перипетиях посторонних, в общем, тебе людей в трагедию твоего, да что там, любого человеческого существования на земле – и понимаешь: это не «приём», это – чудо искусства, того самого Искусства, которое недаром принято писать с большой буквы.

Но о чём я говорю? Всего этого нигде нет. Осталось лишь в памяти нескольких человек, читавших роман в рукописи.

А тот, что напечатан в Ленинграде в 1980 году, может служить разве что пособием для студентов-филологов на тему «Редактирование как способ выхолощивания художественного текста».

Вот так: положить рядом исходный и отредактированные тексты и – абзац за абзацем – демонстрировать технику превращения великолепной сосны в телеграфный столб...

Так ведь и это невозможно: нет нигде исходного текста, остался только этот, выхолощенный.

Выписки: подражание М. Л. Гаспарову

«Вообще, писать надо как можно короче, ничего не разжевывая: когда в 1949 году мы с моим другом Ковалой переступили порог сапожной мастерской в Легнице, на вопрос директора: «Что вам угодно?» – Ковала с милой улыбкой ответил: «Выручку», – и предъявил ТТ. Коротко и ясно».

Марек Хласко. Красивые, двадцатилетние. «Иностранная литература», 1993, № 12, стр. 190.